

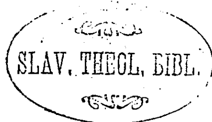

А. И. Разумихинъ.

ИСТОРІЯ

РУССКОЙ ПРОПОВѢДИ.

ИЗДАНІЕ КНИЖНАГО МАГАЗИНА „ПРАВОВѢДѢНІЕ"
комиссіонера Синодальной типографіи и Государственной типографіи
ИВАНА КАЛЛИНИКОВИЧА ГОЛУБЕВА.
Москва, Никольская, д. «Славянскаго Базара».

От Московскаго Духовно-Цензурнаго Комитета печатать дозволяется.
Москва, 20 августа 1904 г.
Цензоръ протоіерей Александръ **Смирновъ**.

Типо-Литогр. І. И. Пашкова. Москва, Милютинскій пер., д. Арбатской.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Составляя настоящіе очерки по исторіи русской проповѣди, авторъ не имѣлъ въ виду предложить самостоятельныя изслѣдованія, а желалъ лишь изъ бывшихъ у него пособій избрать то, что находилъ наиболѣе пригоднымъ для учебныхъ цѣлей преподаванія этого предмета въ духовныхъ семинаріяхъ — (Исторія русской проповѣди, по дѣйствовавшему ранѣе настоящаго семинарскому уставу, преподавалась, какъ отдѣльный предметъ), и уясненія свойствъ церковной проповѣди, при чемъ, соотвѣтственно указаннымъ цѣлямъ, источники измѣнялъ и дополнялъ собственными замѣтками. Принимая во вниманіе съ одной стороны важность предмета гомилетики въ курсѣ семинарскихъ наукъ, съ другой — недостаточность существующихъ пособій, составитель надѣется, что и таковой его скромный трудъ будетъ въ какомъ-либо отношеніи не безполезенъ при преподаваніи этого предмета: съ такой точки зрѣнія онъ и проситъ смотрѣть на настоящее изданіе.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ВВЕДЕНІЕ.

Задача исторіи Русской проповѣди.

Въ исторіи русской церковной проповѣди разсматриваются русскія проповѣдническія произведенія—въ послѣдовательномъ порядкѣ—начиная со времени введенія христіанства на Руси до настоящаго времени. Это разсмотрѣніе касается какъ содержанія русскихъ церковныхъ проповѣдей,—такъ равно ихъ характеристическихъ особенностей. Но такъ какъ на характеръ проповѣди оказываетъ вліяніе личность проповѣдника: степень его образованія, личныя качества,—характеръ и т. д.,—то въ исторіи русской проповѣди излагаются біографіи проповѣдниковъ,—насколько онѣ служатъ къ уясненію характера ихъ проповѣдей. Съ другой стороны извѣстно, что проповѣдь, какъ и вообще всякое литературное произведеніе,—зависитъ отъ времени, въ которое она появляется: время предъявляетъ проповѣди тѣ или другія требованія; историческія условія оказываютъ на нее то или другое вліяніе. А поэтому въ исторіи русской проповѣди указываются историческія условія и запросы времени,—въ которое появлялись русскія проповѣдническія произведенія.

Раздѣленіе исторія русской проповѣди на періоды.

Вся исторія русскаго церковнаго проповѣдничества распадается на три главныхъ отдѣла. Первый отдѣлъ обнимаетъ періодъ времени отъ XI в. до XVI в.,—когда рус. проповѣдь находилась подъ вліяніемъ византійской проповѣди. Второй

отдѣлъ обнимаетъ собою періодъ времени отъ XVI по XVII, когда русская проповѣдь испытывала вліяніе латино-польской проповѣди. Наконецъ съ XVIII в. рус. проповѣдь начинаетъ отрѣшаться отъ различныхъ, постороннихъ вліяній и развиваться самостоятельно. Первый отдѣлъ можно еще раздѣлить на 3 періода, изъ которыхъ каждый обнимаетъ собою два вѣка. Первый періодъ обнимаетъ XI и XII в.в. т. е. время до Монгольскаго ига; второй XIII и XIV в.в. и третій XV и XVI в.в.; въ каждомъ изъ этихъ періодовъ времени рус. проповѣдь имѣла свои особенности *).

---

*) *Примѣч.:* Предлагаемые очерки по исторіи русской проповѣди изложены главнымъ образомъ по слѣд. пособіямъ:

1) Исторія русскаго проповѣдничества. Катаева.
2) Исторія русской проповѣди. Заведеева.
3) Проповѣди. Христоматія. Поторжинскаго и друг.

ОТДѢЛЪ I-й.

Русская церковная проповѣдь подъ византійскимъ вліяніемъ.

Русская церковная проповѣдь образовалась подъ вліяніемъ византійской — греческой проповѣди. Это вліяніе легко объясняется тѣмъ во 1-хъ, что христіанская вѣра принята была нами изъ Византіи, естественно, что во всемъ, что касалось вѣры, должна была служить намъ образцомъ та страна, откуда вѣра заимствована; во 2-хъ, вмѣстѣ съ вѣрой мы получили изъ Византіи: и церковную письменность, въ область которой входили и проповѣдническія творенія; въ 3-хъ,—первыми русскими пастырями—проповѣдниками—по большей части были греки по происхожденію или получившіе греческое воспитаніе (особенно-же митрополиты и епископы): естественно, что они въ своихъ проповѣдяхъ находились въ зависимости отъ греческихъ проповѣдниковъ.

Въ чемъ оно отразилось? На содержаніе и внутренній характеръ русскихъ проповѣдей оказывали вліяніе греческія святоотеческія творенія IV в.,—особенно-же Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста, переведенныя на русскій языкъ. Изъ этихъ твореній русскіе проповѣдники заимствовали матеріалъ для своихъ проповѣдей. Но въ построеніи и изложеніи проповѣди образцами для русскихъ проповѣдниковъ служили греческіе проповѣдники того времени,— когда было принято нами христіанство. Это время въ исторіи греческой проповѣди называется византійскимъ періодомъ (съ V—XV в.)., такъ какъ Византія служила тогда главнымъ центромъ просвѣщенія. Характеристичная черта византійскихъ церковныхъ проповѣдей, это—искуственность.

Искуственность ихъ выражается прежде всего въ употребленіи текстовъ Свящ. Писанія. Тексты Свящ. Писанія для уясненія и доказательства мыслей употребляются и въ святоотеческимъ твореніяхъ. Хорошо знакомые съ Библіей и

глубоко проникнутые ея духомъ, Св. Отцы и Учители церкви свои литературныя произведенія дѣлали вѣрнымъ отображеніемъ духа и буквы Библіи. На всѣ предметы и истины они высказывали воззрѣнія библейскія, т. е. вполнѣ основанныя на библіи. Точныя слова библіи — тексты — въ ихъ проповѣдяхъ являлись по внутреней ихъ необходимости, — по требованію мысли и чувства, — и были вполнѣ естественны и умѣстны. Таковы творенія св. Василія Великаго, Григорія Богослова и Іоанна Златоуста. Не то замѣчаемъ у проповѣдниковъ византійскаго періода. Видно, что и они сознавали необходимость приближаться въ своихъ проповѣдяхъ къ библіи, но эта близость болѣе внѣшняя, чѣмъ внутренняя. Текстовъ Свящ. Писанія въ нихъ много: иногда цѣлыя страницы ихъ состоятъ изъ текстовъ. Но нерѣдко многіе изъ этихъ текстовъ въ проповѣдяхъ оказываются лишними, — служа лишь для распространенія мысли, а не для подтвержденія и изобразительности ея.

Искуственность византійскихъ проповѣдей выражается, во 2-хъ, во внѣшнемъ изложеніи — языкѣ. Языкъ проповѣдей византійскихъ отличается особенною изысканностію. Здѣсь встрѣчаются очень часто синонимы, эпитеты, сравненія, аллегоріи, противоположенія, вопросы, восклицанія, обращенія. Всѣ эти пріемы для выраженія мыслей можно встрѣтить и у св. Отцовъ IV в.; но тамъ они имѣютъ другой характеръ: тамъ они не сочинены для изложенія рѣчи, а естественно вытекаютъ изъ мысли и чувства проповѣдника. У византійскихъ-же проповѣдниковъ они употребляются только для украшенія рѣчи; авторы не ограничиваются приведеніемъ одного-двухъ искуственныхъ оборотовъ рѣчи: они стараются нанизать ихъ безъ мѣры, хотя бы и не было въ нихъ существенной надобности; если имъ бываетъ нужно сопоставить для уясненія какой-либо мысли два предмета, — то они умѣютъ растянуть это сопоставленіе на цѣлыя страницы; если уподобляютъ одинъ предметъ другому, то стараются доказать, хотя-бы съ нарушеніемъ истинности и естественности, что сходство между этими предметами простирается до мельчайшихъ подробностей. Вопросы и отвѣты у византійскихъ

проповѣдниковъ являются не какъ выраженіе ихъ чувствъ, а какъ искуственная прикраса рѣчи.

Чтобы нѣсколько познакомиться съ образцами византійскаго проповѣдничества, остановимся на томъ мѣстѣ слова Св. Прокла, архіепископа Константинопольскаго подъ заглавіемъ: „похвала Апостолу Андрею",—гдѣ авторъ проводитъ искуственную параллель между рыбной ловлей и дѣломъ проповѣдничества. „Влекущихъ, говоритъ онъ, не видно, а тенеты полны... Они (апостолы) уды не дѣлали, не садились на камень, колеблемый волнами. Вмѣсто уды-же они возвышаютъ проповѣдь; вмѣсто камня ловятъ съ неба; вмѣсто рыбъ ловятъ царей; вмѣсто сѣтей ловили крестомъ. Кто видѣлъ, чтобы мертвые уловляли и живые попадали въ сѣти? Много міръ видалъ дивнаго и необычайнаго: видалъ братоубійства, видѣлъ ковчегъ, бывшій во время потопа родителемъ природы, видѣлъ хижину, пространнѣйшую неба (Быт. гл. 18)., видѣлъ борьбу Создателя съ рабомъ (Быт. 32 гл.), видѣлъ и волны отвердѣвшія, и бездну открывшуюся, но все это, какъ тѣнь и трава прошло... Солнце взошло и тѣнь изчезла. Нѣтъ ничего такого, что могло-бы сравниться съ апостолами"...

Но не всѣ изъ русскихъ проповѣдниковъ подражали такого рода искуственнымъ византійскимъ проповѣдямъ. Подражали имъ тѣ русскіе проповѣдники, которые получали школьное образованіе. Большинство же русскихъ проповѣдниковъ, заимствуя мысли и характеръ произведеній святоотеческихъ,—были самостоятельны въ изложеніи, — стараясь примѣняться къ русскимъ слушателямъ простотой и безыскуственностію изложенія своихъ проповѣдей.

А). Проповѣдь русская до Монгольскаго времени.

Какія задачи предъявляла проповѣдникамъ этого періода новая, христіанская жизнь русскихъ?

Какъ только Славяне приняли христіанство, тотчасъ-же явилась для нихъ необходимость проповѣди. Новымъ христіанамъ нужно было объяснить, во что они должны вѣровать; нужно было научить ихъ, какъ должно жить, чтобы соотвѣтствовать

новому имени христіанъ. Это объясненіе и наученіе было тѣмъ болѣе необходимо для русскихъ христіанъ, что русскій народъ принималъ вѣру не столько по собственному убѣжденію и желанію, сколько по примѣру и приказу князя—Владиміра. Возвратившись изъ Корсуня, послѣ своего крещенія, Владиміръ „повелѣлъ сокрушать кумиры“,—языческія капища—и объявилъ такой приказъ, чтобы всѣ, не исключая женъ и дѣтей, принимали крещеніе и „если кто не окажется на рѣкѣ креститися“, такъ говорилось въ указѣ,—„противенъ Богу и намъ“. И народъ, покорный своему князю, собирался на Днѣпръ и принималъ крещеніе. Такимъ образомъ примѣръ и приказаніе князя всего болѣе имѣли вліяніе на принятіе русскими христіанства. Естественно предполагать, что русскіе, принимая христіанство, не знали въ чемъ оно состоитъ, и не имѣли къ нему сердечнаго расположенія. Поэтому первое требованіе, которое предъявлялось новою христіанскою жизнію русскихъ,—это раскрытіе сущности христіанства и возбужденіе въ сердцахъ новообращенныхъ расположенія къ новой вѣрѣ. Кромѣ того, не смотря на видимую быстроту и легкость, съ какою христіанство распространялось,—въ массѣ народа оставалось много суевѣрій и обрядовъ языческихъ: принятыя истины христіанства смѣшивались съ понятіями языческими и изъ смѣшенія этихъ истинъ и понятій образовалось то, что лѣтописцы обозначаютъ именемъ „двоевѣрія“. Такимъ образомъ для пастыря—проповѣдника этого періода необходимо было не только раскрывать христіанскія истины, но и искоренять языческія понятія и суевѣрія.

Условія, благопріятствовавшія развитію проповѣди.

Потребность проповѣди въ этотъ періодъ живо сознавали и пастыри церкви и представители народа—князья, которые по мѣрѣ возможности и способствовали ея удовлетворенію. Владиміръ Св., по свидѣтельству лѣтописца, нарочито разсылалъ по городамъ и селеніямъ ученыхъ священниковъ, чтобы они научали народъ. А чтобы воспитать образованныхъ духовныхъ лицъ, Владиміръ заводилъ училища и для

пособія проповѣдникамъ, снабжалъ каждую церковь отеческими твореніями. Еще болѣе въ этомъ отношеніи сдѣлалъ Ярославъ. Самъ, любя читать книги, онъ, „собралъ много писцовъ и велѣлъ имъ“ переводить церковныя книги съ греческаго языка на славянскій. Такимъ образомъ было собрано и списано много книгъ, которыя содѣйствовали христіанскому просвѣщенію. Училища, начало которымъ положено еще при Владимірѣ,—при Ярославѣ умножались. Заботясь о наученіи и воспитаніи народа, Ярославъ „строилъ церкви по городамъ и селамъ и пастырямъ велѣлъ учить народъ, такъ какъ это поручено имъ Богомъ, народу же велѣлъ какъ можно чаще посѣщать церковь“. (Лѣтопис.). Пастыри XI и XII вв. живо сознавали необходимость проповѣди. Доказательствомъ этому служатъ съ одной стороны самыя проповѣдническія произведенія, относящіяся къ этимъ вѣкамъ; съ другой стороны свидѣтельства лѣтописцевъ. По свидѣтельству лѣтописца, Кіевскій митрополитъ Михаилъ († 992 г.) былъ „учителенъ зѣло и премудръ“. Митрополитъ Іоаннъ II (1080—89 г.) былъ „мужъ искусенъ въ книгахъ, весьма ученый, философъ, сладкорѣчивъ; онъ часто поучалъ народъ“. (Лѣтоп.). Св. Леонтій Ростовскій (XI в.) „училъ въ церкви—отступать отъ лести идольской и вѣровать во Св. Троицу“. Подобное же говорится въ лѣтописи и о Св. Исаіи Ростовскомъ. Сознаніе необходимости проповѣди высшими лицами—князьями и пастырями было условіемъ, благопріятнымъ для русской проповѣди разсматриваемаго періода.

Условія, неблагопріятствовавшія развитію приповѣди.

Но были и условія неблагопріятныя. Эти условія заключались, во-первыхъ, въ самихъ пастыряхъ. Главное условіе успѣшнаго дѣла проповѣди заключается въ томъ, чтобы руководитель и руководимые понимали другъ друга и были одинаковы по духу. Но кто были наши первые пастыри? Первые наши пастыри были—почти всѣ - иноземные—греки или болгары. Какъ иноземные, они были отличны по духу отъ русскихъ; иначе думали и чувствовали. Не будучи рус-

скими, они не знали и жизни русскаго народа, не знали его слабыхъ сторонъ; все это служило къ тому, что они направляли нерѣдко и свою дѣятельность не туда, куда слѣдовало и не могли отвѣчать вполнѣ потребностямъ русскаго народа. Если, съ одной стороны, наши первые пастыри не вполнѣ отвѣчали потребностямъ нашего народа, то съ другой стороны и самъ народъ былъ холоденъ къ вѣрѣ. Христіанство было принято на Руси не по склонности къ нему и собственному желанію, но болѣе по желанію и приказанію князя. Естественно, что и христіанская проповѣдь не могла скоро заручиться расположеніемъ народа: слушались проповѣди не потому, что желали ихъ слушать, но потому, что это было нужно. Впослѣдствіи, когда русскіе христіане стали обогащаться духовными книгами, (и эта любовь къ духовному чтенію, нужно замѣтить, у нихъ появилась рано), потребность въ проповѣди не ощущалась, вслѣдствіе взгляда на книги, какъ на главный источникъ христіанскаго вѣдѣнія. Если изъ книгъ можно узнать все, то къ чему же проповѣди? При такомъ взглядѣ на книги, проповѣди теряли значеніе; всякое слово сказанное, и не прочитанное возбуждало въ душахъ приверженцевъ книгъ подозрѣніе,— вѣрно-ли сказанное? Если въ книгахъ заключается истина, то къ чему устное слово?—думали русскіе христіане. Понятно, что при такомъ взглядѣ на устную проповѣдь она не могла получить надлежащаго развитія.

Илларіонъ – митрополитъ Кіевскій.

О митрополитѣ Илларіонѣ лѣтописи сохранили весьма скудныя свѣдѣнія. Онъ былъ родомъ русскій. Первоначальное образованіе онъ вѣроятно получилъ въ школѣ, основанной княземъ Владиміромъ. Извѣстно, что онъ былъ священникомъ въ придворной церкви Ярослава—въ селѣ Берестовѣ. Лѣтопись говоритъ про него, что онъ былъ мужъ, „благъ, книженъ и постникъ“. Не ограничиваясь исполненіемъ обязанностей по отправленію церковныхъ службъ, онъ удалялся въ выкопанную на берегу имъ самимъ пещеру и здѣсь предавался благочестивымъ подвигамъ и молитвѣ. Благоче-

стивый образъ жизни и особенныя дарованія Илларіона, обратили вниманіе Ярослава,—и по смерти митрополита изъ грековъ Θеопемта, Илларіонъ, по предложенію Ярослава, былъ избранъ соборомъ русскихъ епископовъ митрополитомъ Кіевскимъ. Долго ли Илларіонъ былъ митрополитомъ—неизвѣстно, но подъ 1072 годомъ уже значится митрополитомъ—Георгій.

Разборъ слова Илларіона „о законѣ и благодати“.

Слово Илларіона состоитъ изъ 3-хъ частей, которыя по видимому разнородны между собою, но на самомъ дѣлѣ имѣютъ тѣсную связь и составляютъ одно художественное цѣлое. Въ первой части проповѣдникъ показываетъ превосходство закона Евангельскаго предъ закономъ Моѵсеевымъ и распространеніе вѣры Христовой между всѣми народами—и въ народѣ русскомъ; во второй—восхваляетъ равноапостольнаго князя Владиміра, просвѣтившаго русскую землю вѣрою, въ третьей—обращается съ молитвой къ Богу отъ лица всѣхъ новопросвѣщенныхъ земли русской.

Первая часть. Свое слово Илларіонъ начинаетъ призываніемъ вѣрующихъ къ прославленію Бога за то, что Онъ не допустилъ людямъ погибнуть, но оправдалъ сначала чрезъ законъ Моѵсеевъ племя Авраама, а потомъ спасъ всѣ народы чрезъ Сына Своего. Далѣе онъ указываетъ на то отношеніе, въ какомъ законъ его находился къ благодати: законъ былъ предтечею и служителемъ благодати и истины,—руководилъ людей къ вѣрѣ.

Высказавши общія мысли о законѣ и благодати, проповѣдникъ подробно раскрываетъ ихъ взаимное отношеніе посредствомъ библейскихъ образовъ *Агари и Сарры*: *Агарь раба*—образъ закона; Сарра свободная—образъ благодати:

Какъ Авраамъ отъ юности имѣлъ жену Сарру, такъ и Богъ прежде вѣкъ опредѣлилъ послать Сына и чрезъ Него благодать. Какъ Сарра долго не имѣла дѣтей, такъ и благодать явилась въ концѣ временъ. Какъ Сарра сказала Аврааму, чтобы онъ взялъ въ жену себѣ Агарь—рабу, такъ и благодать рекла Богу, „сойди на Синай и дай законъ“.

Агарь родила Измаила—раба, и Моусей принесъ не благодать, а законъ, не истину, а тѣнь. Когда Авраамъ и Сарра состарились, имъ явился Богъ у дуба Мамврійскаго. Авраамъ поклонился Богу и принялъ Его въ кущу, такъ и при концѣ вѣка сего Господь посѣтилъ родъ человѣческій и сошелъ въ утробу Матери-Дѣвы и Дѣва съ поклоненіемъ приняла Его безъ болѣзни въ кущу своей плоти. Сарра родила Исаака—свободнаго, Богъ посѣтилъ естество человѣческое и явилась благодать, а не законъ,—истина, а не тѣнь. Какъ для Исаака нужно было вскормленіе, такъ и благодать не вдругъ явилась въ міръ, а 30 лѣтъ воспитывалась и укрѣплялась. Какъ Сарра, увидѣвши, что Измаилъ обижаетъ Исаака, просила Авраама удалить перваго, чтобы онъ не былъ наслѣдникомъ вмѣстѣ съ Исаакомъ, такъ и по вознесеніи І. Христа, когда обрѣзанные изъ іудеевъ, считая себя выше христіанъ изъ необрѣзанныхъ, притѣсняли ихъ и не принимали въ церковь, благодать рекла Богу: „удали іудеевъ и разсѣй ихъ". Изгнанъ Измаилъ, и Исаакъ сталъ наслѣдникомъ *Авраама, изгнаны* были и іудеи, и христіане стали наслѣдницы Богу".

Далѣе проповѣдникъ указываетъ на преимущества благодати предъ закономъ: во-1-хъ, то, что законъ былъ данъ только на время, служилъ только приготовленіемъ къ благодати, сѣнію грядущихъ благъ и долженъ былъ прейти, когда возсіяла благодать и начала приводить къ вѣчной жизни; а во-2-хъ, то, что законъ былъ данъ только однимъ іудеямъ и не простирался на другіе народы, тогда какъ благодать и вѣра Христова дарована для всѣхъ *людей, „наполнила* всю землю, покрыла ее, какъ вода морская" и спасаетъ всѣхъ. „Какъ исчезаетъ свѣтъ луны, когда возсіяетъ солнце, и какъ проходитъ холодъ ночи, когда солнечная теплота согрѣваетъ землю, такъ прешелъ законъ. когда явилась благодать. Люди свободны теперь отъ бременъ закона; свободно ходятъ въ благодати. Какъ іудейское оправданіе закономъ простиралось только на однихъ іудеевъ, такъ христіанское спасеніе благодатію, простирается на весь родъ человѣческій". Это значеніе благодати проповѣдникъ поясняетъ примѣрами Ефрема и Манассіи: Хотя Ефремъ былъ

младшій изъ сыновъ Іакова, но по благословенію его сдѣлался большимъ; такъ и христіане, хотя христіанство явилось позже іудейства, стали больше іудеевъ по благодати Христовой. Прежде поклоненіе Богу истинному было только въ Іерусалимѣ, теперь-же, съ пришествіемъ благодати, оно распространилось по всей землѣ. Какъ Гедеонъ для удостовѣренія въ томъ, что Израиль будетъ спасенъ, просилъ у Бога знаменія, чтобы по всей землѣ была суша и только на рунѣ роса и было такъ; такъ точно по всей землѣ была суша-идолопоклонство; роса же т. е. истинное Богопознаніе было только въ Іудеи. Потомъ опять Гедеонъ говоритъ Богу: „пусть будетъ по всей землѣ роса, а на рунѣ суша", такъ точно Іудейство окончнлось, прешелъ законъ, а по всей *землѣ явилась роса*—истинная вѣра.
Созерцая такое превосходство благодати предъ закономъ, проповѣдникъ обращаетъ свой взоръ къ Виновнику этой благодати—І. Христу и для того, чтобы наглядно представить соединеніе въ лицѣ І. Христа божества и человѣчества, проповѣдникъ беретъ рядъ событій изъ Свящ. Исторіи и въ нихъ указываетъ свойства и дѣйствія І. Христа, какъ *Бога и какъ человѣка*.

Какъ человѣкъ, онъ возрасталъ въ утробѣ матерней и какъ Богъ исшелъ, не нарушивъ дѣвства; какъ человѣкъ питался матернимъ млекомъ, какъ Богъ повелѣвалъ Ангеламъ и пастырямъ воспѣвать: „Слава въ вышнихъ Богу"; какъ человѣкъ возлегъ въ ясляхъ и какъ Богъ принялъ отъ волхвовъ дары и поклоненіе; какъ человѣкъ пришелъ креститься и какъ Богъ принялъ свидѣтельство отъ Отца, какъ человѣкъ пошелъ на бракъ въ Кану Галилейскую и какъ Богъ претворилъ воду въ вино; какъ человѣкъ спалъ на кораблѣ и какъ Богъ укрощалъ волны; какъ человѣкъ плакалъ по Лазарѣ и какъ Богъ воскресилъ его изъ мертвыхъ; какъ человѣкъ сѣлъ на осла и какъ Богу, Ему взывали: „Благословенъ грядый во имя Господне"; какъ человѣкъ былъ распятъ и какъ Богъ ввелъ распятаго въ рай; какъ человѣкъ вкусилъ оцта и испустилъ духъ, и какъ Богъ помрачилъ солнце и потрясъ землю; какъ человѣкъ положенъ былъ во гробъ, и какъ Богъ разрушилъ адъ и осво-

бодилъ души; какъ человѣкъ былъ запечатанъ во гробѣ и какъ Богъ исшелъ, сохранивъ печати въ цѣлости; іудеи старались скрыть Его воскресеніе какъ человѣка, но Его, какъ Бога, познали всѣ концы земли“.

Указавши на преимущества благодати предъ закономъ и сказавъ о Виновникѣ благодати І. Христѣ, проповѣдникъ далѣе раскрываетъ мысль о необходимости новыхъ народовъ для принятія благодати или Евангельскаго ученія.

Спаситель пришелъ въ міръ, но свои Его не приняли: „во своя пріиде и свои Его не пріяша“, а язычниками былъ принятъ. При рожденіи Его первые Ему поклонились волхвы изъ язычниковъ, а іудеи искали убить Его и изъ-за Него избили младенцевъ. Нужны были для благодати новые народы. Ибо по слову Спасителя: „не вливаютъ вина новаго“, т. е. ученія благодатнаго, „въ мѣхи ветхи“, обветшавшіе въ іудействѣ. Если іудеи не могли сохранить закона обряднаго, но уклонялись часто въ идолопоклонство, то могли ли бы они сохранить ученіе истинной благодати? Нужны были новые народы для новаго ученія и, „обое соблюдется“. Къ этимъ новымъ народамъ проповѣдникъ причисляетъ и русскихъ. „Вѣра благодатная распространилась по всей землѣ и дошла даже до народа русскаго“,—говоритъ проповѣдникъ,— и указываетъ далѣе благодатные плоды принятія русскими христіанства,—для чего сравниваетъ то, что было прежде на Руси до принятія христіанства съ тѣмъ, что стало теперь.

„Мы уже теперь именуемся не идолослужителями, а христіанами, не капища строимъ, а церкви Христовы; не закалаемъ другъ друга въ жертву идоламъ, но Христосъ за насъ закалается; не кровь жертвенныхъ животныхъ вкушаемъ, а кровь Христову. По милости Бога мы теперь просвѣщены Евангельскимъ ученіемъ. Прежде мы были глухи и слѣпы, не слыша и не зная истиннаго вѣдѣнія; но теперь возсіялъ на насъ свѣтъ истиннаго вѣдѣнія, прежде были подобны звѣрямъ и скотамъ, привязаны къ земному и не заботились о небесномъ, но теперь Господь послалъ намъ заповѣди, приводящія къ жизни вѣчной. Итакъ мы сдѣлались чистыми христіанами, не хулимъ Господа, какъ іудеи, но благословляемъ; не творимъ совѣщанія, чтобы

распять Его, но чтобы помолиться Распятому; не скрываемъ Его воскресенія, но возглашаемъ: „Христосъ воскресе изъ мертвыхъ". Вѣруя въ Него, какъ Сына Божія и содержа преданіе отцовъ 7-ми вселенскихъ соборовъ, молимъ Бога, чтобы Онъ еще болѣе укрѣпилъ насъ на этомъ пути".

Вторая часть. Здѣсь проповѣдникъ призываетъ соотечественниковъ восхвалить своего равноапостольнаго князя Владиміра за распространеніе у насъ вѣры Христовой и начертываетъ картину, какъ Владиміръ насадилъ вѣру Христову на Руси.

„Подобно тому, какъ каждый городъ, каждый народъ, каждая страна чтутъ и славятъ своихъ наставниковъ, которые научили ихъ вѣрѣ, напр.: Римская страна славитъ Петра и и Павла; Азія, Ефесъ и Патмосъ—Іоанна Богослова, Индія—Ѳому; Египетъ—Марка,—такъ и мы русскіе,—говоритъ проповѣдникъ,—прославимъ великаго кагана нашей земли – Владиміра, нашего учителя и наставника",—и затѣмъ изображаетъ насажденіе Владиміромъ православной вѣры у насъ.

„Владиміръ, славный мужъ, рожденный отъ славныхъ, благородный отъ благородныхъ, именно сынъ Святослава и внукъ Игоря, славныхъ своими побѣдами, возмужавшій крѣпостію, усовершенствовавшись въ силахъ и преуспѣяніи въ мужествѣ и смыслѣ, сдѣлался единодержцемъ Россіи и покорилъ себѣ окружные народы. Слыша всегда, во время своего правленія о православной, христолюбивой и сильной вѣрою землѣ греческой, о почитаніи и поклоненіи Единому Богу въ Троицѣ, о чудесахъ и знаменіяхъ, тамъ совершающихся, о прилежаніи вѣрующихъ къ молитвѣ Богу,—Владиміръ возгорѣлся духомъ и пожелалъ быть христіаниномъ и всю землю свою обратить въ христіанство. По благоволенію любви Божіей къ роду человѣческому это и исполнилось. Владиміръ крестился, сталъ сыномъ нетлѣнія, сыномъ воскресенія, принялъ имя вѣчное и славное въ роды родовъ „Василій, по которому и начисанъ въ книгѣ животнѣй, въ высшемъ градѣ, нетлѣнномъ Іерусалимѣ. За симъ крестился и весь народъ: одни по волѣ, другіе по страху къ повелѣвшему, ибо благовѣріе было въ немъ соединено со властію. Такимъ образомъ вся наша земля стала славить Христа со

Отцемъ и Св. Духомъ. Мракъ идольскій сталъ отдаляться отъ насъ и появилась заря благовѣстія; бѣсовское служеніе исчезло, а явилось служеніе или солнце Евангелія; капища разрушены, церкви воздвигаются; идолы низвергаются, являются иконы; бѣсы убѣжали, крестъ освятилъ города; пастыри словесныхъ овецъ Христовыхъ—епископы, пресвитеры и діаконы стали возносить безкровную жертву, и клиръ украсилъ и облекъ въ благолѣпіе святыя церкви; поставлены на горахъ монастыри, явились черноризцы и всѣ люди наполнили церкви, прославляя Господа“.

Сознавая вполнѣ сколь великое благодѣяніе сдѣлалъ Владиміръ для русской земли, просвѣтивши ее свѣтомъ Евангельскаго ученія проповѣдникъ не находитъ даже словъ, чтобы достойно восхвалить его: Недоумѣвая, какимъ образомъ Владиміръ, не зная ни закона, ни пророковъ, не видя Самого І. Христа и Его Апостоловъ, не видя чудесъ, которыя они творили, увѣровалъ во Христа, тогда какъ другіе цари, все сіе видя, не вѣровали въ Него, проповѣдникъ примѣняя къ нему слова Господа, сказанныя Ѳомѣ: „блажени не видѣвшіи, но вѣровавши“, называетъ его „блаженнымъ“: „посему съ дерзновеніемъ, не сомнѣваясь, именуемъ тебя блаженнымъ, ибо и Самъ Спаситель такъ назвалъ тебя“.

Послѣ этого проповѣдникъ прославляетъ щедроты и милости Владиміра и доказываетъ, что за всѣ свои милости и за свой великій подвигъ—обращеніе безчисленнаго множества грѣшниковъ отъ идолопоклонства и за насажденіе благовѣрія въ своей странѣ, онъ, безъ сомнѣнія, удостоится подобно Константину Великому славы на небесахъ: Проповѣдникъ перечисляетъ множество милостей и щедротъ, которыя Владиміръ творилъ и днемъ и ночью; подавалъ милостыню, одѣвалъ нагихъ, насыщалъ алчущихъ и жаждущихъ, посылалъ всякаго рода утѣшенія больнымъ, искупалъ должниковъ, освобождалъ содержимыхъ въ рабствѣ. Такая любезная Богомилостыня даетъ ему великое дерзновеніе предъ Бомъ, какъ присному рабу Христову; ибо по словамъ закона „обратившій грѣшника спасетъ душу отъ смерти и покрыетъ множество грѣховъ“. „Если, по словамъ Спасителя исповѣдавшій Христа предъ людьми будетъ испові-

данъ и предъ Богомъ, то какой славы и похвалы удостоился на небесахъ Владиміръ, который обратилъ столько грѣшниковъ къ вѣрѣ и не только исповѣдалъ Христа, но и утвердилъ св. вѣру по всей землѣ русской?“ Сравнивая далѣе Владиміра съ Константиномъ, проповѣдникъ говоритъ, что Богъ сдѣлалъ его участникомъ одной съ нимъ славы и чести на небесахъ за благовѣріе: Какъ Константинъ далъ законъ съ отцами Никейскаго собора, покорилъ Богу царство греческое и римское и вмѣстѣ съ матерью своею Еленою утвердилъ вѣру, принесши изъ Іерусалима крестъ; такъ и Владиміръ съ нашими епископами утвердилъ законъ среди русскаго народа, покорилъ Богу русскую землю и вмѣстѣ съ бабкою своею Ольгою утвердилъ у насъ христіанскую вѣру, принесши изъ Константинополя, — новаго Іерусалима,—крестъ“.

Какъ на свидѣтелей благовѣрія равноапостольнаго князя Владиміра, проповѣдникъ указываетъ: на десятинный храмъ Богоматери, созданный Владиміромъ, гдѣ покоилось честное тѣло его и кагана—сына его Ярослава, —продолжателя благочестивыхъ дѣлъ его: „Ярославъ, преемникъ Владиміра на престолѣ, утвердилъ его уставы, распространялъ и приводилъ въ порядокъ учрежденія его благовѣрія. Онъ окончилъ недоконченное дѣло, какъ Соломонъ окончилъ предпріятія Давидовы,—устроилъ церковь, подобной которой нѣтъ во всей полунощной странѣ отъ востока до запада, украсилъ Кіевъ и предалъ городъ и народъ Пресвятой Богородицѣ, въ честь Которой создалъ храмъ на великихъ вратахъ“.

Прославляя Владиміра, проповѣдникъ доходитъ до ораторскаго воодушевленія и обращается ко Владиміру, какъ живому:

„Встань отъ гроба, честная главо!—говоритъ проповѣдникъ, обращаясь къ Владиміру;—встань,—отряси сонъ,—ты не умеръ, ибо несвойственно умирать тебѣ, когда увѣровалъ ты во Христа. Посмотри на сына своего Георгія, на благовѣрную сноху твою Ирину, посмотри на внуковъ и на правнуковъ твоихъ; посмотри на городъ, сіяющій величіемъ, посмотри на процвѣтающія церкви и на возрастающее христіанство. И видѣвъ это, возрадуйся, возвеселись и восхвали Бога!“

Наконецъ, Илларіонъ обращается къ Владиміру, какъ уже

къ прославленному на небесахъ,—съ хвалебнымъ восклицаніемъ: „радуйся“ и съ молитвою, чтобы онъ,—получивъ за свои добрыя дѣла въ царствіи небесномъ достойное возмездіе, — помолился Господу о землѣ своей и о людяхъ, надъ которыми благовѣрно владычествовалъ,—и въ особенности о сынѣ своемъ каганѣ Георгіѣ.

Третья часть. Прославивши Владиміра, проповѣдникъ далѣе обращается съ молитвою къ Богу отъ лица всего русскаго народа. Въ этой молитвѣ онъ проситъ милости и спасенія новообращенному народу *русскому и высказываетъ его* полную покорность Богу и надежду на Бога.

Слово Илларіона показываетъ, что авторъ его по своему времени былъ замѣчательный богословъ и ораторъ. Оно показываетъ въ авторѣ глубокое знаніе догматовъ вѣры и умѣнье ихъ излагать,—обширную начитанность въ Писаніи. Илларіонъ приводитъ множество текстовъ, какъ изъ Ветхаго, такъ и изъ Новаго Завѣтовъ, и такъ искусно сопоставляетъ ихъ, что получается связная рѣчь или живая картина. Знаніе исторіи церкви также не было чуждо Илларіону, что видно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ говоритъ о распространеніи христіанства въ разныхъ странахъ, — оКонстантинѣ Великомъ. Характеристическою чертою пропо вѣдника служитъ живость чувства и воображенія: это видно изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ излагаетъ распространеніе христіанства въ русской землѣ,—гдѣ обращается къ Владиміру, какъ живому,—и изъ молитвы къ Богу. Къ внѣшнимъ достоинствамъ слова, нужно отнести: правильное расположеніе и развитіе мыслей, точность, ясность и легкость слога, остроумныя сравненія и обороты рѣчи.

Св. Кириллъ, еп. Туровскій.

Одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ проповѣдниковъ XII в., св. Кириллъ, еп. Туровскій, родился въ городѣ Туровѣ, Минской губ., отъ богатыхъ и знатныхъ родителей. Въ юности онъ отличался внимательнымъ изученіемъ „божественныхъ писаній“. Пришедши въ возрастъ, онъ поселился въ монастырѣ и „паче всѣхъ Богу работаше, постомъ и бдѣніемъ удручая

тѣло свое“, какъ говоритъ его жизнеописатель. Здѣсь онъ поучалъ монастырскую братію правиламъ подвижнической жизни. Благочестивая подвижническая жизнь и духовное просвѣщеніе Св. Кирилла сдѣлали его „славнымъ во всей странѣ той“. Когда въ 1146-мъ году въ Туровѣ не стало епископа, князь и народъ приступили къ Кириллу съ настоятельными просьбами быть у нихъ епископомъ и Кириллъ былъ посвященъ въ епископы митрополитомъ Кіевскимъ. Дѣятельность его, какъ епископа, ознаменована борьбою съ Өеодоромъ, еп. Ростовскимъ, который училъ, что надобно разрѣшать постъ среды и пятка не только во всѣ господскіе праздники, но и въ праздники въ честь великихъ святыхъ и въ теченіе всей пятидесятницы. Св. Кириллъ, державшійся мнѣнія, утвержденнаго въ церкви греческой еще прежде, обличалъ Өеодора и проклялъ его. Но болѣе Кириллъ извѣстенъ, какъ талантливый духовный писатель и особенно, какъ краснорѣчивый проповѣдникъ. О его литературной дѣятельности такъ свидѣтельствуетъ его жизнеописатель: „Андрею Боголюбскому князю многа посланія написа отъ евангельскихъ и пророческихъ указаній и яже суть на праздники господскіе слова и ина много душеполезная словеса и си вся и ина множайша написа и церкви предаде“. Проповѣдническія его произведенія доставили ему названіе „русскаго Златоуста“. Около 1182 г. онъ отказался отъ каѳедры и удалился въ уединеніе. Послѣ смерти за свои добродѣтели былъ причисленъ къ лику святыхъ русской церкви.

Слово въ недѣлю Өомину св. Кирилла, еп. Туровскаго.

Слово въ недѣлю Өомину имѣетъ предметомъ своимъ объяснить значеніе воскресенія, замѣнившаго древнюю субботу; объяснить обрядъ церкви —раздачу артоса, и изложить воспоминаемое событіе—явленіе І. Христа Ап. Өомѣ. Изобразивъ плоды воскресенія Христова, проповѣдникъ говоритъ, что „теперь царица дней уже не суббота, а недѣля, въ которую воскресъ І. Христосъ, и что, какъ Іудеямъ Богъ заповѣдалъ поновлять день избавленія ихъ отъ рабства египетскаго, такъ и мы поновляемъ день избавленія нашего отъ

власти діавола, т. е. день Воскресенія Христова. Подобно тому, какъ іудеи несли на главахъ опрѣсноки и, перешедши чрезъ Чермное море, вкушали ихъ, такъ и мы, спасенные воскресеніемъ Христовымъ, носимъ освященный артосъ въ продолженіе цѣлой недѣли и потомъ вкушаемъ его и хранимъ на здравіе души и тѣла". Продолжая мысль о плодахъ воскресенія Христова, проповѣдникъ указываетъ на обновленіе человѣка,—и въ параллель этому рисуетъ картину обновленія природы весной. „Теперь весна красуется, оживляя земное естество; вѣтры, тихо вѣя, подаютъ плодамъ обиліе и земля, питая сѣмена, зеленую траву раждаетъ. Весна есть красная вѣра Христова, которая крещеніемъ возраждаетъ человѣческое естество; вѣтры—грѣхотворные помыслы, которые претворившись покаяніемъ въ добродѣтель, приносятъ душеполезные плоды; земля же естества нашего, принявъ, какъ сѣмя, Слово Божіе, раждаетъ духъ спасенія. Нынѣ древа лѣторосли испускаютъ, а цвѣты — благоуханіе; и вотъ уже въ садахъ слышится сладкій запахъ и дѣлатели съ надеждою трудятся, плододавца—Христа призываютъ. Были и мы прежде, какъ древа дубравныя, плодовъ неимущія, а нынѣ привилась вѣра Христова къ нашему невѣрію. Земледѣльцы, ратаи слова, приводятъ словесныхъ юнцовъ къ духовному ярму, погружаютъ крестное рало въ браздахъ мысли, всыпаютъ сѣмя духовное и веселятся надеждами будущихъ благъ. Рѣки полны водъ; совершаются рыбные ловы: такъ Апостолы, испытавъ глубину Божія вочеловѣченія, обрѣтаютъ церковную мрежу полную ловитвы. Трудолюбивыя пчелы летятъ на цвѣты и дѣлаютъ медовые соты: это иноки, которые сами себя питаютъ въ пустыняхъ, удивляютъ ангеловъ и человѣковъ и готовятъ сладость людямъ и потребное Церкви. Наконецъ птицы—веселые лики всей церкви. На этотъ новый праздникъ воскресенія приносятся различные дары: отъ языковъ—вѣра, отъ христіанъ—требы, отъ іереевъ—святыя жертвы, отъ міродержателей—боголюбная милостыня, отъ вельможъ—церковное попеченіе, отъ праведниковъ—смиренномудріе, отъ грѣшниковъ—истинное покаяніе, отъ нечестивыхъ—обращеніе къ Богу, отъ ненавидящихъ—духовная любовь". Далѣе излагается Евангельское сказаніе о явленіи Христа Спаси-

теля Апостоламъ, слово Его къ Ѳомѣ и отвѣтъ послѣдняго, выражающій переходъ отъ невѣрія къ полной и живой вѣрѣ. Въ заключеніе проповѣдникъ обращается къ слушателямъ съ такими словами: „будемъ вѣровать во Христа—Бога нашего, поклонимся Ему распѣншемуся, прославимъ Воскресшаго, повѣримъ Явившемуся апостоламъ“.

Слово въ недѣлю о разслабленномъ его же.

Въ словѣ въ недѣлю о разслабленномъ, св. Кириллъ излагаетъ повѣствованіе о разслабленномъ, при чемъ подъ разслабленнымъ разумѣется не только тотъ человѣкъ, котораго аисцѣлилъ Христосъ при овчей купели, но и все человѣчество, нуждавшееся въ искупленіи. Слово состоитъ изъ рѣчи разслабленнаго І. Христу и отвѣта на него Спасителя- „Тридцать восемь лѣтъ на одрѣ семъ пригвожденный лежу“, такъ изливаетъ свои жалобы разслабленный. „Грѣхи мои разслабили всѣ члены тѣла моего; Богу молюсь и не слушаетъ меня; врачамъ роздалъ все имѣніе свое, но помощи получить не могъ. Знакомые мои гнушаются меня, ближніе мои стыдятся меня,— нѣтъ утѣшающаго. Мертвымъ ли назову себя? Но чрево мое пищи желаетъ, а языкъ иссыхаетъ отъ жажды. Живымъ ли себя помыслю? Но не только встать съ одра, но и подвинуться не могу. Я непогребенный мертвецъ, - одръ мой,—мой гробъ, мертвый я между живыми и живый между мертвыми, потому-что, какъ живый питаюсь и, какъ мертвый, ничего не дѣлаю. Лежу нагъ и человѣка не имамъ, который бы послужилъ мнѣ, вложилъ меня въ купель... Господи! человѣка не имамъ, ибо всѣ уклонишася, вкупѣ неключими быша“. Услышавъ это Господь І. Христосъ отвѣчаетъ разслабленному: „какъ ты говоришь человѣка не имамъ? Я ради тебя сдѣлался человѣкомъ и пришелъ, чтобы послужить другимъ. Тебя ради, будучи безлѣтнымъ плотію облекся, чтобы исцѣлить душевные и тѣлесные недуги всѣхъ. Тебя ради, невидимый ангельскимъ силамъ, явился всѣмъ человѣкамъ, ибо не хощу презрѣть своего образа, лежащаго въ тлѣніи, но хочу спасти его и въ разумъ истины привести, а ты говоришь: человѣка не

имамъ? Я сдѣлался человѣкомъ, чтобы человѣка сдѣлать Богомъ... Тебѣ я всю тварь на работу сотворилъ: небо и земля тебѣ служатъ, небо влагою и земля плодомъ, солнце служитъ свѣтомъ и теплотою, луна со звѣздами ночь обѣляетъ; для тебя облака напоятъ землю и земля на твою потребу возвращаетъ траву и плодовыя деревья; для тебя текутъ рѣки и пустыня звѣрей питаетъ, а ты говоришь: человѣка не имамъ?.. Встань, возьми одръ свой, да услышитъ меня нынѣ Адамъ и обновится нынѣ съ тобою отъ истлѣнія; въ тебѣ исцѣляю проклятіе перваго преступленія Еввина—встань, возьми одръ свой и иди въ домъ свой!"

Слово на Вознесеніе Господне его же.

Въ словѣ на Вознесеніе Господне въ яркихъ поэтическихъ образахъ и картинахъ изображено воспоминаемое событіе: „Пріиди духомъ, священный пророче Захаріе", взываетъ проповѣдникъ въ приступѣ,—„дай начатокъ слову отъ твоихъ прорицаній о вознесеніи на небеса Господа Бога и Спаса нашего І. Христа. Ибо ты не въ притчѣ, а ясно показалъ намъ это, говоря „взыдетъ Господь и ополчится... и станутъ нозѣ Его въ день онъ на горѣ Елеонстѣй, яже есть прямо Іерусалиму на Востокъ". Сказавъ о побѣдѣ І. Христа надъ адомъ и о возведеніи оттуда Адама и прочихъ человѣческихъ душъ въ небесныя обители, проповѣдникъ переходитъ къ главному предмету слова „Пойдемъ и мы нынѣ, слушатели, на гору Елеонскую и мысленно посмотримъ на все славное, совершившееся тамъ... На ту гору пришелъ нынѣ Самъ Господь и собирались чины всѣхъ святыхъ, соборы праотцевъ, множества патріарховъ, полки пророковъ-лики апостоловъ, сонмы вѣрующихъ. Здѣсь же ангельскія силы и архангельскія воинства: одни на крыльяхъ вѣтры приносятъ для взятія отъ земли Христа Бога, другіе готовятъ Ему херувимскій престолъ. Богъ Отецъ ждетъ Того, Кого отъ вѣка имѣлъ съ собою въ лонѣ своемъ. Духъ Св., повелѣваетъ всѣмъ ангеламъ: возьмите врата небесная, да внидетъ Царь Славы. Небеса веселятся, украшая свои свѣтила, да удостоятся они благословенія отъ Своего Творца,

возносимаго съ плотію на облакахъ сквозь небесныя врата,— земля радуется, видя на себѣ Бога, явственно ходящаго и вся тварь красуется, будучи просвѣщаема отъ горы Елеонской, которая святостію превзошла Синайскую. Начинается пѣснопѣніе во славу Вознесенія. Сначала, аккъ громы, раздаются голоса пророковъ: „вознесися силою Твоею, Боже, воспоемъ я поемъ силы Твоя". Ангелы призываютъ всѣхъ, говоря: „воскликните Богу вся земля, пойте же имени Его", Патріархи начинаютъ пѣснь: „Богъ нашъ возносится, совокупивъ обоя во едино, земная съ небесными". Преподобные возглашаютъ: „вознесися на небеса, Боже, и по всей земли става Твоя". Давидъ, какъ старѣйшина ликовъ, уясняя песненные голоса, говоритъ: вси языцы восплещите рукама, воскликните гласомъ радованія, да взыдетъ Богъ въ воскликновеніи, Господь во гласѣ трубнѣмъ". Голоса всѣхъ оканчиваетъ Ап. Павелъ, говоря: „кто взыдетъ на небо, сирѣчь Христа свести, или кто взыдетъ въ бездну, сирѣчь Христа изъ мертвыхъ возвести. Но той есть сшедый и паки восшедый превыше всѣхъ небесъ". Церковь провожаетъ своегв небеснаго жениха; ликъ апостольскій молитъ не оставить ихъ сирыми и послать утѣшителя—Духа. Благословивъ Апостоловъ, І. Христосъ начинаетъ возноситься, неся съ собою въ даръ Отцу Своему искупленныя души человѣческія. Впереди Христа текутъ ангельскія силы со страхомъ и радостію, желая отверсть небесныя врата, но вратари небесные возбраняютъ имъ, говоря: „се врата Господня; никто изъ земныхъ ими не проходитъ: такъ положилъ Самъ Богъ, нынѣ же дивимся, зря человѣка, сѣдящаго на херувимскомъ престолѣ и хотящаго пройти чрезъ врата." Ангелы повѣдали, что возносящійся есть воплотившійся Сынъ Божій. Но небесные вратари отвѣчали: „не покоримся, если не услышимъ Слова Божія". Тогда возгласилъ Христосъ: „отверзите мнѣ врато правды и, вошедши въ нихъ, возвѣщу Отцу Моему, что сдѣлалъ я и какъ пострадалъ на землѣ". Познавши гласъ Господень, всѣ силы небесныя поклонились говоря: „если не видѣли Тебя, Владыко, сходящаго, то поклоняемся Тебѣ восходящему во славѣ". Тогда Духъ Св. исходитъ въ срѣтеніе, вводитъ равнаго Себѣ Сына Божія и повелѣваетъ

покланяться Ему всѣмъ ангеламъ Божіимъ. Самъ Отецъ Небесный возглашаетъ грядущему во плоти: Сынъ Мой еси Ты, Азъ днесь родихъ Тя, сѣди одесную Мене и, посадивъ на престолѣ, вѣнчаетъ Его славою и честію“

Заключеніе слова соотвѣтствуетъ торжеству праздника: „Пріидите, братія, говоритъ проповѣдникъ, возрадуемся Господу, вознесшемуся на небеса, поклонимся сѣдящему одесную Отца, помолимся пріявшему всяку власть на небеси и на земли, принесемъ вѣру въ даръ царствующему со Отцемъ, не явимся предъ Нимъ нищи въ день праздника,—да пріимемъ Божію благодать. Ибо нынѣ Христосъ всѣмъ раздастъ свои дары: Отцу приноситъ человѣческую плоть, Апостоламъ посылаетъ Духа Святаго, души Св. пророковъ вводитъ въ небесное царство, угодникамъ своимъ раздѣляетъ горнія обители, праведникамъ отверзаетъ рай, страдавшихъ за Него мучениковъ вѣнчаетъ, благовѣрнымъ князьямъ нашимъ посылаетъ здравіе душевное и тѣлесное и одолѣніе на враговъ, благословляетъ всѣхъ христіанъ. Придемъ и мы, братіе, во Святую Церковь, возвеличимъ храмъ Бога Нашего, давшаго намъ животъ, вознесемъ имя Его вкупѣ, да пошлетъ и намъ Пресвятаго Утѣшителя Духа“.

Характеристическія черты словъ св. Кирилла, еп. Туровскаго.

Преобладающею характеристическою чертою изложенія въ словахъ св. Кирилла является изобразительность, переходящая въ символизмъ. Живое воображеніе проповѣдника заставляло его облекать въ яркія и иногда художественныя образы излагаемыя имъ истины. Для этой цѣли служили ему явленія природы и событія библейско-историческія. Такъ весеннее возрожденіе природы послужило для него образомъ нравственнаго обновленія человѣчества подъ вліяніемъ христіанства; исцѣленіе разслабленнаго образомъ возстановленія человѣчества чрезъ І. Христа. Введеніе длинныхъ рѣчей, сравненія и противоположенія, вопросы и восклицанія, обращенія и олицетворенія, словомъ почти всѣ ораторскія пріемы — составляютъ принадлежность словъ св. Кирилла Туровскаго.

Главною цѣлію проповѣдей св. Кирилла было раскрытіе и изъясненіе истинъ вѣры. Не вооружаясь прямо противъ суевѣрій и остатковъ язычества, онъ нагляднымъ художественнымъ изображеніемъ напечатлѣвалъ истины христіанства въ сердцахъ слушателей. Что его проповѣдь была привлекательна для русскихъ людей того времени, это доказывается названіемъ „русскаго Златоуста", усвоеннымъ Кириллу Туровскому и чрезвычайною распространенностью его проповѣдей въ древнихъ рукописяхъ.

На томъ основаніи, что въ проповѣди Кирилла нѣтъ обличеній господствовавшихъ тогда пороковъ и недостатковъ, нѣтъ изображенія современной жизни, почти нѣтъ нравственныхъ правилъ и наставленій, нѣкоторые находятъ его проповѣди безполезными и безплодными. Въ отсутствіи въ нихъ прямыхъ нравственныхъ примѣненій они видятъ общій недостатокъ древне-русской проповѣди, развившійся подъ вліяніемъ византійства. Такой взглядъ получилъ господство подъ вліяніемъ общаго направленія литературной критики, которая сочувствовала проповѣди съ большимъ или меньшимъ присутствіемъ практическаго элемента.

Такъ, напр., историкъ Голубинскій говоритъ, что проповѣдь византійскаго типа не имѣла даже въ виду назиданія, а спеціальною задачею поставляла услажденіе слушателей. „Всякій знаетъ, говоритъ онъ, что въ послѣднее время искусство церковнаго ораторства у грековъ оставило истинную цѣль: — убѣждать и дѣйствовать на сердца людей и стало преслѣдовать другую цѣль: — услаждать и тѣшить воображеніе затѣйливыми, но ни къ чему не служащими, выраженіями, — громкими, но ничего не выражающими фразами, однимъ словомъ превратилось въ мимолетную и не имѣющую ни малѣйшаго словеснаго смысла забаву". (Ист. Голубинскаго т. 1 ч. 1-я, 659, 662 стр.). Эту общую характеристику Голубинскій прилагаетъ и къ проповѣдямъ Кирилла. Проповѣди Кирилла, по его мнѣнію, имѣли единственную цѣль: занимать слухъ и воображеніе слушателей. „при чтеніи проповѣдей Кирилла, говоритъ Голубинскій, невольно приходитъ на память сельскій священникъ, который говоритъ

своимъ необразованнымъ слушателямъ проповѣди извѣстнаго мыслителя м. Филарета“.

Но противъ такихъ соояраженій говоритъ прежде всего тотъ фактъ, что проповѣди св. Кирилла пользовались большою популярностью: Онѣ съ усердіемъ читались и переписывались, ихъ можно встрѣтить во всѣхъ проповѣдническихъ сборникахъ, а со введеніемъ книгопечатанія онѣ вошли и въ печатные сборники; проповѣди св. Кирилла Туровскаго среди древне-русскихъ людей пользовались бо́льшею популярностью и были болѣе распространены, чѣмъ проповѣди Илларіона— Кіевскаго митрополита и Серапіона — еп. Владимірскаго. Въ усердіи народа къ проповѣдямъ Кирилла нужно видѣть доказательство того, что его проповѣди болѣе всего соотвѣтствовали потребностямъ и вкусу древне-русскаго человѣка. Не для того только онъ читалъ эти проповѣди, чтобы услаждать свое воображеніе: безъ сомнонія, онѣ служили для него источникомъ назиданія. Въ проповѣдяхъ св. Кирилла Туровскаго истины христіанскія и событія излагаются въ поэтической, художественной формѣ. А поэтическое изложеніе истинъ и событій дѣйствуетъ на сердце сильнѣе, чѣмъ простое прозаическое. Такимъ поэтическимъ характеромъ отличаются наши церковныя пѣснопѣнія. Ужели они безплодны для сердца и не назидаютъ? Ужели такая церковная пѣснь, какъ „Пріидите ублажимъ“, возбуждая чувство умиленія и восторга, не оставитъ въ душѣ никакого слѣда? Тоже самое нужно сказать и о той проповѣди, которая подобна церковнымъ пѣснопѣніямъ. Можно даже сказать, что проповѣдь съ поэтическимъ направленіемъ преимуществуетъ предъ проповѣдію спеціально-учительною, такъ какъ она даетъ болѣе полное удовлетвореніе духовнымъ потребностямъ человѣка: если спеціально-учительная проповѣль относится только къ уму, послѣдняя охватываетъ всю душу и сосредоточивается въ сердцѣ. Поэтому-то самому художественныя поэтическія проповѣди и вообще художественныя поэтическія произведенія имѣютъ бо́льшій кругъ читателей и бо́льшее вліяніе, нежели прозаическія. А св. Кириллъ Туровскій обладалъ этимъ художественнымъ талантомъ; можно сказать, что онъ былъ одушевленнымъ ораторомъ, проповѣдникомъ-поэтомъ.

Изліяніе внутренняго чувства находится у св. Кирилла Туровскаго большею частію въ тѣсной связи съ указаніемъ благодѣяній Божіихъ, проявившихся въ извѣстныхъ событіяхъ, — а возбужденіе чувство благодарности Богу развѣ не служитъ средствомъ назиданія? Далѣе, можно ли согласиться съ тѣмъ, что проповѣдь послѣ IV-го вѣка Греческая обратилась въ пустую забаву? Ужели такія замѣчательныя проповѣди, какъ св. Іоанна Дамаскина, Андрея Критскаго, Германа, — имѣли единственною цѣлію своею и предметомъ забаву слушателей? А съ такими проповѣдями всего болѣе и имѣютъ сходство проповѣди Кирилла Туровскаго. Если назиданіе понимать въ тѣсномъ смыслѣ, въ смыслѣ особеннаго нравственнаго приложенія, то такого рода назиданія мы не найдемъ въ проповѣдяхъ Кирилла Туровскаго. Но поставлять отсутствіе такого рода назиданія существеннымъ недостаткомъ проповѣди, — значитъ оцѣнивать проповѣдь съ неправильной точки зрѣнія; неужели въ самомъ дѣлѣ достоинство проповѣди поставлять только въ томъ, чтобы она имѣла особенное нравственное и практическое приложеніе? Если достоинство проповѣди поставлять только въ этомъ, то это значитъ отнимать отъ проповѣди то высокое назначеніе, которое она должна имѣть по своему существу. Христіанская проповѣдь должна быть своего рода поэзіею, — поэзіею религіозною. Главное же назначеніе поэзіи заключается въ служеніи высшимъ идеаламъ. И христіанская проповѣдь, чтобы осуществлять свое высшаее назначеніе, должна указывать и раскрывать высшіе христіанскіе идеалы, и привлекать сердца къ этимъ идеаламъ. Если она успѣетъ въ этомъ, то ея вліяніе на жизнь будетъ несомнѣнно, но если она не успѣетъ вселить въ сердца людей любви и стремленія къ этимъ идеаламъ, то безуспѣшно она будетъ говорить о перемѣнѣ жизни, —увѣщевать къ нраво-исправленію. Съ этой точки зрѣнія и должно смотрѣть на проповѣдь Кирилла Туровскаго.

Св. Лука Жидята.

Отъ проповѣдей съ искусственнымъ характеромъ и направленіемъ обратимся къ обзору проповѣдей наставительныхъ, — безыскусственныхъ (XI—XIII в.).

Однимъ изъ такихъ проповѣдниковъ является Лука Жидята. Свѣдѣній о жизни и личности Луки сохранилось немного. Но и сохранившіяся свѣдѣнія показываютъ, что Лука Жидята имѣлъ немаловажное значеніе въ исторіи древнерусской жизни. Извѣстно, что онъ первый изъ русскихъ удостоился епископскаго сана. Это случилось въ 1035 году по волѣ великаго князя Ярослава, вниманіе котораго обратила на себя благочестивая жизнь Луки, соединенная съ мудростію, такъ что Ярославъ предпочелъ Луку—избраннику предмѣстника Луки новгородскаго епископа Іоакима (Ефрему). Въ санѣ епископа Лука, сколько возможно, старался удовлетворить потребностямъ времени и заботился о духовномъ просвѣщеніи ввѣренной ему паствы. Такъ извѣстно, что онъ вмѣстѣ съ княземъ Владиміромъ соорудилъ храмъ Св. Софіи—Премудрости Божіей. По свидѣтельству историковъ церкви, Лука занимался переводомъ книгъ духовнаго содержанія съ греческаго языка. Наконецъ, оставленное имъ „поученіе къ братіи“ служитъ свидѣтельствомъ пастырской заботы его о нравственномъ преспѣяніи паствы. Въ продолженіи 19-ти лѣтъ Лука служилъ мирно въ санѣ епископа Новгородскаго. Но въ 1055 году мирная и плодотворная дѣятельность его была нарушена. Онъ былъ осужденъ „слугою Дудикомъ въ непотребныхъ рѣчахъ“; былъ вызванъ на судъ въ Кіевъ, признанъ виновнымъ и долженъ былъ 3 года провести въ заточеніи; но невинность Луки Жидяты восторжествовала надъ клеветою и, послѣ строгаго разслѣдованія дѣла, онъ былъ оправданъ и опять принялъ санъ Новгородскаго епископа. Но на возвратномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ онъ скончался въ 1059 году, а въ 1558 году были обрѣтены его нетлѣнныя мощи. Память его и до сихъ поръ чтится въ Новгородѣ.

Отъ Луки Жидяты мы имѣемъ: „поученіе къ братіи“, самый древній, сохранившійся до насъ опытъ русскаго проповѣдничества. По своему содержанію оно есть сборникъ правилъ о вѣрѣ и жизни христіанской; въ немъ излагаются всѣ важныя обязанности христіанина. По содержанію оно раздѣляется на 4 части: въ 1-й—проповѣдникъ указываетъ на нѣкоторыя обязанности христіанина по отношенію къ Богу; во 2-й—

по отношенію къ ближнимъ; въ 3-й—по отношенію къ себѣ; въ 4-й—высказываетъ еще нѣсколько частныхъ правилъ христіанской дѣятельности, которыя имѣли болѣе или менѣе близкое отношеніе къ нравственному состоянію паствы Новгородской.

Содержаніе „поученія къ братіи":

„Вотъ, братіе, начинаетъ свое поученіе Лука; прежде всего мы, христіане, что должны твердо держать? Вѣровать во Единаго Бога, въ Троицѣ славимаго, въ Отца и Сына и Св. Духа, какъ научили Апостолы и Святые Отцы". Какъ на образецъ праваго исповѣданія правой вѣры въ Бога, проповѣдникъ указываетъ на символъ вѣры: „вѣрую во Единаго Бога"... (до конца). Побужденіемъ къ вѣрѣ въ Бога выставляется мысль о воскресеніи жизни вѣчной и вѣчной муки грѣшныхъ. Изъ дальнѣйшихъ обязанностей христіанина по отношенію къ Богу, Св. Лука указываетъ молитву и учитъ, примѣняясь къ понятіямъ слушателей, такимъ образомъ: „и не лѣнитесь къ церкви ходить и на заутреню, и на обѣдню, и на вечерню, и въ клѣти своей, отходя ко сну, Богу помолись и тогда ложись. Въ церкви стойте со страхомъ Божіимъ; не говори и не думай (о мірскомъ), но моли Бога, чтобы Онъ отпустилъ тебѣ грѣхи".

Во второй части поученія опредѣляется характеръ отношеній христіанина къ ближнимъ. Въ основу этихъ отношеній полагается любовь, слѣдствіемъ которой должны явиться чистосердечіе и искренность. „Любовь имѣйте со всякимъ человѣкомъ, особенно-же съ братіею (т. е. съ христіанами) и да не будетъ одно на сердцѣ, а другое на устахъ. Подъ братомъ ямы не рой, чтобы тебя Богъ не ввергъ въ большую. Будь правдивъ такъ, чтобы не щадить жизни своей за правду".

Далѣе идетъ болѣе частное примѣненіе къ жизни началъ христіанской нравственности. „Будьте снисходительны другъ къ другу, чтобы имѣть похвалу отъ Бога. Не ссорь никого, чтобы не наречься сыномъ діавола, но примиряй, чтобы быть сыномъ Божіимъ. Не осуждай брата, даже мыслію, помня свои грѣхи, чтобы и тебя Богъ не осудилъ. Помните

и милуйте странниковъ и убогихъ, и заключенныхъ въ темницѣ, и къ своимъ сиротамъ будьте милостивы".

Опредѣливъ, такимъ образомъ, характеръ отношеній христіанина къ ближнимъ, проповѣдникъ излагаетъ нѣкоторыя частныя обязанности христіанъ по отношенію къ самимъ себѣ, излагаетъ не столько положительно, сколько отрицательно, т. е. главнымъ образомъ указывая то, чего не должно дѣлать христіанину въ его частной жизни. „Не слѣдуетъ вамъ, братіе, имѣть игрищъ, употреблять страшныя слова, имѣть гнѣвъ и злопамятствовать; не насмѣхайся ни надъ кѣмъ, въ несчастіи будь терпѣливъ, уповая на Бога. Не имѣйте буйства, ни гордости, ни тому подобнаго, помня, что на утро мы будемъ смрадъ, гной и черви. Будьте смиренны и кротки, будьте послушны Божіимъ заповѣдямъ и исполняйте ихъ; въ сердцѣ гордаго діаволъ сидитъ и слово Бога не проникаетъ въ такого человѣка".

Четвертая часть „поученія къ братіи" состоитъ изъ наставленій, которыя представляются какъ бы дополненіемъ къ сказанному. „Почитайте стараго человѣка и родителей своихъ, не клянитесь именемъ божіимъ, не заклинайте, не проклинайте никого. Судите по правдѣ, мзды не берите, лихвы не давайте, Бога бойтесь, князя чтите, рабы почитайте прежде всего Бога, потомъ господина, почитайте отъ всего сердца іерея Божія, почитайте и служителей церкви. Не убивай, не крадь, не лги, не лжесвидѣтельствуй, ненавидь, не завидуй, не клевещи, не прелюбодѣйствуй, пей не безвременно, въ мѣру, а не до пьянства. Не будь гнѣвливъ и дерзокъ, сочувствуй чужой радости и чужому горю. Не употребляйте въ пищу нечистаго, чтите святые дни. Богъ мира со всѣми вами. Аминь.

Несомнѣнное достоинство разсмотрѣннаго поученія составляетъ безыскуственная простота и сердечность. Въ немъ нѣтъ ни особенно глубокихъ мыслей, ни особеннаго краснорѣчія, но оно все проникнуто теплотою пастырской любви и снисходительности. Въ поученіи нѣтъ плана, нѣтъ системы, но вездѣ чувствуется жизнь и животворность. Оно какъ нельзя лучше приспособлено къ религіозно-нравственному состоянію и пониманію слушателей. Для младенцевъ по вѣрѣ,

какими были принявшіе недавно христіанство новгородцы, конечно, требовалось „словесное млеко“, то есть самыя простыя, безхитростныя, первоначальныя наставленія въ вѣрѣ и жизни христіанской. Такія именно наставленія и составляютъ содержаніе, „поученія къ братіи“. Притомъ, какъ можно полагать на основаніи свидѣтельствъ лѣтописныхъ, новгородцамъ не доставало именно тѣхъ нравственныхъ качествъ, которыя рекомендуетъ имъ ихъ архіепископъ-проповѣдникъ; и на оборотъ были сильны тѣ недостатки, на которые намекаетъ „поученіе къ братіи“.

Св. Θеодосій Печерскій.

Св. Преподобный Θеодосій Печерскій относится къ тѣмъ проповѣдникамъ, которыхъ слова не расходятся съ жизнію и ученіе — съ дѣлами: и въ своей жизни Θеодосій осуществлялъ тѣ наставленія и правила, которыя составляли главный предметъ и содержаніе его проповѣдей, такъ что можно сказать, что проповѣди св. Θеодосія Печерскаго были отраженіемъ его жизни. Еще съ дѣтскихъ лѣтъ въ немъ было замѣтно стремленіе къ тому строгому благочестію и подвижничеству, которое впослѣдствіи развилось въ немъ и нашло себѣ выраженіе въ его проповѣдяхъ. Въ дѣтствѣ, которое онъ провелъ въ Курскѣ, онъ не любилъ участвовать въ дѣтскихъ играхъ, не любилъ носить хорошее разноцвѣтное платье, но отличался скромностью и покорностью и болѣе всего любилъ посѣщать храмы Божіи. Упросивъ своихъ родителей отдать его въ книжное ученіе, онъ съ прилежаніемъ занялся изученіемъ Божественныхъ писаній и оказалъ въ этомъ такіе успѣхи, что всѣ удивлялись его премудрости и разуму. Эта любовь къ храмамъ и изученію Божественныхъ писаній и стремленіе къ подвижничеству не уничтожилось въ Θеодосіѣ и тогда, когда онъ сталъ приходить въ возрастъ. Онъ предпочиталъ ходить въ рубищѣ, отдавалъ лучшую одежду нищимъ, носилъ вериги на тѣлѣ и когда замѣтилъ, что литургія иногда не совершается въ церкви по недостатку просфоръ, самъ сталъ печь ихъ.

Это стремленіе къ подвижничеству настолько укрѣпилось въ Θеодосіѣ, что онъ рѣшился оставить свою мать, которая

не сочувствовала его благочестивому стремленію и пытался уйти изъ дому. И когда въ первый разъ это ему не удалось и онъ былъ возвращенъ своею матерью съ побоями, во второй разъ рѣшился исполнить свое намѣреніе и тайно удалился въ Кіевъ. Здѣсь, поселившись въ пещерѣ преподобнаго Антонія и будучи постриженъ въ монахи, всецѣло предался благочестивымъ подвигамъ, такъ что своимъ воздержаніемъ и послушаніемъ онъ, юный подвижникъ, удивлялъ старыхъ. Избранный въ игумены, Θеодосій старался и подчиненной братіи внушать стремленіе къ строгому подвижничеству, которому самъ всецѣло былъ преданъ. Для того, чтобы удобнѣе развить въ братіи духъ строгаго подвижничества, онъ ввелъ въ своемъ монастырѣ строгій студійскій уставъ.

Отъ преподобнаго Θеодосія до нашего времени сохранилось 11 поученій изъ которыхъ два обращены ко всему народу русскому и 9 къ Кіево-Печерскимъ инокамъ.

Поученіе „о казни Божіей" Св. Θеодосія Печерскаго.

Одно изъ поученій къ народу Св. Θеодосія Печерскаго озаглавливается такъ: „О казни Божіей". Полагаютъ, что это поученіе было произнесено по случаю нашествія половцевъ въ 1067-мъ году на русскую землю и бывшаго при этомъ въ Кіевѣ народнаго возмущенія. Это предположеніе основано на самомъ содержаніи поученія, гдѣ есть указаніе на эти событія; кромѣ того для этого предположенія есть еще то основаніе, что лѣтописецъ, говоря о нашествіи половцевъ, повторяетъ значительную часть изъ этого поученія.

Поученіе „о казни Божіей" начинается раскрытіемъ той мысли, что всякое бѣдствіе, постигающее народы, есть бѣдствіе, посылаемое Богомъ за грѣхи: „Богъ наводитъ какую-либо казнь или иноплеменниковъ по гнѣву Своему за то, что мы не обращаемся къ Нему, а междуусобная брань бываетъ по наущенію отъ діавола и отъ злыхъ людей. Если какая-либо страна согрѣшаетъ, Богъ наказываетъ ее смертію, или голодомъ, или нашествіемъ иноплеменниковъ, или бездождіемъ, или другими различными казнями". Подтвердивши далѣе свою мысль, что казни Божіи посылаются въ наказаніе намъ—пророческими свидѣтельствами, проповѣдникъ при-

зываетъ всѣхъ къ покаянію и исправленію своей жизни. „Слыша это подвигнемся на добро; взыщите судъ, избавите обидимаго и пріидите на покаяніе: не воздавая зломъ за зло; но любовію обратимся ко Господу, постомъ, рыданіемъ и слезами обмывающе свои грѣхи,—не словомъ называясь христіанами а живя по язычески“. И затѣмъ проповѣдникъ указываетъ на проявленіе этого духа язычества въ русскомъ народѣ, за что онъ и былъ наказанъ. Этотъ духъ проявился прежде всего въ суевѣріяхъ и игрищахъ: „Если кто встрѣтитъ чернеца, или черницу, или лысаго коня, то возвращается назадъ; развѣ это не по-язычески? Такого суевѣрія держатся по наущенію отъ діавола. Иные вѣрятъ чиханью, которое часто бываетъ на здравіе головѣ. Но этимъ обольщаетъ діаволъ, равно какъ и другими обычаями и искушеніями, удаляющими насъ отъ Бога: волхвованіемъ, чародѣяніемъ, блудомъ, запоемъ, рѣзоиманіемъ (мздоиманіемъ), приплоды (процентами), воровствомъ, ложью, завистью, клеветою, зубами (дракою), скоморошествомъ, гуслями, сопѣлями и другими играми“. Кромѣ суевѣрія и игрищъ, проявленіе духа языческаго проповѣдникъ указываетъ въ несоблюденіи нѣкоторыхъ правилъ христіанской жизни и дѣятельности, въ неблагопристойномъ стояніи въ церкви и несоблюденіи постовъ. „Когда стоимъ въ церкви, — какъ смѣемъ мы смѣяться или творить шепотъ? Какой муки мы за это достойны!“ Напротивъ на молитвѣ, говоритъ Ѳеодосій, „нужно стоять со страхомъ и любовію другъ къ другу“; и самая молитва должна быть соединена съ чистотою совѣсти. „Молясь, будемъ взывать: да исправится молитва моя, яко кадило предъ тобою, воздѣяніе руку моею. Поэтому осматривай руки твои и испытывай: чисты ли онѣ отъ грабежа и мздоимства. Если же ты грабилъ, или бралъ проценты, или чѣмъ кого обидѣлъ, не воздѣвай рукъ твоихъ, пока не очистишься отъ всякаго зла“. О постахъ и праздникахъ Ѳеодосій говоритъ: „знайте, что св. отцы наши установили постные дни по наученію Господню и по заповѣди св. апостоловъ и заповѣдали праздновать св. праздники духовно, а не тѣлесно“.

Наконецъ проповѣдникъ указываетъ на одно зло, сильно укоренившееся въ русскомъ народѣ, а именно на пьянство,

противъ котораго онъ и возстаетъ въ концѣ своего поученія и съ особенною силою: „о горе пребывающимъ въ пьянствѣ! Пьянствомъ мы отгоняемъ отъ себя ангела хранителя своего и приближаемъ къ себѣ злаго бѣса; черезъ пьянство мы удаляемся отъ Св. Духа и приближаемся къ аду; Богъ ненавидитъ и отвращается отъ нихъ, супостатъ нашъ радуется о пьянствѣ и говоритъ: пьяные мои, а трезвые Божіи".

Въ заключеніе своего поученія проповѣдникъ говоритъ: „слыша это, братіе, подвигнемся работать Господу и исполнять заповѣди Его во дни живота нашего о Христѣ Іисусѣ, Ему же слава со Отцемъ и Св. Духомъ и нынѣ и присно".

Поученіе Св. Ѳеодосія Печерскаго „о тропаряхъ и пьяницахъ".

Обличеніе въ пьянствѣ составляетъ главный предметъ содержанія этого поученія. Поученіе это направлено противъ тѣхъ, которые удовлетворяли своей склонности къ пьянству подъ благовиднымъ предлогомъ пѣнія тропарей, — а именно старались за обѣдомъ пѣть какъ можно болѣе тропарей и этимъ какъ-будто выражали свое усердіе, а на самомъ дѣлѣ они пѣли болѣе тропарей съ тою цѣлію, чтобы побольше выпить, ибо съ пѣніемъ каждаго тропаря соединялось выпиваніе. Въ этомъ поученіи, въ доказательство грѣховности неумѣреннаго питья, проповѣдникъ указываетъ на слова Богородицы, сказанныя Ею св. Василію: „если хочешь имѣть Меня заступницею во всѣхъ бѣдахъ твоихъ, послушайся Меня, отвращайся всякаго питія, и не молись пьянъ, потому-что не только не будешь услышанъ, но Бога разгнѣваешь и будешь осужденъ на мученія". Далѣе,—въ доказательство грѣховности чрезмѣрнаго употребленія вина, онъ указываетъ на постановленія апостоловъ: „если кто упоитъ другаго, пусть постится 7 дней, если же очень сильно напоитъ, пусть постится 40 дней на хлѣбѣ и водѣ". Наконецъ проповѣдникъ изображаетъ картину пьянаго. „Кто много пьетъ съ тропарями; тотъ начинаетъ ползать на колѣняхъ, а на своихъ ногахъ не можетъ отойти. Иные валяются въ грязи, сдѣлавъ себя посмѣшищемъ и поруганіемъ для всѣхъ

людей, и отогнавъ отъ себя Ангела Господня, хранителя души своей". Порокъ пьянства дѣлаетъ человѣка хуже бѣсноватаго: „Бѣсноватый страдаетъ не по своей волѣ и получитъ жизнь вѣчную, а пьяный страдаетъ по своей волѣ и подвергнется мученію вѣчному; —нѣтъ же много тропарей установили чревоугодники". Кромѣ обличенія пьянства въ поученіи „о тропаряхъ и пьяницахъ" порицаются нѣкоторые языческіе обычаи:—„благословлять кутью во оставленіе грѣховъ, приставлять къ ней воду и класть на кутью яйца".

Поученіе къ инокамъ Св. Ѳеодосія Печерскаго.

Изъ 9-ти поученій св. Ѳеодосія къ инокамъ Кіево-Печерскимъ въ полномъ своемъ видѣ сохранились только 5-ть, а остальныя 4-ре сохранились въ отрывкахъ. Въ этихъ поученіяхъ проповѣдникъ изображаетъ идеалъ иноческой жизни. Въ изображеніи иноческаго идеала онъ является подражателемъ Ѳеодора Студита, сочиненія котораго вообще вліяли на Ѳеодосія. По изображенію Ѳеодосія: монахъ—воинъ, жизнь котораго есть постоянная борьба противъ міра, врагъ инока —бѣсъ, всевозможными средствами опутывающій инока, оружіе противъ него —смиреніе, постъ и молитва. Тоже сравненіе монаха съ воиномъ, тоже указаніе на врага его діавола и на оружіе противъ него мы встрѣчаемъ и у преподобнаго Ѳеодора Студита.

Въ своихъ поученіяхъ къ Кіево-Печерскимъ инокамъ св. Ѳеодосій говоритъ о 1) постѣ, 2) нестяжательности, 3) подвижничествѣ, 4) терпѣніи, смиреніи и 5) хожденіи къ службѣ Божіей. Онъ возбуждаетъ къ постоянному бдѣнію надъ собою, чему„ помогаетъ частое повтореніе Іисусовой молитвы и пѣніе Псалтири". Убѣждая въ необходимости поста, Ѳеодосій говоритъ, что сорокодневный постъ есть постъ десятинный, который мы должны удѣлять Богу изъ цѣлаго года. Поучая смиренію, онъ повелѣваетъ инокамъ при встрѣчѣ другъ съ другомъ „кланяться",— авъ церкви, подходя другъ къ другу, „кланяться въ землю".

Изъ поученій св. Ѳеодосія видно, что тотъ нравственный идеалъ, который проповѣдникъ хочетъ усвоить Кіевопечер-

скимъ инокамъ, не былъ ими достигаемъ: Въ поученіяхъ встрѣчаются указанія на невыполненіе иноками нѣкоторыхъ обязанностей, на лѣностное хожденіе въ храмъ и на неблагопристойное стояніе ихъ въ церкви. „Что мы, говоритъ св. Θеодосій, вознерадѣли, братіе и отцы; когда время службы позоветъ насъ въ церковь, діаволъ омрачаетъ наше сердце лѣностью“. Внушая не опираться на стѣны и столбы, св. Θеодосій говоритъ: „стѣны и столбы церковные устроены намъ на честь, а не на безчестіе“.

Характеристика проповѣдей св. Θеодосія со стороны содержанія и изложенія; внутреннее ихъ свойство.

Такимъ образомъ предметъ содержанія проповѣдей Θеодосія составляютъ нравственно-практическія наставленія: Въ нихъ св. Θеодосій является обличителемъ тѣхъ нравственныхъ недостатковъ, которые въ его время существовали и въ жизни христіанъ и въ жизни монаховъ.

Со стороны изложенія проповѣди Θеодосія отличаются простотою и непосредственностью. Проповѣдникъ излагаетъ нравственныя правила и наставленія не по требованію какого-нибудь напередъ придуманнаго плана, но единственно по требованію своего сердца. Наставленія его текли въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ зародились въ его сердцѣ,—и вообще проповѣди Θеодосія проникнуты теплотою чувства и сердечностью. Эта сердечность сохраняется и тамъ въ поученіяхъ Θеодосія, гдѣ проповѣдникъ высказываетъ обличенія. Проповѣдникъ эти обличенія не высказываетъ какимъ-либо строгимъ тономъ, но лишь проситъ, умоляетъ со слезами и даже готовъ припасть къ ногамъ тѣхъ, кого поучаетъ. Такія поученія, проникнутыя теплотою чувства и сердечностью должны были имѣть благотворное вліяніе на современниковъ. Эта благотворность вліянія проповѣдей Θеодосія обусловливается и тѣмъ, что его проповѣди были отображеніемъ его собственной жизни, правила о постахъ и подвигахъ, о которыхъ говоритъ Θеодосій въ своихъ проповѣдяхъ, были выполнены имъ самимъ и вся его благочестивая жизнь служила живымъ примѣромъ и проповѣдію.

Заключительный очеркъ проповѣди до-монгольскаго періода.

Имѣла-ли значеніе древне-русская проповѣдь до-монгольскаго періода? Можно положительно сказать, что проповѣдь до-монгольскаго періода имѣла немаловажное значеніе для развитія религіозной жизни древне-русскаго народа, такъ какъ она отвѣчала религіознымъ потребностямъ русскаго народа. Новопросвѣщенному русскому народу прежде всего нужно было раскрыть значеніе принятой имъ вѣры и, сколько можно, привлечь сердце народа къ этой вѣрѣ. Этой религіозной потребности отвѣчала проповѣдь Илларіона, который въ своемъ словѣ раскрываетъ значеніе и плоды вѣры Христовой. Затѣмъ новопросвѣщенному народу нужно было раскрыть самыя истины вѣры, чтобы эти истины могли быть поняты и усвоены. Этой потребности отвѣчали проповѣди Кирилла Туровскаго, который въ художественныхъ и наглядныхъ чертахъ изображаетъ эти истины и такимъ образомъ какъ-бы напечатлѣваетъ ихъ въ умѣ и сердцѣ народа. Далѣе новопросвѣщенному народу нужно было раскрыть обязанности человѣка по отношенію къ Богу, ближнему и самому себѣ. Этой потребности отвѣчала проповѣдь въ лицѣ Луки Жидяты, который въ простой и общедоступной формѣ изображаетъ всѣ главныя христіанскія обязанности. Наконецъ нужно было не только раскрыть эти обязанности, но и указать на уклоненія отъ нихъ, на недостатки, которые были присущи современному народу. Этой потребности отвѣчала русская проповѣдь въ лицѣ Ѳеодосія Печерскаго, который въ своихъ поученіяхъ обличаетъ нравственные пороки и недостатки, присущіе современному ему народу. Хотя съ ясностью трудно указать вліяніе древне-русской проповѣди и прослѣдить слѣды этого вліянія, но уже по тому самому, что нѣкоторыя изъ проповѣдей древне-русскихъ проповѣдниковъ пользовались особеннымъ уваженіемъ народа, а именно съ усердіемъ читались и переписывались, можно судить и о вліяніи проповѣди, такъ какъ всякая проповѣдь, если только она съ усердіемъ слушается и читается, не можетъ не имѣть вліянія.

Въ древне-русской жизни и письменности есть много та-

кого, чему не мѣшаетъ намъ поучиться; не даромъ теперь проявляется особенное желаніе изучать какъ можно лучше древне-русскую жизнь и древне-русскія произведенія. И въ частности есть чему научиться и у нашихъ древне-русскихъ проповѣдниковъ. Такъ, напр.—проповѣдь Илларіона можетъ служить образцомъ для насъ полнаго и основательнаго раскрытія истинъ вѣры. Ясность мысли, точное и послѣдовательное изложеніе, а также нѣкоторые ораторскіе пріемы, которые мы встрѣчаемъ у Иларіона, могутъ быть примѣрными качествами и для современныхъ проповѣдниковъ. Проповѣди Кирилла Туровскаго могутъ служить образцами живаго и нагляднаго изображенія истинъ вѣры Христовой. Такое живое, поэтическое изображеніе истинъ вѣры Христовой можетъ напечатлѣть эти истины въ сердцѣ, возбудить сочувствіе къ нимъ. Проповѣди Луки Жидяты служатъ образцами простоты и общедоступности; въ особенности нашему простому народу не столько нуженъ анализъ нравственныхъ обязанностей и указаніе основаній для нихъ, сколько простое и общедоступное изложеніе ихъ. Наконецъ проповѣди Өеодосія Печерскаго могутъ служить образцами нраво-обличительной проповѣди, касающейся тѣхъ суевѣрій и недостатковъ, которыя и теперь присущи нашему русскому народу.

Б) Русская проповѣдь въ Монгольскій періодъ.

Время Монгольскаго ига, т.-е. XIII и XIV вѣка, обозначаютъ собою отдѣльный періодъ въ исторіи древне-русской проповѣди, такъ какъ въ эти два вѣка русская проповѣдь является съ особеннымъ направленіемъ. Это особенное направленіе находилось въ связи съ самымъ бѣдствіемъ, постигшимъ русскую землю. Татарское нашествіе было временемъ самаго тяжкаго бѣдствія для нашего народа. Вотъ какъ, напримѣръ, Серапіонъ изображаетъ бѣдствіе Татарскаго нашествія. „Не завоевана ли земля наша, не взяты ли города, не пали ли въ битвахъ отцы наши и братья, не отведены ли жены и чада въ плѣнъ, не порабощены ли оставшіеся горькимъ рабствомъ? разорены Божіи церкви, осквернены священные сосуды, потоптана святыня, святители преданы мечу, крѣпость

князей и воеводъ исчезла, трудъ нашъ наслѣдовали поганые, земля наша обратилась въ достояніе иноплеменниковъ". Кромѣ внѣшняго бѣдствія, опустошенія городовъ и селъ и разоренія народа, — татарское иго отозвалось различными гибельными послѣдствіями и во внутренней жизни русскаго народа. Рабство унизило духъ народа и развило грубый деспотизмъ въ высшихъ и рабскую покорность въ низшихъ, особенно же оно оказало вредное вліяніе въ томъ отношеніи, что надолго задержало просвѣщеніе въ Россіи, усилило невѣжество и укрѣпило грубое суевѣріе и пороки. Къ такому тяжкому бѣдствію со всѣми его послѣдствіями не могли безучастно относиться пастыри церкви — проповѣдники. Это бѣдствіе указало проповѣдникамъ особую задачу и давало особенное содержаніе для ихъ проповѣдей. На ихъ обязанности лежало — быть выразителями христіанскаго взгляда на это бѣдствіе. Они должны были стараться, по возможности, ослабить тяжесть нравственныхъ послѣдствій этого бѣдствія, возбуждая народъ къ нравственному исправленію. Выражая христіанскій взглядъ на это бѣдствіе, какъ на наказаніе Божіе, посылаемое за грѣхи, пастыри-проповѣдники этого времени естественно являлись обличителями пороковъ и недостатковъ: Такимъ образомъ, проповѣдь монгольскаго времени приняла направленіе обличительное. Русскіе пастыри того времени, особенно архипастыри, живо сознавали обязательность и необходимость проповѣди; старались и другимъ пастырямъ внушить это сознаніе и указывали на проповѣдь, какъ на непремѣнную ихъ обязанность. Такъ митрополитъ Кириллъ 2-й, на соборѣ 1274 г., въ особомъ поученіи наставлялъ пастырей учить свои паствы, въ себѣ самомъ показывая имъ примѣръ учительства: „Васъ, говорилъ Кириллъ, поставилъ Богъ пастырями и стражами словесныхъ овецъ своихъ, блюдите порученныхъ вамъ людей, какъ научить ихъ и представить непорочными на судъ предъ Богомъ; — разумѣйте, какъ учить людей духовныхъ". Митрополитъ Алексій въ своемъ окружномъ посланіи, прежде всего, указываетъ на свою обязанность — учить. „Дѣти, я долженъ васъ учить и пасти порученную мнѣ паству". Въ другомъ посланіи (къ пастырямъ Новгородской области) св. Алексій

обязываетъ „іереевъ учить своихъ духовныхъ дѣтей страху Божію“. Митрополитъ Фотій и другіе митрополиты разсылали грамоты духовенству съ увѣщаніемъ учить народъ. Сознавая необходимость проповѣди пастыри дѣйствительно и проповѣдывали. На это указываютъ свидѣтельства древнихъ лѣтописцевъ. Такъ многіе изъ архіереевъ заслужили отъ лѣтописцевъ похвалу, какъ пастыри-учители. Напримѣръ, о Кириллѣ, епископѣ Владимірскомъ, говорится въ лѣтописи: „Не отста Кириллъ ничѣмъ-же отъ прочихъ епископовъ, слѣдуя нравамъ ихъ и ученію“. Говоря о смерти Кирилла лѣтописецъ прилагаетъ къ нему эпитетъ „учительный“. О Сумеонѣ Тверскомъ извѣстно изъ лѣтописи, что онъ „бяше учителенъ въ книгахъ божественнаго Писанія“. Тоже говорится въ лѣтописи и о Серапіонѣ, епископѣ Владимірскомъ. Да и самъ Серапіонъ въ своихъ поученіяхъ свидѣтельствуетъ о своихъ проповѣдническихъ трудахъ: „многажды глаголахъ вамъ“ и т. д. Кромѣ свидѣтельствъ лѣтописи самыя произведенія, дошедшія до насъ, фактически показываютъ, что проповѣдь существовала въ это время.

Серапіонъ, епископъ Владимірскій.

Серапіонъ, епископъ Владимірскій — является представителемъ русскихъ проповѣдниковъ Монгольскаго періода. Свѣдѣній о его жизни сохранилось очень мало. Извѣстно, что онъ былъ игуменомъ Кіево-Печерскаго монастыря; въ 1274 году онъ былъ поставленъ въ епископа Владимірскаго, а въ 1275 году онъ скончался. Какъ свидѣтельство проповѣднической дѣятельности Серапіона до насъ дошло и его „5 словъ“, но принимая во вниманіе свидѣтельство лѣтописи, которая называетъ его „учительнымъ“, и его собственное свидѣтельство „многажды глаголахъ вамъ“ можно думать, что этими „5-ю словами“ не ограничивалась дѣятельность Серапіона, какъ проповѣдника.

Слово первое. Въ первомъ своемъ словѣ Серапіонъ указываетъ на знаменія и землетрясеніе, бывшее въ его время. „Сколько разъ, говоритъ Серапіонъ, мы видѣли солнце затмившимся, луну померкшею, видѣли перемѣны въ звѣздахъ. Земля, отъ начала утвержденная и неподвижная, нынѣ движется, по по-

велѣнію Божію, колеблется“. Причину этихъ знаменій и землетрясеній проповѣдникъ указываетъ въ томъ, что „мы не послушали Евангелія, не послушали апостоловъ, не послушали пророковъ и великихъ Отцевъ и Учителей церкви и пребыли нераскаянными въ грѣхахъ“. „И прежде говоритъ Серапіонъ, бывали землетрясенія, гладъ, моръ и частыя войны. Однако-жъ мы не покаялись, пока не пришелъ на насъ, по Божію попущенію, народъ немилостивый“. Указывая на то, что причиною бѣдствій служатъ наши грѣхи и наша нераскаянность въ нихъ, проповѣдникъ призываетъ къ покаянію и исправленію: „зная сіе, братіе, убоимся нынѣ сего страшнаго прещенія и припадемъ съ исповѣданіемъ къ Господу своему, дабы не подпасть намъ большему гнѣву Господню. Если не будемъ производить болѣе безсовѣстныхъ и немилосердныхъ судовъ, если отстанемъ отъ кровожаднаго лихоиства и всякаго грабительства, отстанемъ отъ сквернословія, лжи и клеветы, то должны вѣрно знать, что мы сподобимся благъ не только въ семъ вѣкѣ, но и въ будущемъ“. Чтобы сильнѣе возбудить чувство покаянія и желанія исправиться, проповѣдникъ указываетъ на примѣры внезапной смерти: „Въ какое время мы видѣли столько примѣровъ внезапной смерти? Одни не успѣли распорядиться о своемъ домѣ, другіе съ вечера легли здоровыми, а утромъ не встали. Убойтеся, умоляю васъ, сей внезапной разлуки съ жизнію!“ Въ заключеніе слова проповѣдникъ сѣтуетъ на невнимательность къ его словамъ пасомыхъ, не смотря на его многократныя увѣщанія.

Слово второе. Во второмъ словѣ проповѣдникъ прежде всего выражаетъ свою скорбь о томъ, что не видитъ обращенія пасомыхъ отъ дѣлъ беззаконія: „Не такъ скорбитъ мать, говоритъ проповѣдникъ, видя дѣтей своихъ больными, какъ скорблю я, грѣшный отецъ вашъ, видя васъ болящихъ дѣлами беззаконными“. Затѣмъ указываетъ, что они остаются по-прежнему въ тѣхъ порокахъ, какимъ были преданы. Перечисливши эти пороки, онъ умоляетъ ихъ исправиться. Чтобы сильнѣе побудить ихъ къ исправленію, онъ обращаетъ вниманіе на страшный судъ, и на тѣ бѣдствія, которыя постигли русскую землю въ то время: „Что мы не навлекли на себя?

Какихъ мы не понесли наказаній отъ Бога?" Далѣе указываетъ на послѣдствія этихъ бѣдствій: „томленіе, мука, тяжкіе налоги, голодъ, моръ скота". Но чтобы еще болѣе побудить къ покаянію и исправленію, проповѣдникъ указываетъ на примѣръ Ниневитянъ: „Богъ, когда хотѣлъ Ниневію, городъ великій по многолюдству, но наполненный беззаконіями, потребить, послалъ пророка Іону, чтобы возвѣстить погибель городу. Но Ниневитяне, услышавъ, не стали медлить, а тотчасъ обратились отъ грѣховъ своихъ и загладили беззаконія свои покаяніемъ, постомъ, молитвою и плачемъ. И они умолили Господа, освободились отъ угрожающаго наказанія, гнѣвъ Божій перемѣнили на милосердіе и избавились отъ погибели". Въ заключеніе проповѣдникъ еще разъ обращаетъ вниманіе слушателей на бѣдствія своего времени и проситъ ихъ оставить свои грѣхи: „Перестаньте-же, молю васъ, отъ сего времени прогнѣвлять Бога". Возбуждая къ покаянію, проповѣдникъ говоритъ, что Богъ ожидаетъ нашего покаянія, желаетъ помиловать насъ.

Слово третье. Въ 3-мъ словѣ проповѣдникъ раскрываетъ ту общую мысль, что причиною несчастій, постигающихъ насъ, служитъ нераскаянность во грѣхахъ. Богъ, желая обратить насъ къ Себѣ, посылаетъ различныя бѣдствія. „Видя, что мы отвергли Его заповѣди, Онъ показалъ намъ многія знаменія и, когда мы ни въ чемъ не оказались лучшими, тогда Онъ навелъ на насъ народъ лютый, нещадящій ни юной красоты, ни немощи старцевъ, ни младости дѣтей. И доселѣ непрестанно терпѣли наказанія, но не обратились къ Господу, не отступили отъ злыхъ обычаевъ зависти, злобы, ненависти, ненасытимой любостяжательности, алчности въ пріобрѣтеніи имуществъ". Высказанную мысль, что причиною нашихъ бѣдствій служатъ наши грѣхи, проповѣдникъ далѣе подтверждаетъ свидѣтельствами изъ пр. Исаіи, изъ посланій ап. Павла и изъ словъ, сказанныхъ пр. Моvсею. Подтвердивши мысль, что причиною нашихъ бѣдствій служатъ наши грѣхи, проповѣдникъ далѣе говоритъ: „что-же намъ должно дѣлать, чтобы бѣдствія перестали томить насъ?" Онъ призываетъ любить другъ друга, соблюдать истину, отпускать другимъ грѣхи, чтобы Богъ оставилъ и намъ наши грѣхи.

Слово четвертое. Въ 4-мъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ суевѣрный обычай своего времени: сожигать волхвовъ. Въ народѣ появилось тогда такого рода воззрѣніе, что голодъ, нѣсколько разъ постигавшій его, происходитъ отъ наговоровъ волшебниковъ. По этому народъ сталъ сожигать волхвовъ или бросать въ воду, чтобы испытать виновны они или нѣтъ: если они станутъ тонуть, то значитъ невинны, а если поплывутъ, значитъ виновны. Противъ такого грубаго суевѣрія и своеволія проповѣдникъ возстаетъ со всею силою своего слова. „Изъ какихъ книгъ, или изъ какого писанія, говоритъ онъ, вы узнали, что отъ волхвовъ бываетъ голодъ на землѣ или умножается на ней хлѣбъ? Вы молитесь имъ и почитаете ихъ, приносите имъ дары, если они благоустрояютъ міръ, пускаютъ дождь, наводятъ теплую погоду, повелѣваютъ землѣ приносить плоды". „Вотъ нынѣ по три года не родится хлѣбъ. Волхвы ли сдѣлали это? Не Богъ-ли распоряжаетъ свою тварь, какъ хочетъ, наказывая насъ за грѣхи". „Божественныя правила повелѣваютъ человѣка осуждать на смерть по свидѣтельству многихъ; а вы ставите свидѣтелемъ воду и говорите: если станетъ тонуть, то невинна, а если поплыветъ, то волшебница". „Умоляю васъ, покайтеся въ прежнемъ безуміи и съ сего времени не будьте, какъ трость, колеблемая вѣтромъ".

Слово пятое. Въ 5-мъ словѣ проповѣдникъ возстаетъ противъ другаго суевѣрія, а именно: народъ запрещалъ погребать удавленниковъ и утопленниковъ и выгребалъ (вырывалъ), ихъ считая ихъ причиной всѣхъ несчастій, постигшихъ русскую землю: „О злое безуміе, говоритъ проповѣдникъ, о маловѣріе!" „Тѣмъ-ли Бога умилостивите, чтобы утопленника или удавленника выгрести? Тѣмъ-ли думаете утишить казнь Божію? Лучше, братіе, перестанемъ отъ зла, удержимся отъ всѣхъ злыхъ дѣлъ". „Язычники, не вѣдая закона Божія, не убиваютъ единовѣрныхъ своихъ, не грабятъ, не обманываютъ, не клевещутъ, не воруютъ. А мы, христіане, крещенные во имя Бога, постоянно слыша Его заповѣди, исполнены неправды и зависти, немилосердія, своихъ-же братьевъ грабимъ, убиваемъ, продаемъ язычникамъ, обидами, завистью,—если бы можно было, то съѣли-бы другъ друга, да Богъ бережетъ". „Окаян-

ный, кого ты пожираешь? Не такой-ли и онъ человѣкъ, какъ и ты? Онъ не звѣрь и не язычникъ". Въ заключеніе проповѣдникъ умоляетъ покаяться: „Умоляю васъ, говоритъ онъ, покаемся отъ всего сердца".

Характеристика проповѣдей Серапіона.

Въ своихъ проповѣдяхъ Серапіонъ является обличителемъ пороковъ своего времени. Онъ указываетъ на эти пороки, какъ на причину бѣдствій, постигшихъ русскую землю и какъ средство освобожденія отъ этихъ бѣдствій указываетъ на покаяніе и исправленіе. Что особенно достойно вниманія въ проповѣдяхъ Серапіона, такъ это тонъ и характеръ обличеній и самый способъ обличенія. Обличенія Серапіона проникнуты пастырскою любовію. Видно, что онъ близко принималъ къ сердцу пороки своего времени, искренно скорбѣлъ о нихъ и желалъ обратить пасомыхъ на истинный путь. Онъ неоднократно высказываетъ сильную скорбь о томъ, что слушатели погрязли въ языческихъ суевѣріяхъ и обычаяхъ и проситъ быть истинными христіанами. А такія обличенія, которыя проникнуты сердечностью и теплотою чувства не могли не производить сильнаго вліянія. Кромѣ этого внутренняго характера обличеній у Серапіона достоинъ вниманія самый способъ обличенія. Обличенія пороковъ своего времени Серапіонъ соединяетъ съ указаніемъ на слѣдствія пороковъ, — на тѣ разнообразныя бѣдствія, которыя происходили отъ нихъ. Эти бѣдствія онъ изображаетъ живыми красками, рисуетъ ихъ картину съ малѣйшими подробностями. Самые пороки онъ также изображаетъ рельефно, указывая въ частности на ихъ проявленія. А такой способъ обличенія, когда указываются слѣдствія порока и эти пороки поставляются въ связь съ бѣдствіями, ихъ сопровождающими, когда живо изображаются самыя бѣдствія, всего лучше можетъ подѣйствовать на слушателей.

Безыменныя поученія монгольскаго періода.

Отъ времени монгольскаго ига до насъ дошли слова и поученія, частію безыменныя, частію надписанныя именами

апостоловъ и св. отцевъ: Василія Великаго, Григорія Богослова и чаще всего Іоанна Златоуста; или же просто именуемыя „ученіемъ св. отцевъ“; но несмотря на отсутствіе надписанія или на надписанія ихъ именами св. отцевъ, эти произведенія суть произведенія русскихъ проповѣдниковъ, такъ какъ въ нихъ находятся ясныя указанія на русскіе нравы, обычаи и суевѣрія. Но скрывали свое имя эти проповѣдники или по скромности, или можетъ быть желали авторитетомъ великихъ именъ обратить большее вниманіе на свои произведенія, или, наконецъ, можетъ быть, потому, --что большею частію эти поученія составляли сокращеніе или передѣлку свято-отеческихъ твореній

По своему содержанію безъименныя поученія могутъ быть раздѣлены на два разряда. Къ 1-му разряду относятся тѣ поученія, которыя содержатъ въ себѣ нравственныя наставленія и обрядовыя предписанія, напр., относительно— соблюденія постовъ, хожденія въ церковь, отношенія къ духовнымъ лицамъ и князьямъ и т. д. и содержатъ, затѣмъ, обличенія пороковъ того времени: лихоимства, воровства, пьянства; ко 2-му относятся тѣ, въ которыхъ обличаются русскія суевѣрія и языческіе обряды.

Изъ безыменныхъ поученій бо́льшій интересъ представляютъ тѣ, въ которыхъ изображаются суевѣрія русскаго народа. Изъ такого рода поученій одно надписывается такъ: „слово нѣкоего христолюбца и ревнителя по правой вѣрѣ“. Въ этомъ словѣ двоевѣріе русскаго народа, или смѣсь язычества съ христіанствомъ,—изображается *слѣдующими чертами*: „Христіане,—двоевѣрцы, говоритъ Христолюбецъ, вѣруютъ въ Перуна, Хорса, въ Мокошь, Сима, Регла и Вилы, которыхъ числомъ, какъ говорятъ окаянные невѣжды, тридевять сестеръ,—приносятъ имъ жертвы, рѣжутъ куръ, ломаютъ короваи, молятся подъ овиномъ огню, называя его Сварожичемъ, т. е. сыномъ Сварога, поютъ пѣсни и совершаютъ возліянія въ честь рода и рожаницъ,—и это, говоритъ Христолюбецъ, дѣлаютъ не только невѣжды, непросвѣщенные, но и знающіе и книжники;—если не дѣлаютъ этого, то по крайней мѣрѣ вмѣстѣ съ идолослужителями пьютъ и ѣдятъ; если не пьютъ и не ѣдятъ, то видятъ тѣ злыя дѣла, а если

и не видять, то слышать и не хотять *поучать правой* вѣрѣ".

Въ заключеніе своего слова христолюбецъ увѣщеваетъ чуждаться двоевѣрія,—не творить бѣсовскихъ игръ, подъ которыми онъ, кромѣ языческихъ игръ, разумѣетъ пляску, музыку или, какъ онъ называетъ, „гудьбу и мірскія бѣсовскія пѣсни".

Фотій, митрополитъ Кіевскій.

Пастырская дѣятельность Фотія относится къ первой половинѣ XV в. и обнимаетъ собою промежутокъ времени отъ 1409—1431 г. Въ это время Русь переживала тяжкіе годы. Кромѣ продолжавшихся еще внутреннихъ междоусобій и опустошительныхъ набѣговъ татаръ, она много страдала отъ голода, засухи и моровой язвы. Въ эту тяжелую пору для Руси прибылъ митрополитъ Фотій. Чтобы понять тѣ чувства, которыя онъ долженъ былъ пережить при видѣ такихъ бѣдствій, нужно вспомнить, откуда онъ перенесенъ былъ на почву русской жизни. Съ юныхъ лѣтъ Фотій жилъ въ пустынѣ и воспитывался подъ руководствомъ благочестиваго старца Акакія; слѣдовательно онъ долженъ былъ привыкнуть къ тихой и безмятежной жизни. Когда же въ Россіи ему пришлось встрѣтиться съ ужасными бѣдствіями, понятно, что душею пустынника долженъ былъ овладѣть ужасъ. Все, что до сихъ поръ онъ могъ знать и слышать о бѣдствіяхъ Руси, должно было ему показаться ничтожнымъ въ сравненіи съ тѣмъ, что ему пришлось увидѣть, и самъ онъ говорилъ впослѣдствіи въ одномъ изъ своихъ поученій: „Ни въ писаніи убо, чадо мое, толики казни обрѣтохомъ, ниже прежде гдѣ слышахомъ таковую казнь, какая грѣховъ нашихъ ради намъ бысть". Всѣ тяжкія народныя бѣдствія находили въ его сердцѣ сочувственный отголосокъ.—Съ именемъ Фотія извѣстно 8 словъ или поученій, которыя по характеру и содержанію раздѣляются на три разряда. Къ 1-му разряду относятся его слова на праздники: Благовѣщенія, Срѣтенія и на недѣлю Православія; въ этихъ поученіяхъ главное вниманіе проповѣдника обращено на раскрытіе празднуемаго событія, и здѣсь онъ даетъ увѣщанія относительно того, какъ приличнѣе вести

себя въ храмѣ. Болѣе близкое отношеніе къ современному состоянію имѣютъ поученія, относящіяся ко 2-му разряду: поученіе на недѣлю блуднаго сына и о страшномъ судѣ, въ которомъ проповѣдникъ возбуждаетъ къ покаянію, указывая на „ужасныя" бѣдствія его времени. Къ 3-му разряду относятся 3 поученія „о казняхъ Божіихъ". Содержаніе этихъ поученій имѣетъ самое близкое отношеніе къ современнымъ бѣдствіямъ русскаго народа: въ нихъ проповѣдникъ побуждаетъ къ покаянію живымъ изображеніемъ современныхъ бѣдствій.

Содержаніе поученія Фотія о бездождіи.

Въ началѣ поученія о бездождіи проповѣдникъ проситъ слушателей о томъ, чтобы они не подражали народу Израильскому, который невнимательно относился къ увѣщаніямъ пророковъ и убѣждаетъ ихъ къ тому, чтобы они благосклонно принимали то ученіе, которое онъ преподаетъ имъ. Затѣмъ проповѣдникъ изображаетъ бѣдствія своего времени: „Видимъ, говоритъ онъ, чада мои, небо заключенное, чистое и безоблачное; земля, до крайности изсохшая стала безплодною, сѣмена засохли и земледѣльцы, сидя на нивахъ, сложивши на колѣняхъ руки, сильно оплакивали свой трудъ". Изобразивши эти бѣдствія, проповѣдникъ указываетъ на причину ихъ и говоритъ, что Богъ наводитъ на насъ „эти язвы ради нераскаянности". Продолжая далѣе развитіе этой мысли, что бѣдствія посылаются на насъ ради нераскаянности, проповѣдникъ говоритъ, что множество нашихъ грѣховъ перемѣнило даже свойства самаго времени: „весна началась неестественнымъ образомъ, а зной и стужа, перешедши свои предѣлы, лишаютъ людей пропитанія и жизни". Причину этихъ безпорядковъ проповѣдникъ указываетъ въ томъ, что мы „затворили братолюбіе," что „ между нами охладѣла любовь," что мы за покаяніе принимаемся съ лѣностію и нерадѣніемъ, не подражаемъ примѣру Ниневитянъ, которые умолили Бога раскаяніемъ во грѣхахъ, но грѣшимъ съ усердіемъ, не оказываемъ дѣлъ христіанскаго милосердія, но употребляемъ въ дѣло хищничество, лихоимство и насиліе. Мало того, мы „безчеловѣчно относимся къ страданіямъ бли-

жнихъ, допуская ихъ до мучительныхъ страданій голода". Здѣсь проповѣдникъ изображаетъ и эти страданія: „Голодъ есть верхъ человѣческихъ бѣдствій; онъ заключаетъ въ себѣ медленное зло, охлаждаетъ теплоту, уменьшаетъ объемъ тѣла, истощаетъ мало по-малу силы. Тѣло теряетъ румянецъ, бѣлизна исчезаетъ, колѣна не тверды и сгибаются; голосъ становится тонкимъ и слабымъ, глаза какъ бы напрасно вложенныя во влагалища, изнемогаютъ во впадинахъ, желудокъ тощій впалъ... Кто презираетъ такое жалкое тѣло своего клеврета, какихъ наказаній достоинъ?" восклицаетъ проповѣдникъ. Указывая причину всѣхъ этихъ бѣдствій въ томъ, что мы нераскаянны во грѣхахъ и немилосердно относимся къ ближнимъ, проповѣдникъ далѣе говоритъ, „что иногда и для испытанія добродѣтели посылаются страданія, и каждый искушается для того, чтобы показать терпѣніе; иногда же случается то, что пока богатства умножаются у человѣка, онъ благодаритъ Бога за дары Его, а когда богатый сдѣлается бѣднымъ, то является неблагодарнымъ," — и убѣждаетъ не подражать такимъ людямъ, „не творить подобно неразумнымъ дѣтямъ, которыя, будучи наказаны учителемъ, рвутъ тетради и бранятъ его"... „Ты бѣденъ, говоритъ проповѣдникъ, не унывай, не падай духомъ, а возложи надежду на Бога". Чтобы укрѣпить слушателей въ этой надеждѣ, проповѣдникъ указываетъ на ветхозавѣтные и новозавѣтные примѣры чудеснаго насыщенія людей Богомъ. „Прослѣди Ветхій и Новый Завѣтъ, говоритъ онъ, и ты увидишь, что многіе чудеснымъ образомъ были кормимы. Илія жилъ въ пустынѣ и не умеръ съ голоду, но самыя хищныя и прожорливыя птицы приносили праведнику пищу. Юношѣ Израильскому пища была приносима по воздуху ангеломъ въ образѣ человѣка". Затѣмъ проповѣдникъ указываетъ на примѣръ Израильскаго народа, существованіе котораго чудеснымъ образомъ поддерживалось во время сороколѣтняго странствованія по пустынѣ. Указавши на эти примѣры, проповѣдникъ убѣждаетъ терпѣть въ постигшей бѣдѣ, оказывать дѣла христіанскаго милосердія, чтобы быть удостоенными чести на послѣднемъ судѣ. Желая склонить быть милостивыми и помогать другимъ, проповѣдникъ указываетъ на примѣръ „пер-

ваго христіанскаго общества“, — „когда у всѣхъ было согласіе душъ, трапеза общая, нераздѣленное братство, любовь нелицемѣрная“. Въ заключеніе проповѣдникъ убѣждаетъ разсмотрѣть какъ „настоящее“, такъ и „будущее“, и припомнить то, что для всѣхъ настанетъ „день испытанія“, когда каждому будетъ воздано по заслугамъ.

Характеристика проповѣди Фотія.

Главное достоинство поученія „о бездождіи“ состоитъ въ томъ, что оно имѣетъ ближайшее отношеніе къ обстоятельствамъ времени. Кромѣ того, въ этомъ поученіи встрѣчается не мало краснорѣчивыхъ описаній и художественныхъ картинъ. Самъ проповѣдникъ является человѣкомъ живымъ, съ душею поэтически-нѣжною: Онъ глубоко поражался несчастіями времени, страдалъ вмѣстѣ съ своими пасомыми и горько оплакивалъ постигшія ихъ ужасныя бѣдствія. Все поученіе написано языкомъ сильнымъ и энергичнымъ, такъ что при чтеніи его невольно переносишься мыслію къ словамъ проповѣдниковъ—Отцевъ и Учителей церкви IV вѣка. Еслибы это произведеніе было собственнымъ произведеніемъ автора, то можно-бы имя Фотія поставить въ числѣ замѣчательныхъ древне-русскихъ проповѣдниковъ. Но при ближайшемъ изслѣдованіи оказывается, что въ главной и существенной части это произведеніе не есть произведеніе Фотія, и что оригиналомъ для него послужило одно изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Св. Василія Великаго: „бесѣда его во время голода и засухи“. Но Фотій привноситъ въ это поученіе и долю самостоятельнаго участія: нѣкоторыя мѣста бесѣды св. Василія Великаго онъ передѣлалъ и сократилъ. Такъ поступалъ онъ въ томъ случаѣ, когда картины жизни въ оригиналѣ являлись непримѣнимыми къ русской жизни. Такъ, напр., въ своемъ поученіи онъ опустилъ слѣдующія слова изъ бесѣды св. Василія Великаго: „обильные источники у насъ оскудѣли, потоки большихъ рѣкъ до того изсякли, что малыя дѣти переходятъ ихъ на своихъ ногахъ. Многимъ изъ насъ нечего пить“. Ясно, что эти картины не соотвѣтствовали русской дѣйствительности. За исключеніемъ

такихъ измѣненій въ образахъ и картинахъ, поученіе во всемъ остальномъ сходно съ своимъ подлинникомъ. Но не смотря на этотъ подражательный характеръ, какимъ отличается поученіе Фотія, заслуга его состоитъ въ томъ, что по требованію обстоятельствъ времени онъ умѣлъ пользоваться твореніями замѣчательныхъ проповѣдниковъ, стараясь примѣнять эти творенія къ современнымъ обстоятельствамъ жизни. События и обстоятельства времени находили сочувственный отзывъ въ его душѣ, и онъ спѣшилъ такъ или иначе отвѣчать на эти обстоятельства своимъ пастырскимъ словомъ.

Григорій Самвлакъ.

Въ одно время съ Фотіемъ на юго-западѣ Россіи славился просвѣщеніемъ, книжною мудростью Григорій Самвлакъ, родомъ Сербъ. Въ Россію онъ былъ вызванъ дядею своимъ, митрополитомъ Кирилломъ. До прибытія въ Россію онъ сначала жилъ въ Болгаріи при патріархѣ Евфиміи,—потомъ былъ пресвитеромъ въ Молдовалахіи,—и игуменомъ монастыря въ Сербіи. Какъ человѣкъ просвѣщенный, Григорій, скоро по прибытіи въ Россію, обратилъ на себя вниманіе,—и въ 1416 г. былъ избранъ и посвященъ въ санъ Кіевскаго митрополита. Въ санѣ митрополита, въ которомъ онъ былъ 3 года, Григорій былъ ревностнымъ учителемъ вѣры и защитникомъ православія противъ Латинства. Отъ Григорія до насъ дошло 21 слово на Господскіе и Богородичные праздники, дни святыхъ, воскресные дни и особенные случаи; такъ, напр., слово въ похвалу Евфимію и митрополиту Кипріану. Вотъ какой отзывъ о Григоріѣ Самвлакѣ дѣлаетъ митрополитъ Макарій (Ист. Русск. Ц-ви, т. V, стр. 211): „Талантъ Григорія былъ по преимуществу ораторскій; онъ не отличался глубокомысліемъ, но отличался воспріимчивостью, гибкостью и плодовитостью. Стремленіе къ витіеватости, сравненіямъ, противоположеніямъ, метафорамъ, вообще тропамъ и фигурамъ встрѣчается у него на каждомъ шагу; иногда эта витіеватость рѣчи отличается искусственностію, напыщенностью, холодностью, но нерѣдко она согрѣта теплымъ чувствомъ и проникнута одушевленіемъ. Господствующее направленіе въ

проповѣдяхъ Самвлака въ однихъ — догматическое, въ другихъ—историческое, но нравственныхъ наставленій въ нихъ почти не встрѣчается. Слогъ его почти всегда чистый, славянскій, удобопонятный, кромѣ нѣкоторыхъ выраженій и двухъ-трехъ греческихъ словъ".

Слово въ великій четвертокъ.

Въ началѣ этого слова Григорій Самвлакъ высказываетъ свою печаль, которую возбуждаетъ въ немъ воспоминаніе объ окаянномъ Іудѣ. „Печаль объемлетъ мою душу и недоумѣніе останавливаетъ мой голосъ, говоритъ проповѣдникъ, когда я вспоминаю объ окаянномъ Іудѣ. Съ такой высоты и въ такую пропасть онъ повергъ себя". Затѣмъ Григорій Самвлакъ указываетъ общую причину паденія Іуды. „Отпалъ отъ такой сладости учителя и обложилъ себя такою горечью сребролюбія! Оно — то и довело его до горькой смерти отъ удавленія". Желая раскрыть виновность Іуды проповѣдникъ говоритъ, что, повидимому, все отвлекало его отъ паденія. „Владыка и словомъ и дѣломъ отвлекалъ его отъ паденія: дѣломъ, — когда омылъ ему ноги и сподобилъ вечери; словомъ,—когда говорилъ: „единъ отъ васъ предастъ Мя", обличая только его совѣсть и побуждая его къ покаянію. Но Іуда не внялъ... Такова-то жестокая душа: ей трудно придти къ исправленію". Іуду могъ отвлечь и примѣръ покаявшейся жены. „Посмотри, какой примѣръ къ исправленію въ блудной женѣ видѣлъ Іуда. Но онъ не обратилъ вниманія на ея покаяніе, а погибалъ въ то самое время, когда она спасалась... Когда блудница возненавидѣла грѣхи и пришла къ покаянію, когда слезами омочила пречистыя ноги Его и власами своими отерла ихъ, когда получила совершенное прощеніе грѣховъ... А Іуда тогда шелъ соглашаться въ цѣнѣ, помрачивъ духовное око свое сребролюбіемъ". Затѣмъ то самое, что онъ былъ изъ 12-ти Апостоловъ, должно было также, повидимому, не допустить его до паденія. „Единъ отъ обоюнадесяте... сказалъ евангелистъ, чтобы показать на какой высотѣ стоялъ Іуда и въ какую пучину злобы повергъ себя". Показавъ, что все отвлекало Іуду отъ

паденія, проповѣдникъ недоумѣваетъ, почему-же случилось то, что онъ предалъ своего учителя. „Зачѣмъ ты, Іуда, для чего предаешь Учителя? Что тебя подвигло на предательство? Зачѣмъ цѣнишь Безцѣннаго? Или Онъ оставилъ тебя, нарицая другихъ апостолами? Или, бесѣдуя съ ними, отгонялъ тебя? Или, обмывъ ноги имъ, тобою возгнушался?“ Ничто не могло подѣйствовать на Іуду,—„не смотря на то, что онъ не былъ оставленъ Учителемъ“, что Онъ умылъ ему ноги,— Іуда предалъ Учителя. Онъ идетъ и говоритъ“: „что ми хощете дати?“ Въ этихъ словахъ проповѣдникъ видитъ все крайнее неразуміе, нечувствіе Іуды, потому что онъ захотѣлъ получить меньшее того, что оставлено имъ. „Онъ оставляетъ свѣтъ и становится тьмою, принимаетъ вѣчное поношеніе и испытываетъ горькую чашу удавленія“. Видитъ проповѣдникъ крайнее нечувствіе Іуды и въ томъ, что онъ „остался невнимательнымъ къ словамъ Учителя, не вспомнилъ блаженнаго пребыванія съ Нимъ не вспомнилъ Его чудесъ, предсказанія будущаго, таинства вечери“. Выразилось нечувствіе предателя также въ томъ, что онъ безстыдно участвовалъ въ тайной вечери. „Къ чему ты готовясь, безстыдно простираешь ноги для омовенія? Къ тому-ли, чтобы скоро идти на преданіе Господа и увидѣть сребренники въ рукахъ своихъ? О неразуміе предателя!“ Раскрывъ виновность Іуды, проповѣдникъ говоритъ, что подобно ему виновны и достойны осужденія тѣ, „которые приносятъ опрѣсноки въ жертву“,—т.-е. тѣ, которые совершаютъ таинство причащенія на опрѣснокахъ. Желая доказать неправильность такого совершенія таинства причащенія, проповѣдникъ указываетъ на слова апостола объ этомъ таинствѣ, гдѣ сказано: „елижды-бо аще ясте хлѣбъ сей и чашу сію піете,—смерть Господню возвѣщаете, дондеже пріидетъ“. „Апостолъ не сказалъ: опрѣснокъ, хотя бы могъ сказать, если бы хотѣлъ, но сказалъ:— хлѣбъ“. Указывая на слова Апостола, проповѣдникъ далѣе говоритъ, что Господь не могъ совершить таинства на опрѣснокахъ: „какъ Онъ могъ дать опрѣсноки, когда они еще не начинались, а квасный хлѣбъ еще не былъ оставленъ?“ и выраженіе: „пріиде день опрѣсноковъ“ означаетъ только то, что этотъ день только еще наступалъ „подобно тому, какъ

о друзьяхъ и знакомыхъ, слыша, что кто-либо изъ нихъ идетъ къ намъ, мы съ радостію говоримъ къ находящимся съ нами: онъ пришелъ сюда, между тѣмъ, какъ его еще отдѣляетъ большое пространство отъ насъ". Указавъ на неправильность совершенія таинства Евхаристіи на опрѣснокахъ, проповѣдникъ опять переходитъ къ изображеиію виновности Іуды;— говоритъ, что „окаянный остался чуждымъ сего таинства. Онъ принялъ отъ руки Господней хлѣбъ сребролюбивою рукою и по хлѣбѣ вошелъ въ него сатана, какъ сказалъ возлюбленный Іоаннъ".

Въ заключеніе проповѣдникъ вообще осуждаетъ сребролюбіе, которое было причиною паденія Іуды. „Слышите ли вы, говоритъ онъ, презирающіе нищихъ и собирающіе сребро, какъ Владыка, по безмѣрному милосердію, обнищавшій даже до подобія раба, неимѣвшій гдѣ главы приклонити, даетъ милостыню? А ты имѣя дома четырехъ-кровные и трехъ-кровные, не пускаешь нищаго даже на дворъ? Онъ, не имѣя доходовъ, предлагаетъ дневную, убогую пищу не себѣ только, но и такому лику учениковъ, даже и нищимъ еще: а ты, владѣющій селами, стяжаніями и доходами, не вспомнишь объ убогихъ?.. Таковъ лютый мучитель сребролюбія: чѣмъ болѣе поѣдаетъ, тѣмъ болѣе становится ненасытнымъ. Ты скрываешь сребро въ нѣдрахъ земли, воспаляя имъ геенну, угрожающую немилостивымъ, и становясь по страсти ненасытимости безчувственнѣе земли,—недугуя, подобно окаянному Іудѣ". Указавъ на этотъ примѣръ сребролюбія, проповѣдникъ убѣждаетъ быть милосердыми, ибо „Господь искупилъ насъ не сребромъ или златомъ, но Своею кровію".

В). Русская проповѣдь XV и XVI вв.

Общій взглядъ.

Состояніе русской церковной проповѣди въ XV и XVI вв. было далеко неудовлетворительно. Въ продолженіе этого періода, по отзыву преосвященнаго Филарета Черниговскаго, (въ исторіи церкви),—по смерти митрополита Фотія,—мы не видимъ на сѣверѣ ни одного опыта живой проповѣди въ храмѣ.

Мало-по-малу образовалась даже увѣренность, что живая проповѣдь—проповѣдь еретическая. Мнѣніе о такомъ состояніи проповѣди основывается между прочимъ на свидѣтельствѣ иностранцевъ, которые въ это время посѣщали Россію. Напр., Ульфельдъ говоритъ, что „въ Россіи никогда не говорятъ проповѣдей“.—„Москвитяне не позволяютъ говорить проповѣдей въ церквахъ“—отзывается Іовій. „Проповѣдниковъ у русскихъ нѣтъ и они думаютъ тѣмъ избавиться разности въ мнѣніяхъ и расколовъ“—говоритъ Гербенштейнъ. Далѣе — это мнѣніе основывается на отзывѣ русскихъ писателей XV и XVI вв. о дѣятельности Архипастырей того времени. Такъ Іосифъ Волоколамскій дѣлаетъ такой отзывъ о митрополитѣ Геронтіѣ, что „онъ самъ, мудрствуя по-христіански, ни мало не заботится о другихъ“. Съ большимъ сожалѣніемъ Іосифъ воспоминаетъ о прежнихъ русскихъ митрополитахъ, „которые посреди сада церковнаго оглашали слушающихъ православнымъ ученіемъ“. Максимъ Грекъ въ свою очередь оплакиваетъ бѣдственное состояніе русской проповѣди въ то время. „Нынѣ, говоритъ онъ, нѣтъ ни одного, прилежно учащаго народъ, ни одного, наказывающаго безчестіе“. Приведемъ еще отзывъ князя Курбскаго о современномъ ему состояніи русской проповѣди: „Горе намъ, говоритъ онъ, что мы не имѣемъ теперь искусныхъ воловъ при ясляхъ, которые-бы прямо орали сердечныя наши бразды раломъ Евангельскихъ словесъ и раздирали наши сердца, оледенѣвшія отъ нечестивыхъ обычаевъ“. Недостатокъ живой церковной проповѣди объясняется главнымъ образомъ недостаткомъ образованія духовенства. Духовенство того времени состояло изъ лицъ, выбранныхъ изъ простолюдиновъ, неполучившихъ образованія. Понятно, что отъ такихъ пастырей нельзя было ожидать живой проповѣди. Какъ низокъ былъ уровень духовнаго образованія среди пастырей, въ доказательство можно привести разсказъ Геннадія Новгородскаго о испытаніи, которое онъ дѣлалъ священнику. „Приводятъ ко мнѣ мужика въ попы ставить. Я велю ему читать апостолъ, а онъ и ступить не умѣетъ; приказываю дать ему псалтирь, а онъ и въ той едва бредетъ. Откажу ему, а на меня жалобы: „земля, господине, такова, не можемъ добыть, кто-бы умѣлъ

грамотѣ; пожалуй, господине, вели учить“. Приказываю ему учить ектенію, а онъ и къ слову пристать не умѣетъ: ты говоришь ему то, а онъ другое. Приказываю учить ему азбуку, а онъ, поучившись немного, просится прочь“.

Живая церковная проповѣдь замѣнялась обыкновенно чтеніемъ въ церкви прежде всего житій святыхъ. Чтеніе житій святыхъ было самымъ любимымъ чтеніемъ народа и самымъ полезнымъ для него. По свидѣтельству одного писателя, народъ съ особенною охотою собирался въ церковь „еже утѣшатися чтеніемъ и ради похвалы подвиговъ святыхъ“. Чрезъ это чтеніе житій святыхъ поддерживалось въ народѣ религіозное чувство и воспитывалось желаніе жить по-христіански. Кромѣ чтеній житій святыхъ недостатокъ самостоятельной проповѣди восполнялся тогда чтеніемъ Св. Отцовъ Восточной церкви. Это чтеніе отеческихъ твореній также имѣло безъ сомнѣнія для русскаго народа благотворное значеніе. Но, какъ поученія для другого времени и для другой страны, они не могли замѣнить собою самостоятельной русской проповѣди.

Даніилъ, митрополитъ Московскій.

Образцемъ самостоятельной русской проповѣди XVI вѣка могутъ служить поученія митрополита Московскаго Даніила. Митрополитъ Даніилъ былъ ученикомъ Іосифа Волоколамскаго,— и еще при его жизни былъ избранъ игуменомъ этого монастыря. Въ 1522 году онъ былъ избранъ митрополитомъ Московскимъ. Подобно своему учителю, Даніилъ былъ строгимъ ревнителемъ вѣры, преслѣдовалъ всякое вольнодумство и неповиновеніе уставамъ церкви,—что въ его время выразилось въ ереси жидовствующихъ и ученіи Кассіана. Памятникомъ такой дѣятельности Даніила служатъ его слова и поученія. Всѣ сочиненія Даніила дошли до насъ въ двухъ сборникахъ. Первый сборникъ составленъ самимъ Даніиломъ и заключаетъ въ себѣ 16 словъ. Цѣль составленія этого сборника, какъ указывается въ предисловіи, состоитъ въ томъ, чтобы всѣмъ дать духовную пищу,—а съ другой стороны,—чтобы дать нужное для борьбы съ еретиками. Во 2-мъ сборникѣ заключается 12 поученій и „поученіе къ братіи“. Кромѣ того

есть, не вошедшія въ сборники,—два его слова.—Всѣ проповѣди Даніила показываютъ его начитанность и знакомство съ отеческими твореніями. Эта начитанность Даніила и подала поводъ Максиму Греку назвать его „докторомъ закона Христова“. По своему содержанію слова Даніила могутъ быть названы практическими.—Въ нихъ проповѣдникъ вооружается противъ современныхъ недостатковъ русскаго общества:— вольнодумства, неповиновенія церковнымъ уставамъ, развращенной нравственности и пороковъ, вкоренившихся въ высшемъ сословіи. Каждое слово Даніила состоитъ изъ 3-хъ частей: въ 1-й ч. излагается предметъ или тема слова; во 2-й—предметъ раскрывается свидѣтельствами изъ писаній Отцовъ и учителей церкви и церковныхъ правилъ; въ 3-й,—которая называется *наказаніемъ*, предлагается наставленіе и обличеніе современныхъ недостатковъ.

ОТДѢЛЪ II-й.

Русская проповѣдь подъ латино-польскимъ вліяніемъ.

Латино-польское вліяніе на южно-русскую проповѣдь.

Латино-польское вліяніе отразилось прежде всего на южнорусской проповѣди. Извѣстно, что въ XVI в. югозападная Русь подчинилась власти Литовско-польскаго католическаго государства. Чтобы окончательно упрочить свою власть надъ Южной Русью, польское правительство употребляло всѣ мѣры и средства, чтобы совратить Русскихъ въ католичество. Въ этомъ случаѣ дѣятельнымъ помощникомъ ему было католическое, польское духовенство, которое не желало опустить возможности подчинить иновѣрныхъ духовному владычеству папы. Это общее стремленіе обратить Русь въ католичество представляло большую опасность для православной вѣры, но вмѣстѣ съ тѣмъ оно сопровождалось и благопріятными послѣдствіями. Стремленіе поляковъ обратить Русь въ католичество возбудило у лучшихъ русскихъ людей желаніе защищать православную вѣру. Подъ вліяніемъ этого желанія, въ средѣ русскихъ образовались, такъ называемыя, братства, главная цѣль которыхъ состояла въ защищеніи православной

вѣры. Для этой цѣли братствами устроялись училища, такъ какъ лучшіе русскіе люди хорошо понимали, что для того, чтобы съ успѣхомъ защищать православную вѣру, нужно имѣть духовное просвѣщеніе. Желаніе защищать православную вѣру естественно вліяло и на развитіе церковнаго проповѣдничества. Вотъ, какое правило предлагаетъ Іовъ Борецкій въ своемъ сочиненіи „Совѣтъ о благочестіи“: — „необходимо въ наше время, говоритъ онъ, возбуждать и приготовлять къ святому мученичеству какъ самихъ себя, такъ и сердца народа. Необходимо писать и печатать въ защиту благочестія книги. Въ церквахъ въ каждые воскресные и праздничные дни должны быть сказываемы проповѣди“. Это и подобныя наставленія объ усиленіи проповѣди осуществлялись и на дѣлѣ, какъ это можно видѣть изъ множества проповѣдническихъ произведеній дошедшихъ до насъ отъ того времени. Какъ живо было въ то время сознаніе необходимости проповѣди, видно, между прочимъ, изъ того, что въ XVI в. существовала особая должность „проповѣдникъ“, которую отправляли при соборахъ, монастыряхъ и братствахъ духовныя лица, получившія образованіе. Многіе изъ такихъ „проповѣдниковъ“ получили большую извѣстность: и города, и братства стали приглашать ихъ наперерывъ. Такъ о Св. Димитріи Ростовскомъ извѣстно, что онъ отправлялъ должность проповѣдника въ городахъ: Батуринѣ, Новгородъ-Сѣверскѣ, Черниговѣ и Кіевѣ. Видно, что Святый и искусный проповѣдникъ приглашаемъ былъ всюду. Каковъ же былъ тогда внутренній характеръ проповѣди? Какъ древніе русскіе проповѣдники слагали свои проповѣди подъ вліяніемъ греческихъ образцовъ, такъ проповѣдники XVI в. подражали въ своей проповѣди образцамъ латино-польскимъ. Отъ этихъ образцовъ они заимствовали и способъ составленія, и содержаніе, и пріемы изложенія проповѣдей. Причины такого близкаго подражанія объясняются общимъ направленіемъ школьнаго образованія, которое получали русскіе проповѣдники. Извѣстно, что всѣ школы въ то время были устроены по образцу латино-польскихъ: господствующимъ языкомъ былъ латинскій; предметы преподаванія тѣ же, какъ и въ латино-польскихъ школахъ; кругъ литературныхъ произве-

деній, доступныхъ какъ для учителей, такъ и для учениковъ, состоялъ изъ проповѣдей латинскихъ; наконецъ, и сами учителя получали высшее образованіе въ іезуитскихъ коллегіяхъ. Естественно поэтому было ожидать, что вышедшіе изъ такихъ школъ русскіе проповѣдники будутъ подражать образцамъ латино-польскимъ.

Построеніе южно-русской проповѣди. Отъ латино-польской проповѣди южно-русская проповѣдь заимствовала прежде всего способъ построенія по опредѣленному плану. Авторъ первой русской гомилетики (напечат. въ 1659 г.), ректоръ Кіево-могилянской коллегіи, Іоанникій Голятовскій такъ опредѣляетъ составъ проповѣди. Кто хочетъ составить проповѣдь, тотъ долженъ прежде всего положить изъ Св. Писанія тему, которая служитъ фундаментомъ всей проповѣди и сообразно съ которою располагается вся проповѣдь, состоящая изъ 3-хъ частей. Первая называется „exsordium“ — вступленіемъ, въ которомъ проповѣдникъ обозначаетъ слушателямъ предметъ своей проповѣди и проситъ Бога и Пр. Дѣву о помощи, а слушателей приглашаетъ ко вниманію. Другая часть называется „narratio“. Въ этой части проповѣдникъ говоритъ о томъ, о чемъ обѣщалъ говорить въ приступѣ. Эта часть самая большая: въ ней вся проповѣдь замыкается и къ ней стягиваются всѣ остальныя части. Третья часть называется „conclusium“—заключеніемъ. Здѣсь проповѣдникъ припоминаетъ о томъ, о чемъ говорилъ въ „narratio“; убѣждаетъ послѣдовать добру и уклоняться отъ зла.

Раздѣленіе южно-русскихъ проповѣдей по темамъ и построенію.

Всѣ южно-русскія проповѣди по ихъ темамъ и построенію можно раздѣлить на четыре группы. Къ первой группѣ относятся тѣ, которыя представляютъ собою трактаты изъ догматическаго и нравственнаго Богословія. Въ этихъ проповѣдяхъ какъ тема, такъ и ея развитіе берется изъ богословскихъ учебниковъ и по рубрикамъ, принятымъ въ учебникахъ, располагается все содержаніе проповѣди. Напр., въ словѣ на день Богоявленія проповѣдникъ, желая предложить ученіе о таинствахъ, говоритъ: „такъ какъ Господь крестился для

того, чтобы установить таинство крещенія, то я хочу говорить о всѣхъ таинствахъ. Итакъ, я покажу, какая каждаго таинства матерія и форма и какая польза". Этими словами опредѣляется и дальнѣйшій составъ проповѣди. Въ словѣ на день Преображенія проповѣдникъ излагаетъ цѣлый трактатъ изъ догматическаго богословія на такую тему: „я изложу вашей милости различныя пророчества о Христѣ Іисусѣ, изъ которыхъ мы можемъ разумѣть, что Христосъ есть истинный Мессія, имѣвшій придти въ міръ для спасенія человѣка. На основаніи тѣхъ-же пророчествъ мы можемъ дать отпоръ жидамъ, непризнающимъ Христа за Мессію".

Есть много проповѣдей—трактатовъ изъ Нравственнаго Богословія. Такъ, напр., слово на недѣлю крестопоклонную, гдѣ проповѣдникъ говоритъ о троякомъ крестѣ духовномъ: 1) о нищетѣ 2) чистотѣ и 3) послушаніи; слово на недѣлю 22-ю, гдѣ доказываетъ разнообразную пользу милостыни; слово на Вознесеніе, гдѣ говоритъ о 3-хъ степеняхъ, ведущихъ къ небу: о вѣрѣ, надеждѣ и любви.

Ко 2-й группѣ можно отнести тѣ поученія, въ основаніи которыхъ лежатъ „loci topici", т. е. общія положенія. При построеніи такого рода поученій авторъ обыкновенно отрѣшается отъ дѣйствительности и держится общихъ понятій. Иногда же раздробляетъ общее родовое понятіе на части: Такъ Лазарь Барановичъ въ проповѣди на пѣснь: „Рождество Твое, Богородице Дѣво, радость возвести всей вселеннѣй", останавливаетъ вниманіе на словѣ „вселенная" и занимается разъясненіемъ того, какую радость принесло Рождество Богородицы водѣ, огню, воздуху, пророкамъ, апостоламъ, горамъ, птицамъ и все дѣленіе проповѣди основываетъ на перечисленіи предметовъ, обнимаемыхъ понятіемъ вселенной. Іоанникій Голятовскій задается вопросомъ, гдѣ обитаетъ Пр. Дѣва: на землѣ или на небѣ? и говоритъ, что она обитаетъ на землѣ между всѣми сословіями (и перечисляетъ всѣ эти сословія),—а на небѣ между всѣми чинами ангельскими. Иногда же общія понятія и положенія для проповѣди берутся прямо изъ философіи и логики. Такъ, напр., проповѣдникъ, желая сказать слово въ похвалу креста Господня, говоритъ, что „у философовъ есть 4 причины, безъ которыхъ ничего не мо-

жетъ быть на свѣтѣ: дѣйствующая, матеріальная, формальная и финальная, или конечная. Будемъ хвалить и крестъ по 4-мъ причинамъ: Дѣйствительная причина креста — Самъ Христосъ; матеріальная—древо пальмовое, кедровое и кипарисное; формальная--его таинственно-благодатная четырехъконечная форма; конечная или финальная причина креста — отверстіе намъ неба".

Къ 3-й группѣ южно-русскихъ проповѣдей можно отнести тѣ изъ нихъ, въ основаніи которыхъ лежитъ какой-либо хитро-придуманный вопросъ, отвѣтомъ на который служитъ курьезное положеніе. Польскій проповѣдникъ Ѳома Млодзяновскій задавалъ въ своихъ проповѣдяхъ такого рода вопросъ: „почему во время всемірнаго потопа, когда всѣ бѣдныя животныя погибли, однѣ рыбы избѣжали гибели? Это случилось по тому, говоритъ онъ, что рыбы заключаются въ имени Божіемъ, и такъ какъ слово Марія созвучносъ словомъ море". Въ проповѣди о страданіяхъ І. Христа тотъ же проповѣдникъ спрашиваетъ, почему іудеи дважды говорили: „распни, распни Его", а однажды: „да будетъ распятъ"? „Потому, отвѣчаетъ онъ, что латинское слово „crucitige" есть слово означающее дѣятельность глагола дѣйствительнаго, а другое—„crucitigatur— глагола страдательнаго. Дважды стоитъ „распни" потому, что страданія Христа имѣли совершиться въ честь и похвалу двухъ лицъ—Отца и Сына, а также въ похвалу „пассивнаго продукта" (по выраженію проповѣдника), Духа Святаго (да распятъ будетъ)". Проповѣдникъ задаетъ и такого рода вопросъ: „Есть ли на небѣ библіотека"? Польскимъ проповѣдникамъ подражали и южно-русскіе. Такъ Іоанникій Голятовскій всю проповѣдь на Рождество Христово посвящаетъ рѣшенію вопроса: отчего Богъ Сынъ взялъ на себя природу человѣческую, а не ангельскую? Или въ проповѣди на день Крещенія проповѣдникъ разсуждаетъ о томъ, для чего Господь принялъ крещеніе? и между прочимъ говоритъ, что Христосъ крестился для того, „чтобы въ водѣ потопить Фараона адскаго, чтобы сдѣлать здоровыми воды вредоносныя" и проч. Или, напр., Антонъ Радзивиловскій, въ проповѣди на день св. Андрея Первозваннаго, разсуждаетъ на тему: „зачѣмъ Христосъ, призывая къ себѣ Андрея, сперва взглянулъ на него?"

въ проповѣди на день Рождества Христова говоритъ о томъ, „что за секретъ, что ночью, а не днемъ родился Спаситель?“

Къ 4-му разряду можно отнести тѣ проповѣди, построеніе которыхъ основывается на сравненіи. Каждый проповѣдникъ имѣетъ полное право пользоваться примѣрами,—подражая примѣру Христа, который въ притчахъ открывалъ истины. Но между притчами І. Христа и южно-русскими проповѣдями (метафорами ихъ) общаго очень мало. Вся южно-русская проповѣдь иногда и состоитъ лишь въ изъясненіи какой-нибудь метафоры. Трудность для проповѣдниковъ состояла лишь въ томъ, чтобы найти подходящую метафору. Для уничтоженія этой трудности Іоанникій Голятовскій совѣтуетъ обращать проповѣднику вниманіе на толкованіе имени. Если имя, напр., празднуемаго Святаго Василій, то весьма удобно раскрыть, какъ онъ царствовалъ на землѣ надъ страстями,—а по смерти, какъ царствуетъ на небѣ. Если толкованіе имени не давало надлежащаго матеріала для аллегорической проповѣди, то въ основаніе ея полагался какой-либо текстъ, заключающій въ себѣ метафору и приспособленіе его къ предмету проповѣди дѣлалось съ натяжкою. Напр., проповѣдникъ, желая сравнить Св. Антонія съ муравьемъ, полагаетъ въ основаніе текстъ: „иди къ муравію, лѣнивецъ“. (Притч. VI, 6). Но если ни толкованіе имени, ни постановка текста не могли дать матеріала для проповѣди, тогда проповѣдникъ обходился какъ нибудь иначе. Напр., желая сравнить Іоанна Предтечу съ соловьемъ и, не имѣя основанія, проповѣдникъ прибѣгаетъ къ такимъ оборотамъ: „когда зеленый соловей пересталъ утѣшать нашъ слухъ своимъ мелодическимъ пѣніемъ, тогда въ домѣ Св. Захаріи явился новый соловей съ новою божественною мелодіею—Св. Іоаннъ Предтеча“. Все содержаніе такого рода проповѣдей состоитъ изъ нѣсколькихъ пунктовъ сближенія между обоими сравниваемыми предметами. Вотъ, напр., нѣсколько сближеній изъ проповѣди на тему: „Божія Матерь подобна зеркалу“. 1) „Зеркало, говоритъ проповѣдникъ, состоитъ изъ ртути и стекла, такъ и Пресвятая Дѣва являетъ въ себѣ дѣвственность и смиреніе. 2) Зеркало, будучи мало, отражаетъ въ себѣ великія вещи; тоже должно сказать и о Маріи—зерцалѣ Божества. 3) Зеркало служитъ намъ для того, чтобы мы въ

него смотрѣлись; точно также и Св. Дѣва служитъ намъ образцомъ для самопознанія и подражанія". Иногда проповѣдникъ не довольствуется уясненіемъ одной какой-либо метафоры, но старается привести какъ можно болѣе метафоръ. Такъ Іоанникій Голятовскій въ день апостоловъ Петра и Павла,—для апостоловъ избираетъ слѣдующія сравненія: солнце и мѣсяцъ; двѣ скрижали Моvсеевы; два златыхъ херувима, бывшіе въ Скиніи и два сосца, упоминаемые въ книгѣ „Пѣснь Пѣсней".

Источники, которыми пользовались южно-русскіе проповѣдники.

Проповѣди южно-русскихъ проповѣдниковъ по объему были очень обширны. Обыкновенный ихъ размѣръ 15—20 страницъ. Такая обширность ихъ зависѣла отъ обилія источниковъ, которыми пользовались южно-русскіе проповѣдники. Какіе же эти источники? Авторъ гомилетики Іоанникій Голятовскій говоритъ, что матеріалъ для проповѣди прежде всего нужно брать изъ библіи, жизнеописаній Святыхъ Отцевъ и учителей церкви. „Кромѣ того, проповѣднику нужно читать книги о царствахъ и странахъ, о звѣряхъ, птицахъ, деревьяхъ, камняхъ". Обильнымъ матеріаломъ для южно-русскихъ проповѣдниковъ служили также легендарныя апокрифическія сказанія, которыя въ сѣверной Руси слыли подъ названіемъ отреченныхъ книгъ и употребленіе коихъ здѣсь преслѣдовалось. Но южно-русскіе проповѣдники, нисколько не стѣсняясь, пользовались такими разсказами безъ всякой критической повѣрки, и особенно любили такіе разсказы за ихъ фантастичность и занимательность. Такъ авторъ „огородка", разсказывая о бѣгствѣ І. Христа въ Египетъ, говоритъ, что предъ Божественнымъ младенцемъ преклонялись древа до земли, что львы и змѣи воздавали ему поклоны, что птицы пѣли предъ Нимъ человѣческимъ голосомъ. Или, желая показать, что имя Пр. Дѣвы Маріи извѣстно было задолго до Рождества Христова, проповѣдникъ разсказываетъ, что въ долинѣ Іосафатовой во время раскопокъ, былъ найденъ трупъ, при главѣ котораго лежала дощечка съ надписью: „Я

сынъ Адама Сиѳъ, вѣрую въ І. Христа и въ Марію, Матерь Его". Авторъ „ключа къ разумѣнію" приводитъ легендарное сказаніе о числѣ ранъ І. Христа и говоритъ, что ихъ было нанесено 5475. Кромѣ такого рода апокрифическихъ сказаній матеріаломъ для южно-русскихъ проповѣдей служили еще средневѣковыя сказанія о чудесахъ. Ѳеоѳанъ Прокоповичъ раздѣляетъ такія сказанія на 4 разряда: Къ первому разряду относятся сказанія, носящія печать женственности, таковы видѣнія и откровенія женщинъ, нѣжные и сентиментальные разсказы, напр., разсказъ о томъ, какъ Ангелъ будилъ какую-то дѣвицу на молитву, тихо щипля ее за ушко. Ко 2-му разряду: разсказы трагическіе, въ которыхъ разсказывается о какихъ-либо вымыслахъ ужасныхъ, какъ, напр., объ ужасахъ ада и чистилища. Къ 3-му разряду: какія-либо изумительныя сказанія, но не подтвержденныя никакими свидѣтельствами,—таковъ, напр., разсказъ о томъ, что когда Блаженный Іеронимъ скончался, то всѣ колокола, сколько ихъ ни было въ мірѣ, зазвучали сами собой. Наконецъ, къ 4-му разряду Ѳеоѳанъ Прокоповичъ относитъ тѣ сказанія, которыя обличаютъ только суевѣріе, но чудесъ, о которыхъ разсказывается въ этихъ сказаніяхъ, никакъ нельзя производить отъ Бога; такъ, напр., говоритъ Прокоповичъ, можно-ли отъ Бога производить то чудо, что когда убитъ былъ Іосафатъ Кутневичъ, то младенецъ воскликнулъ: „убитъ Богъ". Далѣе, южно-русскіе проповѣдники, любили наполнять свои произведенія различнаго рода анекдотами и всего чаще у нихъ встрѣчаются анекдоты изъ древняго міра. Таковъ, напр., анекдотъ о философѣ Діогенѣ: „Остроумный философъ Діогенъ, находясь въ маленькомъ городкѣ Миндѣ, въ которомъ были большія ворота, вышелъ на площадь и закричалъ: „Миндійскіе граждане, запирайте ворота, чтобы вашъ городъ не ушелъ" („Огородокъ"). Заботясь болѣе всего о занимательности въ своихъ проповѣдяхъ, проповѣдники разсказывали въ нихъ иногда о случаяхъ совсѣмъ невозможныхъ: Такъ одинъ проповѣдникъ говорилъ, что оселъ, когда хозяинъ ударилъ его, закричалъ: „зачѣмъ ты бьешь меня, развѣ не знаешь меня, что я аѳинянинъ" („Огородокъ").

Обильнымъ матеріаломъ для южно-русскихъ проповѣдниковъ служили также данныя изъ естественной исторіи. Средневѣковая естественная исторія наполнена была множествомъ фантастическихъ сказаній и южно-русскіе проповѣдники пользовались этими разсказами безъ всякаго критическаго отношенія къ нимъ. Такъ, напр., авторъ „огородка" говоритъ, что въ Британіи при берегахъ одной рѣки растутъ такія деревья, листья коихъ, опускаясь въ воду, немедленно превращаются въ птицъ и улетаютъ въ невѣдомыя страны. Этими свѣдѣніями изъ естественной исторіи южно-русскіе проповѣдники пользовались нерѣдко для того, чтобы проводить сравненія звѣрей съ нравственными свойствами людей. Такъ Лазарь Барановичъ всю проповѣдь на день Богоявленія посвящаетъ сравненію грѣховъ съ различными звѣрями: гордость уподобляетъ льву, гнѣвъ—волку, зависть—собакѣ, лѣность—ослу, Толкованіе мѣстъ Св. Писанія у южно-русскихъ проповѣдниковъ было произвольнымъ: библейскимъ словамъ и выраженіямъ они придавали тотъ смыслъ, какой вздумается. Иногда одно какое-либо слово библейское толковалось ими различно. Напр., подъ словомъ „море" они заставляли разумѣть и Пр. Дѣву и „этотъ непостоянный свѣтъ (міръ)". Подъ словомъ „вѣтеръ"—и вѣяніе Св. Духа и движеніе страстей человѣческихъ. Даже и тѣ тексты, которые заключаютъ въ себѣ нравоученіе или прямо опредѣленно-выраженную мысль, они старались изъяснять въ смыслѣ переносномъ, аллегорическомъ.

Особенные пріемы изложенія южно-русскихъ проповѣдей.

Южно-русскіе проповѣдники, заботясь болѣе о томъ, чтобы проповѣдь была пріятна и занимательна, употребляли для этого въ изложеніи особые пріемы. Вотъ какіе пріемы рекомендуетъ Іоанникій Голятовскій: „Можешь пріохотить къ слушанію проповѣди, когда обѣщаешь показать какую-либо новость, что либо невиданное и неслыханное или какое-нибудь необычайное чудо. Читай, напр., мою проповѣдь на Покровъ, гдѣ я обѣщалъ показать диво, что Пр. Дѣва свѣсила огонь, измѣрила вѣтеръ. Можно пріохотить

къ проповѣди какимъ либо неизвѣстнымъ толкованіемъ имени; напр., если будешь говорить, что Богъ называется такъ или отъ богатства милосердія, или по богатству мудрости.

Далѣе,—для привлеченія слушателей къ проповѣди, Голятовскій рекомендуетъ обозначать заранѣе пропозицію, т.-е. тему проповѣди. Напр., „оканчивая проповѣдь на Вербную недѣлю",—совѣтуетъ онъ проповѣднику,—„скажи такъ": „православные христіане, прошу и увѣщеваю васъ, чтобы вы были благочестивы, въ церковь ходили, Богу молились, потому что на слѣдующей недѣлѣ будетъ страшный судъ. Сказавши это, сойди съ каѳедры; а когда придутъ страсти Христовы, то скажи: въ прошлый разъ я обѣщалъ показать вамъ страшный судъ; а вотъ теперь и есть страшный судъ, потому что Понтійскій Пилатъ и жиды судятъ Христа Спасителя; страшный судъ потому, что твореніе судитъ Создателя, человѣкъ судитъ Бога". Еще пріемъ, рекомендуемый Голятовскимъ для того, чтобы привлечь къ проповѣди, состоитъ въ примѣненіи предмета проповѣди къ случайнымъ обстоятельствамъ мѣста, времени и проч. Такъ въ проповѣди надгробной Голятовскій совѣтуетъ обращать вниманіе на гербъ умершаго. „Если на гербѣ умершаго изображены ворота, то говори о двухъ евангельскихъ вратахъ, ведущихъ къ небу:—широкихъ и узкихъ, что покойный шелъ узкими вратами, потому что любилъ добрыя дѣла. Далѣе, говоритъ Голятовскій, — обращай вниманіе на фамилію умершаго. Если фамилія Любомирскій, то можно сказать, что усопшій такъ названъ потому, что любилъ миръ. Обращай вниманіе и на имя. Если, напр., зовутъ Дороѳеемъ, то доказывай въ проповѣди, что умершій былъ даръ Божій и для церкви и для отчизны".

При употребленіи такого рода пріемовъ проповѣдники могли доказывать, что угодно, — хвалить и бранить человѣка за вещи безразличныя — имя, фамилію и т. п., не заботясь о томъ, что они этимъ могли оскорблять чувство правды.

Кромѣ этихъ пріемовъ южно-русскіе проповѣдники употребляли діалогъ, какъ пріемъ, способствующій большему впечатлѣнію проповѣди на слушателей. Этотъ пріемъ часто употреблялся польскими проповѣдниками, отъ которыхъ южно-русскими про-

повѣдниками и былъ заимствованъ. Напр., о Ѳомѣ Млодзяновскомъ Прокоповичъ говоритъ, что всѣ проповѣди онъ составлялъ изъ однихъ курьезныхъ разговоровъ. Напр.—„Давидъ святый! что ты дѣлаешь? Любишь-ли Бога?“—„Люблю“.—„Полно, любишь-ли?“.—„Люблю“. „Самарянка куда ты идешь, вѣроятно повидаться съ друзьями?!..“—„Нѣтъ, за водою“.—„Полно за водою ли?“—„За водою“! и т. д. А вотъ образецъ діалога въ южно-русской проповѣди изъ „огородка“. „Спросите бѣдныхъ и сиротъ, говоритъ его авторъ, чѣмъ служитъ для нихъ Пр. Дѣва? Скажутъ: „она мать и защита наша;“—заблуждающіеся: „она намъ вождь;“—старые: „она свѣтлость и подпора наша“. Изъ подобныхъ вопросовъ и отвѣтовъ иногда состояла вся южно-русская проповѣдь. Далѣе, извѣстно, что ради популярности польскіе проповѣдники нерѣдко передѣлывали истины Св. Писанія на современные польскіе нравы. Такъ, напр., у нихъ І. Христосъ является королемъ польскаго народа, апостолы сенаторами, Израильтяне—шляхтою и т. д. Ради той же популярности и занимательности польскіе проповѣдники любили примѣшивать къ проповѣди поговорки и пословицы. Тоже дѣлали и южно-русскіе проповѣдники. Такъ въ проповѣди на тему: „Богоматерь для насъ градъ твердый“—приведены слѣдующія пословицы: „смѣлѣе женщина за стѣнами, чѣмъ рыцарь въ полѣ. Если мѣста, огражденныя стѣнами, придаютъ такую смѣлость, то не болѣе-ли смѣлы тѣ, которые укрываются подъ покровомъ Богоматери“. Шутливость тоже составляетъ особенность южно-русскй проповѣди: въ ней разсказываются иногда шутливые анекдоты или какія-либо басни. Напр., авторъ „огородка“ разсказываетъ басню „о кокошѣ и ястребѣ“. Кокошь служитъ здѣсь—символомъ бѣдныхъ людей, а ястребъ—гордыхъ и знатныхъ.

Такія и подобныя проповѣди южно-русскихъ проповѣдниковъ,—намъ, отдаленнымъ отъ нихъ значительнымъ пространствомъ времени, представляются странными и иногда курьёзными. Но вкусамъ и погребностямъ своего времени онѣ соотвѣтствовали и нужно думать оставались не безъ должнаго вниманія на современниковъ. Указанные пріемы, которыми южно-русскіе проповѣдники пользовались по подражанію латино-польскимъ образцамъ,—имѣли въ основѣ своей же-

ланіе придать проповѣдямъ интересность и занимательность и чрезъ то пріохотить къ ихъ слушанію. Этого стремленія нельзя неодобрить, такъ какъ проповѣдь интересная и занимательная, принаровленная къ запросамъ и потребностямъ слушателей,—съ наибольшей охотой слушается и съ бо́льшей пользою воспринимаемая. Но въ стремленіи къ этой благой цѣли южно-русскіе проповѣдники не соображались съ священнымъ достоинствомъ проповѣди церковной, и посему доходили до всевозможныхъ крайностей и даже курьезовъ.

Кириллъ Транквилліонъ.

Однимъ изъ видныхъ представителей южно-русской проповѣди можетъ быть названъ Кириллъ Транквилліонъ. Отъ него дошелъ до насъ первый сборникъ южно-русскихъ проповѣдей собственно на русскомъ языкѣ. О жизни Транквилліона сохранилось мало свѣдѣній. Образованіе онъ получилъ въ львовскомъ братскомъ училищѣ и, по окончаніи курса былъ оставленъ тамъ-же учителемъ греческаго и славянскаго языковъ. Вскорѣ онъ заявилъ себя краснорѣчивымъ проповѣдникомъ. Во время посѣщенія львовскаго братскаго училища патріархомъ Кіевскимъ Іереміею въ 1589 году, Транквилліону братіей было поручено произнести рѣчь предъ патріархомъ. Ораторскій талантъ, обнаружившійся въ этой рѣчи, доставилъ Кириллу славу и должность проповѣдника при Львовскомъ братствѣ. Кіевскій митрополитъ Михаилъ Рогоза, бывшій вмѣстѣ съ патріархомъ въ Львовѣ и имѣвшій случай узнать ораторскую способность Кирилла, далъ ему грамоту на право проповѣдничества. Но недолго жители Львова слушали проповѣди Кирилла. Преслѣдованія, которымъ Кириллъ подвергался со стороны Львовскаго епископа, заставили Львовское братство отослать Кирилла въ Вильно. Здѣсь онъ скоро занялъ должность проповѣдника при Виленскомъ братскомъ монастырѣ и сначала показалъ себя ревностнымъ борцомъ за русскую народность и православіе, но скоро ослабѣлъ въ этой борьбѣ и упалъ духомъ. Готовность послужить православію снова пробудилась въ немъ, когда онъ поступилъ въ монашество. Сначала онъ трудился

надъ разработкою православно-богословской науки и плодомъ его богословскихъ трудовъ было сочиненіе подъ названіемъ „зерцало богословія“, — первый опытъ догматическаго богословія на русскомъ языкѣ. Трудясь для науки и содѣйствуя русскому народу въ просвѣщеніи, Транквилліонъ вмѣстѣ съ тѣмъ занимался проповѣданіемъ Слова Божія. Люди, преданные интересамъ православія, понимали все благотворное вліяніе его проповѣдей и старались содѣйствовать ихъ распространенію. По просьбѣ людей, сочувствующихъ ему, Кириллъ свои проповѣди, произнесенныя въ разное время, отпечаталъ и сборникъ своихъ проповѣдей назвалъ „учительное Евангеліе“. Такъ названъ этотъ сборникъ потому, что каждое его поученіе содержитъ въ себѣ разъясненіе Евангельскаго чтенія. Послѣ предисловія къ „учительному Евангелію“, въ которомъ онъ указываетъ, какъ пользоваться книгою, слѣдуютъ поученія на всѣ воскресные дни, начиная съ недѣли мытаря и фарисея. Всѣ эти поученія составляютъ содержаніе первой части „учительнаго Евангелія“. Во второй части помѣщаются поученія на дни праздничные, на дни памяти святыхъ и различные случаи.

При построеніи поученій Кириллъ пользовался риторическими правилами. Въ началѣ каждаго его поученія находится краткое вступленіе, которое содержитъ въ себѣ какую-либо общую мысль. За вступленіемъ слѣдуетъ евангельское чтеніе и изслѣдованіе, которое распадается на 2 части. Въ 1-й части содержится развитіе общей мысли, а во второй дѣлается выводъ изъ нея. Кромѣ изслѣдованія, находится въ нѣкоторыхъ поученіяхъ заключеніе, представляющее выводъ изъ всего поученія. Въ содержаніи поученій Кирилла видное мѣсто занимаетъ раскрытіе христіанскаго вѣроученія. Но какъ человѣкъ живой, Кириллъ, не могъ оставаться и не оставался безучастнымъ къ жизни южно-русскаго общества и даже догматическія истины раскрывалъ не безъ отношенія къ современнымъ потребностямъ времени, но въ связи съ полемикой противъ католиковъ и протестантовъ: онъ преимущественно обращалъ вниманіе на тѣ догматы, въ которыхъ ученіе католиковъ и протестантовъ отличается отъ православнаго,—каковые напр. объ исхожденіи

Св. Духа, о Св. Троицѣ, о таинствахъ, объ Евхаристіи, о церкви, о почитаніи св. мощей и проч. Современное значеніе изъ его проповѣдей имѣютъ преимущественно тѣ въ которыхъ содержится обличеніе современныхъ нравовъ. Въ своихъ проповѣдяхъ Кириллъ касается недостатковъ современныхъ священниковъ и обличаетъ ихъ за то, что они трудятся не для прославленія Бога, а „для золота и чрева"; далѣе—обличаетъ дворянъ за ихъ роскошь и притѣсненіе простого народа; наконецъ, обличаетъ недостатки простого народа: пьянство и сквернословіе.

Поученіе Кирилла Транквилліона на великій пятокъ.

„Кая тварь нынѣ съ мною не рыдаетъ и кое око нуждею слезъ не проливаетъ, зряще дивная";—такъ начинаетъ свое слово проповѣдникъ. „Ибо Сый, Иже землю повѣсивый ни на чемъ, благоволилъ Самъ повѣсить Себя на крестѣ и въ темномъ гробѣ положитися"; далѣе, приводится Евангеліе на великій пятокъ. За этимъ вступленіемъ слѣдуетъ 1-я часть проповѣди, въ которой дѣлается болѣе подробное раскрытіе приведеннаго въ проповѣди Евангельскаго чтенія. Здѣсь прежде всего проповѣдникъ указываетъ на необычную перемѣну, происшедшую съ Іосифомъ и Никодимомъ, которые до времени страданій Господа „срамляху показати себѣ явѣ учениками Христовыми", а теперь, когда Господь въ безчестіи, отлагаютъ страхъ и готовы Ему служить. Эту перемѣну проповѣдникъ приписываетъ дивному дѣйствію Божію, Который вся дѣйствуетъ по хотѣнію Своему и „отъ несущихъ творитъ и отъ страшимыхъ ученикъ необъятное сердце". Замѣчательны въ этой части проповѣди „просьба Іосифа у Пилата тѣла Спасителя и плачъ Пр. Дѣвы". Іосифа проповѣдникъ представляетъ говорящимъ Пилату рѣчь: „О Пилате Понтійскій! молютися, дай ми тѣло Іисуса, праведное, отъ іудей оболганное и, зависти ради несправедливымъ судомъ, осужденное на смерть, и на крестъ повѣшенное среди злодѣевъ и безъ милости израненное гвоздьми и острымъ копіемъ въ ребра прободенное. И егда сія рекъ, тогда ему потоцы слезные обильно на ланиты проліяшася

и едва мало утѣшься, паче рече: о старѣйшино римской власти! дай ми тѣло славнаго Учителя моего; дай ми тѣло смиреннаго Іисуса Назорея! О Пилате! дай ми тѣло праведника сего, царя Израилева“! Пресвятая Дѣва, по изображенію проповѣдника, плача неудержимо, отъ рыданія едва жива, обративъ взоръ къ Сыну, съ изумленіемъ начала глаголати: „О, сыне мой возлюбленный и Боже мой чудный! нынѣ душу мою смутную и сердце плачевное постиже болѣзнь отъ вѣка нѣсть слышанная. Вонми небо! внуши земле“! Далѣе Пр. Дѣва призываетъ рыдать всѣхъ матерей, дѣвъ, юношей, старцевъ, вдовъ и сиротъ и, наконецъ, всѣ небесныя чиноначалія. Обращаясь къ Сыну, „опять она рыдательныя словеса глаголаша ему“: „О сыне мой возлюбленный! Оставилъ мене зѣло печальну матерь осиротѣвшую: и тако съ плачевными словесы вся уды Его любезно цѣлова и слезами омочая,—и всѣмъ предстоящимъ разгорѣся сердце къ рыданію,—да плачутъ сладкаго Учителя своего“.

Во 2-й части проповѣдникъ предлагаетъ нравоученіе о томъ, какъ должно намъ принимать Христа. „Іосифъ съ Никодимомъ, снявъ съ креста, приняли мертвеца, а мы нынѣ пріемлемъ отъ алтаря во истину живаго Христа; принявъ, должны облечь чистою плащаницею, т. е. простою вѣрою и чистою совѣстію, помазать муромъ—истиннымъ покаяніемъ, вмѣсто гроба—уготовать сердце новое“. Далѣе проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на любовь Божію, которая проявилась на крестѣ и сравниваетъ ее съ любовію птицы пеликана къ своимъ птенцамъ. „Когда пеликанъ, пришедши зритъ птенцы своя уморены отъ змія, начинаетъ терзать перси свои и кровь источаетъ надъ птенцами и тою оживляетъ ихъ. Сице сотворилъ Христосъ—Пеликанъ небесный о тебѣ, многогрѣшный человѣче“. За любовь Христа проповѣдникъ призываетъ воздать Ему—такою любовію, чтобы отъ нея не могли разлучить ни богатство, ни слава, ни страхъ, ни мученія. Въ заключеніе проповѣдникъ убѣждаетъ бѣжать отъ грѣха, „какъ ядовитаго змія“.

Изъ этой проповѣди видно, что Кириллъ пользовался схоластическими пріемами, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ послѣдующіе проповѣдники. Въ содержаніе проповѣди онъ

вводитъ діалогъ (рѣчь Іосифа къ Пилату и плачъ Пр. Дѣвы), пользуется данными изъ естественной исторіи: Такъ онъ сравниваетъ любовь Христа съ любовію птицы Пеликана. Затѣмъ, въ изложеніи онъ отличается фигуральностію и старается сдѣлать свою проповѣдь занимательною.

Іоанникій Голятовскій.

Іоанникій Голятовскій получилъ образованіе въ Кіево-могилянской коллегіи, гдѣ остался сначала учителемъ, а потомъ былъ здѣсь ректоромъ. Своими проповѣдями въ праздничные дни, произносимыми въ церкви коллегіи по очереди съ другими наставниками, онъ обратилъ на себя общее вниманіе. Поощренный общимъ сочувствіемъ, онъ рѣшился въ 1659 году издать сборникъ своихъ поученій подъ названіемъ „ключъ разумѣнія". Такое названіе Голятовскій далъ своему сборнику по тому, (какъ онъ самъ объясняетъ въ предисловіи), что эта книга отмыкаетъ священникамъ дверь для проповѣди,—„развѣ, прибавляетъ онъ, кто самъ не захочетъ и будетъ лѣнивъ, что не напишетъ проповѣди", имѣя легкій способъ составить ее. „Ключъ разумѣнія" состоитъ изъ двухъ частей. Въ 1-й части заключаются поученія на праздники Господскіе и Богородичные, во 2-й на праздники Святыхъ, и слова надгробныя. Къ той и другой части Голятовскій присоединяетъ правила о составленіи проповѣди или, какъ онъ называетъ эти правила: „науку, альбо способъ составленія проповѣдей"; прибавленіемъ къ этой послѣдней части служитъ „наука, альбо способъ сложенія надгробныхъ словъ". Въ прибавленіи къ 1-й части Голятовскій говоритъ о томъ, изъ какихъ частей должна состоять проповѣдь и какъ нужно составлять каждую отдѣльную часть. При этомъ онъ раздѣльно разсматриваетъ каждую изъ частей exordium, propositio, narratio и conclusium. Всѣ эти части должны быть строго согласны съ темою. Далѣе Голятовскій говоритъ объ источникахъ проповѣди, указываетъ способъ избранія темъ для проповѣди, предлагаетъ пріемы, какъ сдѣлать проповѣди занимательными.

Излагая эти правила Голятовскій для примѣра указываетъ на свои проповѣди и дѣйствительно его проповѣди подходятъ къ этимъ правиламъ: всѣ онѣ построены по строго схоластическому плану. Проповѣдникъ постоянно обращается къ исторіи и наукамъ естественнымъ и между предметами, взятыми отсюда и предметами духовными проводитъ сопоставленія и сближенія, часто довольно произвольныя, отдаленныя и неестественныя, стараясь привлечь вниманіе слушателей, употребляетъ замысловатыя, остроумныя и хитрыя заключенія. Ко второй части Голятовскій присоединяетъ наставленіе о томъ, какъ должно пользоваться его проповѣдями для составленія новыхъ проповѣдей. Изъ слова на день Георгія, говоритъ онъ, ты можешь составить слово на день другаго Святаго, перемѣнивъ это имя. Изъ словъ на Господскіе и Богородичные праздники можешь составить слово на день Святыхъ, приспособляя къ святымъ тѣ свойства, которыя я приписалъ І. Христу и Пр. Дѣвѣ. Здѣсь онъ предлагаетъ также наставленія, какъ изъ цѣлаго слова составить часть и какъ изъ одной части—цѣлое слово.

Слово во 2-ю недѣлю по сошествіи Св. Духа.

Оно надписывается текстомъ: „грядита по Мнѣ и сотворю вы ловца человѣкомъ“ (Матѳ. 4, 19). Сказавъ, что одно и тоже призваніе апостоловъ описываетъ Матѳей и Лука, проповѣдникъ указываетъ тему проповѣди:—„я покажу, говоритъ онъ въ своей проповѣди море и сѣти, въ которомъ морѣ и которыми сѣтями люди уловляются“ и проситъ Бога о помощи, а слушателей о вниманіи. Затѣмъ въ изложеніи онъ показываетъ, что нужно разумѣть подъ моремъ: „Море есть міръ, такъ говоритъ Псалмопѣвецъ, сіе море великое и пространное“. Потомъ въ частности показываетъ что означаетъ мѣдное море, стеклянное и красное. „Мѣдное море находилось при храмѣ Соломоновомъ и поддерживалось 12-ю мѣдными волами, которые означали 12 апостоловъ, потому что апостолы, какъ волы трудились надъ проповѣдью. Мѣдное море означаетъ покаяніе, которому научали апостолы. Но мѣднымъ моремъ называется и міръ, ибо какъ мѣдь

тверда, такъ и въ мірѣ люди затвердѣвшіе во грѣхахъ не хотятъ каяться. Стекляннымъ моремъ, которое видѣлъ Іоаннъ Богословъ, также называется міръ, ибо, какъ глиняные и стеклянные сосуды не прочны, такъ сокрушаются и измѣняются въ мірѣ государства, княжества, царства, королевства и всѣ люди. Міръ, наконецъ, сей—красное море, ибо въ мірѣ есть войны, убійства; міръ—мертвое море, ибо въ мірѣ много грѣшныхъ людей, души коихъ мертвы". Во 2-й части проповѣдникъ объясняетъ, что называется „сѣтями". „Сѣтью, говоритъ онъ, называется, прежде всего, слово Божіе, которымъ уловляются въ мірѣ люди. Сѣтью, потомъ, называются богатства: тѣ люди, которые любятъ золото и серебро, въ адъ будутъ привлечены". Приводитъ въ примѣръ Нерона, который „ловилъ золотою сѣтью рыбъ" и говоритъ, что и богатство—золотая и серебряная сѣть. Сѣтью, затѣмъ, называются грѣхи и, наконецъ, адскія муки—сѣти огненныя. Этихъ послѣднихъ сѣтей убѣждаетъ беречься людямъ: 1) гнѣвливымъ, 2) хищнымъ, жестокимъ,—которыхъ онъ называетъ „китами морскими",—и любящимъ музыку,—которыхъ онъ называетъ „дельфинами",—начальникамъ, которыхъ онъ называетъ „рыбами съ рогами"—(символъ власти). Въ заключеніе проповѣдникъ призываетъ слушателей молить св. апостоловъ Петра, Андрея, Іакова и Іоанна объ избавленіи отъ этихъ сѣтей.

Антоній Радзивиловскій.

Отъ Антонія Радзивиловскаго, игумена Кіево-Николаевскаго монастыря осталось два сборника: „Огородъ Пр. Богородицы" въ которомъ содержатся поученія на праздники Богородичные и дни святыхъ и „вѣнецъ Христовъ", содержащій въ себѣ поученія на воскресные дни. Въ предисловіи „огорода" Радзивиловскій посвящаетъ свой трудъ Пр. Богородицѣ, потому что „одною утѣхою моею, говоритъ онъ, было проповѣдывать и восхвалять Тебя". Затѣмъ даетъ замысловатое объясненіе названія этого сборника. „Какъ Навуходоносоръ устроилъ висячіе сады на столбахъ, такъ и Ты, Дѣва Марія, стоишь на дарахъ Св. Духа, какъ на столбахъ". „Вѣнецъ Христовъ" Радзивиловскій посвящаетъ „вѣнцу доб-

роты—Господу Спасителю и этотъ сборникъ составилъ для того, чтобы словомъ словесъ вѣнчать Христа—Царя славы". Темы для своихъ проповѣдей Радзивиловскій бралъ изъ Св. Писанія, но матеріалъ для развитія главныхъ мыслей онъ нисколько не стѣснялся брать изъ хроникъ, сочиненія Овидія и Эзоповыхъ басенъ. Свѣдѣнія изъ этихъ источниковъ служили для него доказательствами и примѣрами, при чемъ онъ не ограничивался указаніемъ сходства между предметами въ существенныхъ чертахъ, но старался проводить это сходство между всѣми свойствами, иногда совершенно разнообразныхъ предметовъ.

Проповѣдь Антонія Радзивиловскаго въ день Воскресенія Господа І. Христа.

Темою этого слова онъ взялъ текстъ: „побѣдилъ есть левъ, иже сый отъ колѣна Іудова". Въ приступѣ онъ указываетъ на мѣста Св. Писанія, въ которыхъ Сынъ Божій уподобляется тельцу, человѣку, орлу, льву. Главная часть слова состоитъ въ аналогіи между львомъ и Сыномъ Божіимъ. Сходство это онъ находитъ въ такихъ особенностяхъ льва: 1) левъ не вредитъ человѣку безъ нужды; 2) львенокъ по рожденіи три дня спитъ; 3) левъ не скрывается отъ враговъ; 4) левъ, наконецъ, не любитъ гордыхъ, а покорныхъ жалуетъ. Для доказательства той мысли, что гордыхъ ожидаетъ наказаніе, а смиренныхъ — награда, проповѣдникъ приводитъ басню о львѣ, лисицѣ иослѣ. Оселъ при первой добычѣ хочетъ взять себѣ равную часть со львомъ и бываетъ за это терзаемъ. А хитрая лисица, уступая все льву, получаетъ большую часть, чѣмъ слѣдовало-бы. Гордость здѣсь представляется въ ослѣ, а смиреніе въ лисицѣ. Далѣе проповѣдникъ говоритъ о томъ, какая радость произошла отъ побѣды Христа. Въ заключеніе убѣждаетъ всѣхъ веселиться духовно со Христомъ.

Лазарь Барановичъ.

Отъ Лазаря Барановича, архіепископа Черниговскаго, дошли до насъ два сборника поученій: „Мечъ духовный", въ которомъ содержатся поученія на недѣли и „трубы словесъ проповѣд-

ныхъ"—на разные праздники. „Мечомъ духовныма" названъ одинъ сборникъ потому, что „въ немъ подается глаголъ Божій на помощь церкви воюющей". „Трубы словесъ" изданы для возбужденія жара при духовной брани. Характеръ проповѣдей Барановича отличается отъ характера проповѣдей Голятовскаго и Радзивиловскаго тѣмъ, что въ его проповѣдяхъ нѣтъ сказаній изъ исторіи и миѳологіи и самъ проповѣдникъ говоритъ, что, „проповѣдуя объ истинѣ, онъ старался писать только истину". Но въ другихъ отношеніяхъ Барановичъ не отступаетъ отъ современныхъ ему проповѣдниковъ. Въ его проповѣдяхъ видно также искусственное сближеніе предметовъ, отыскиваніе ихъ символическаго смысла, напр., въ словѣ „на день Воздвиженія" онъ приравниваетъ древо креста къ „порфиріанскому древу" (такъ называлось сочиненіе Неоплатоника Порфирія въ III в.) и древо крестное онъ разсматриваетъ по категоріямъ Аристотеля, помѣщеннымъ въ сочиненіи Порфирія. Въ Св. Писаніи Барановичъ любилъ отыскивать аллегорическій смыслъ и прибѣгалъ для объясненія Евангельскихъ чтеній къ слишкомъ далекимъ сближеніямъ, напр., въ словѣ „о разслабленномъ" Барановичъ овчую купель представляетъ образомъ купели крестной, исполненной крови агнца-Христа; 5 притворовъ овчей купели соотвѣтствуютъ у него 5 ранамъ Спасителя. По изложенію проповѣди Барановича отличаются витіеватостію; особенно замысловаты его приступы. Такъ, напр., въ приступѣ къ слову въ недѣлю „о Самарянкѣ" проповѣдникъ молитъ Христа, чтобы Онъ „исполнилъ благодатію Своею почерпало устъ его",—или въ словѣ на день Св. Николая Чудотворца говоритъ: „упроси о мирѣ Мvрликійскій Чудотворецъ, потому что самое имя твое проситъ мира".

Переходъ схоластическаго образованія и проповѣдничества съ юго-запада на сѣверо-востокъ Руси въ XVII вѣкѣ.

Съ половины XVII в. южно-русское проповѣдничество начало оказывать значительное вліяніе на сѣверно-русское проповѣдничество. Въ это время въ сѣверной Руси начало возникать стремленіе къ просвѣщенію. А такъ-какъ рус-

скіе люди не хотѣли заимствовать его отъ иностранцевъ, потому-что считали это опаснымъ для вѣры, то и рѣшились заимствовать это отъ южно-русскихъ людей одной вѣры. Въ Москву стали вызывать съ юга ученыхъ людей и стали выписывать разныя книги. Въ числѣ книгъ принесено было съ юга на сѣверъ и учительное „Евангеліе“ Транквиліона. Самостоятельныхъ проповѣдей на сѣверѣ Россіи давно уже не было: такія проповѣди, по воззрѣнію тогдашнихъ людей, вели къ ереси; вмѣсто такихъ проповѣдей читались въ церкви отеческія творенія. Но съ переходомъ юго-западныхъ ученыхъ на сѣверо-востокъ здѣсь мало-по-малу стала появляться и самостоятельная проповѣдь, первоначально мало отличавшаяся отъ южно-русской схоластической. Впослѣдствіи сѣверно-русскіе проповѣдники внесли жизненное содержаніе и въ схоластическую форму и проповѣдь ихъ приняла практическое, жизненное направленіе.

Епифаній Славинецкій.

Между учеными, вызванными съ юга на сѣверъ, замѣчателенъ по своей дѣятельности Епифаній Славинецкій. Получивъ образованіе въ Кіево-Могилянской коллегіи, онъ ѣздилъ заграницу. По возвращеніи оттуда, онъ былъ сдѣланъ учителемъ въ Кіевскомъ братскомъ училищѣ и въ 1649 году былъ вызванъ въ Москву. Здѣсь онъ сдѣланъ былъ начальникомъ патріаршаго училища и былъ исправителемъ книгъ. Кромѣ того, онъ занимался переводомъ отеческихъ твореній, изданіемъ собственныхъ богословскихъ сочиненій и проповѣдничествомъ. Такъ какъ Епифаній былъ человѣкъ ученый, то и его проповѣди отличались теоретическимъ хератеромъ, нравственныя приложенія въ нихъ имѣли общій характеръ, напр.: въ заключеніе слова на страсти Христовы Епифаній говоритъ: „раздеремъ жестокіе сердецъ нашихъ каменіе, злосмрадныхъ душъ нашихъ отженемъ страсти“. Для подтвержденія раскрываемыхъ истинъ Епифаній, какъ и южно-русскіе проповѣдники, часто указывалъ на событія и лица языческія, и приводилъ изреченія языческихъ мудрецовъ. Въ словѣ напр., „о постѣ“ Епифаній приводитъ свидѣтельства изъ Плутарха, Демокрита и другихъ греческихъ философовъ. Но есть слова у

Епифанія, отличающіяся современнымъ характеромъ,—таковы слова: 1) къ священникамъ, 2) противъ раскольниковъ и 3) три слова о милосердіи. Въ словахъ къ священникамъ Епифаній раскрываетъ ихъ обязанности въ связи съ потребностями времени. Такъ онъ убѣждаетъ пастырей быть покорными власти архіерея, потому что нѣкоторые изъ современныхъ ему пастырей, преданные расколу, не хотѣли повиноваться высшей церковной власти. Вполнѣ сознавая, что одною изъ главныхъ причинъ раскола было невѣжество народа, онъ убѣждаетъ священниковъ внушать на исповѣди своимъ духовнымъ чадамъ заботиться объ устроеніи училищъ. Слова противъ раскольниковъ написаны съ цѣлію вразумить и направить на истинный путь ревнителей старины. Въ одномъ изъ этихъ словъ, при объясненіи знаменій Апокалипсиса о женѣ и зміѣ, Епифаній говоритъ, что подъ женою нужно разумѣть церковь Божію, а подъ зміемъ діавола; на 7-ми главахъ змія было 7 вѣнцовъ; эти 7 вѣнцовъ означаютъ 7 главъ еретическихъ, къ которымъ принадлежатъ и раскольники, отторгающіеся отъ церкви. Защищая дѣло исправленія церковныхъ книгъ, Епифаній говоритъ, что и Литургія была измѣняема и сокращаема. Въ 3-мъ словѣ противъ раскольниковъ, озаглавливаемъ: „на непокорныхъ церкви", проповѣдникъ говоритъ отъ лица ея,—и ее представляетъ говорящею увѣщательныя слова раскольникамъ.

Въ словахъ о милосердіи Епифаній научаетъ благоразумному раздаянію милостыни. „Если ты, говоритъ онъ, видишь просителя здороваго и даешь ему милостыню, то дѣлаешься общникомъ грѣха. Стыдно смотрѣть, какъ размножились у насъ гуляки и обманщики". Проповѣдникъ совѣтуетъ помогать тѣмъ, которые не стараются показывать своей бѣдности. Для того, чтобы милосердіе достигало своей цѣли, онъ совѣтуетъ устроять братства или общества милосердія. „Братства, говоритъ онъ, будутъ узнавать объ нуждающихся: кому, чѣмъ и сколько нужно помочь". Наконецъ, Епифаній предлагаетъ устроить кассу, изъ которой можно было бы давать бѣднымъ въ займы.

Внѣшнее изложеніе проповѣдей Епифанія отличается обиліемъ метафоръ. Такъ въ одномъ словѣ онъ приглашаетъ

слушателей „сожечь тернія ненависти пламенемъ любви, одождить землю души дождемъ Евангельскаго ученія, украсить ее благовонными цвѣтами добродѣтели“.

Симеонъ Полоцкій.

Симеонъ Полоцкій родился въ 1629 году въ Бѣлоруссіи. Образованіе получилъ въ Кіевской коллегіи и докончилъ въ польскихъ школахъ. Когда Алексѣй Михайловичъ былъ въ Польшѣ, Симеонъ обратилъ его вниманіе на себя своею похвальною рѣчью. Это особенное вниманіе Алексѣя Михайловича внушило Симеону мысль отправиться въ Москву. Здѣсь онъ скоро сталъ приближеннымъ лицомъ къ Государю, воспитателемъ и собесѣдникомъ царской семьи. Такимъ значеніемъ при дворѣ Симеонъ обязанъ своему изворотливому уму, благодаря которому онъ всегда умѣлъ найтись сказать что нужно было и всегда могъ подѣйствовать на кого хотѣлъ. Значенію Симеона содѣйствовала и его обширная литературная дѣятельность. Онъ сочинялъ драматическія піесы, которыя давались при дворѣ, издавалъ богословскія сочиненія, напр. „Вѣнецъ вѣры“, написалъ сочиненіе противъ раскольниковъ. Но главною дѣятельностію Полоцкаго было проповѣданіе. Плодъ этой дѣятельности составляютъ два сборника: „обѣдъ душевный и вечеря душевная“, въ которыхъ собраны слова на праздники, дни святыхъ и разные случаи. Названы такъ эти сборники потому, что въ нихъ изъясняется Слово Божіе, которое есть пища для души.

Главная мысль проповѣдей Полоцкаго—это мысль о несоотвѣтствіи нашей жизни съ нравственнымъ закономъ. Излагая нравственныя христіанскія правила, онъ всегда указываетъ на то, какъ исполнялись и понимались эти правила; говоря, напр., о богоугодномъ освященіи воскреснаго дня, онъ внушаетъ, что „не подобаетъ въ воскресные дни прибытковъ искати куплею, что не слѣдуетъ упиваться въ эти дни, якоже обыкоша..., не подобаетъ скакать и плясать и въ праздности пребывать“; говоря о томъ, какъ должно стоять въ храмѣ, Полоцкій нападаетъ на тѣхъ, которые въ церкви бесѣдуютъ „о купляхъ, смѣхотворятъ, разглагольствуютъ“; здѣсь же касается жен-

щинъ, уловляющихъ юношей, „вымышленіемъ суетныхъ ризъ и украшеній, бѣлилами и чермвленіемъ и приводящихъ мужей въ обнищаніе“. Говоря о милосердіи, онъ разбираетъ извиненія, которыми оправдываются нѣкоторые въ уклоненіи отъ этой добродѣтели. Однимъ изъ главныхъ предметовъ, къ которымъ Симеонъ любилъ обращаться въ своихъ проповѣдяхъ, было народное образованіе. Въ словѣ „о блудномъ сынѣ“ Полоцкій говоритъ, что воспитываетъ дѣтей болѣе всего примѣръ родителей, почему родители должны быть чисты во всемъ: отецъ долженъ быть въ домѣ, какъ солнце, мать—какъ луна, чада—какъ звѣзды. Въ другомъ словѣ на день св. Марфы къ примѣру собственной жизни въ воспитаніи дѣтей проповѣдникъ совѣтуетъ присоединять наказаніе ихъ жезломъ: „чадъ, аще не бьешь, говоритъ онъ, не сподобишься отъ нихъ радости“. Въ словѣ „на день Рождества Христова“, говоренномъ въ присутствіи царя Алексѣя Михайловича, проповѣдникъ молитъ Россіанъ „изыскивать научную премудрость, потому что она свѣтъ умныхъ очей“ и, обращаясь къ Алексѣю Михайловичу, онъ убѣждаетъ его „положить въ сердцѣ своемъ намѣреніе“ созидать греческія и славянскія училища. Въ словѣ „на день Григорія Богослова“ проповѣдникъ опредѣляетъ свойства истинной мудрости и говоритъ, что она состоитъ въ изученіи свободныхъ наукъ: грамматики, риторики, философіи и осуждаетъ мудрость, которая „закону Божію не покоряется“.

Между поученіями, помѣщенными въ „вечери душевной“ заслуживаетъ вниманія: „поученіе о Божественномъ писаніи, поученіе отъ іерея къ паствѣ и поученіе о суевѣріи“. Въ 1-мъ поученіи Полоцкій говоритъ о крайнемъ развитіи въ его время религіозной пытливости, и въ этомъ онъ находитъ одну изъ главныхъ причинъ образованія раскола. „Нынѣ о богословіи, говоритъ онъ, разглагольствуютъ мужи и отроцы и препираются даже на торжищахъ. Чтеніе Св. Писанія всякому полезно,—и мужу, и женѣ, но учить Божественному Писанію тому полезно, кому дадеся ключъ разумѣти я и власть учити“. Въ „поученіи іерея къ паствѣ“—проповѣдникъ научаетъ не подражать тѣмъ людямъ, которые устами исповѣдуютъ Бога, а дѣлами покланяются богамъ чужимъ. Эти

люди предаются богомерзкимъ скаканіямъ, играмъ, довѣряютъ чародѣйству, хранятъ языческіе обычаи. Въ „поученіи о суевѣріи“ проповѣдникъ вооружается противъ заговоровъ, гаданій и примѣтъ; здѣсь-же настойчиво внушаетъ оставить „качели“, — находя въ нихъ слѣды языческихъ обычаевъ. Преимущественно-же проповѣдникъ обращаетъ вниманіе на языческое празднество въ честь Купалы, которое бываетъ наканунѣ рождества Іоанна Предтечи, когда разводили огонь и чрезъ него прыгали. „Нѣкоторые невѣжды, говоритъ онъ, проводятъ эту ночь безъ сна и наблюдаютъ восходъ солнца; имъ кажется, что въ эту ночь солнце, восходя, играетъ, скачетъ съ мѣста на мѣсто и мѣняетъ цвѣта. Оле безуміе, оле суевѣріе! Откуда сіе играніе солнце пріяша? Въ Писаніи этого нѣтъ,—въ преданіи отцевъ тоже, философы-звѣздословы того не знаютъ“,—затѣмъ онъ объясняетъ, что играніе солнца представляется отъ излишняго на него смотрѣнія. „Въ эту же ночь“, говоритъ проповѣдникъ, „гадаютъ по травамъ о судьбѣ, и если травы въ эту ночь распускаются, то радостно ожидаютъ исполненія желанія, а если увядаютъ, то плачутъ; иногда и сбываться могутъ подобныя гаданія дѣйствіемъ демона“.

Св. Димитрій Ростовскій.

Краснорѣчивымъ и лучшимъ проповѣдникомъ XVII вѣка былъ св. Димитрій Ростовскій. Одно уже названіе его „русскимъ Златоустомъ“ говоритъ о томъ особо пріятномъ впечатлѣніи, которое производили его проповѣди на его современниковъ; по нѣкоторымъ же прекраснымъ свойствамъ его проповѣдничество можетъ служить образцомъ вообще для всѣхъ проповѣдниковъ. Св. Димитрій родился въ 1651 г. въ мѣстечкѣ Макаровѣ,—близъ Кіева. Природа одарила его глубокимъ и нѣжнымъ чувствомъ, а первоначальное религіозное воспитаніе, полученное имъ въ семьѣ отъ матери и сестеръ, развили въ его сердцѣ благочестивое настроеніе. Эти природныя свойства Димитрія — глубина и мягкость чувства, развитыя семейнымъ воспитаніемъ, нашли живое отображеніе въ его проповѣди и сообщили ей особую пріятность. Вотъ почему и теперь проповѣди его, проникнутыя сердечностію и теплотою чув-

ства, вмѣстѣ съ чети-минеями составляютъ любимое чтеніе для русскаго народа. 10-ти лѣтъ Димитрій отданъ былъ въ братское Кіевское училище. Хотя онъ не окончилъ здѣсь полнаго курса по причинѣ смутъ, происшедшихъ въ Малороссіи, но несомнѣнно, что образованіе, полученное въ училищѣ, повліяло на умственное его развитіе. Между прочимъ въ школѣ онъ имѣлъ возможность пріобрѣсти навыкъ во внѣшнемъ изложеніи мыслей. Его благочестивое настроеніе, во время ученія въ школѣ, еще болѣе усилилось. Это видно изъ того, что, по выходѣ изъ училища, на 18-мъ году жизни, онъ принялъ монашество. Проповѣдническая дѣятельность его начинается съ 1675 г., когда онъ былъ опредѣленъ оффиціальнымъ проповѣдникомъ Черниговской каѳедры. Молодой проповѣдникъ скоро привлекъ къ себѣ сердца и умы людей, — и своимъ проповѣдническимъ талантомъ еще въ Малороссіи пріобрѣлъ такую славу, что цѣлые города спорили о счастіи слушать такого знаменитаго церковнаго витію. Послѣ Чернигова св. Димитрій проповѣдывалъ въ городахъ: Вильнѣ, Слуцкѣ, Батуринѣ, Кіево - Почаевской Лаврѣ, въ монастыряхъ: Глуховскомъ и Елецкомъ. Слава Димитрія, какъ проповѣдника, дошла и до Москвы, такъ что, когда, сопровождая Гетмана Малороссійскаго, онъ былъ въ Москвѣ, то съ честію былъ принятъ патріархомъ и царями Петромъ и Іоанномъ. Указомъ въ 1701 году онъ былъ вызванъ въ Москву и по своемъ прибытіи сказалъ краснорѣчивую привѣтственную рѣчь Петру Великому. Своими проповѣдями въ церквахъ Московскихъ онъ обратилъ на себя всеобщее вниманіе. Въ 1702 году онъ былъ назначенъ митрополитомъ Тобольскимъ, а въ слѣдующемъ году—Ростовскимъ митрополитомъ. При вступленіи на Ростовскую каѳедру, въ первомъ своемъ словѣ къ новой паствѣ онъ говорилъ о любви, которая должна соединять пастырей съ пасомыми; что онъ, архипастырь, приходитъ къ паствѣ, какъ отецъ къ дѣтямъ, какъ братъ къ братьямъ, какъ другъ къ любезнымъ друзьямъ и далѣе, словами полными сердечной теплоты, онъ изобразилъ, каковы должны быть отношенія пастырей къ пасомымъ. По вступленіи на каѳедру, прежде всего св. Димитрій обратилъ вниманіе на духовенство своей епархіи,

потому что въ то время оно не соотвѣтствовало своему назначенію, было невѣжественно и необразованно и къ исполненію своихъ обязанностей относилось невнимательно. Для того, чтобы исправить эти недостатки въ духовенствѣ, онъ писалъ къ іереямъ поученія, грамоты; затѣмъ, для приготовленія достойныхъ священниковъ, онъ устроилъ въ Ростовѣ училище. Въ то время въ Ростовской епархіи съ особенною силою распространился расколъ и св. Димитрій много потрудился для искорененія его, съ одной стороны, своими учеными сочиненіями о расколѣ (напр.: „Розыскъ брынской вѣры", въ которомъ онъ доказываетъ, что вѣра раскольниковъ не истинная,—такъ какъ они полагаютъ ее въ несущественныхъ предметахъ: въ старыхъ иконахъ, книгахъ, осмиконечномъ крестѣ, сугубой аллилуіи и проч., и старается обнаружить противорѣчіе раскольническаго ученія ученію Евангельскому). Съ другой стороны—онъ обличалъ раскольниковъ въ церковныхъ проповѣдяхъ,—и старался дѣйствовать на нихъ своими личными увѣщаніями. Хорошее знакомство съ греческимъ, еврейскимъ и польскимъ языками давало ему возможность заниматься литературными трудами,—и эти труды его по тому времени были замѣчательны. Между прочимъ онъ занимался составленіемъ духовныхъ драмъ,—которыя представлялись въ Ростовскомъ училищѣ. Извѣстны его драмы на Рождество Христово, на Воскресеніе Христово и „Кающійся грѣшникъ". Особенно интересна его драма на Рождество Христово, гдѣ дѣйствующимъ лицомъ является земля, которая жалуется, что она проклята; небо утѣшаетъ землю, что чрезъ воплощеніе Бога – Слова она освободится отъ проклятія. Во время разговора неба и земли раздается пѣніе: „Христосъ раждается, славите"! Является милость Божія, которая и возвѣщаетъ радость небу и землѣ. Недолго св. Димитрій управлялъ Ростовскою паствою. Изнуренный большими трудами, молитвою и постомъ, онъ скончался 28 октября 1709 года. Мощи его открыты 21 сентября 1752 года.

Проповѣди его изданы въ 3-хъ томахъ, гдѣ помѣщено 120 словъ. Но это далеко не все, что произнесено св. Димитріемъ съ церковной каѳедры. Сохранились только тѣ его

проповѣди, которыя произнесены были въ Великороссіи, а произнесенныя въ Малороссіи утрачены, за исключеніемъ весьма немногихъ.

Св. Димитрій жилъ среди невѣжественной паствы, среди раскольниковъ и лютеранъ. Ему нужно было научать однихъ, и вмѣстѣ вести борьбу съ врагами церкви. Въ своихъ поученіяхъ св. Димитрій, дѣйствительно, то учитъ и назидаетъ, то ведетъ полемику съ еретиками и раскольниками,—и всѣ его бесѣды по содержанію можно раздѣлить на нравоучительныя и полемическія. Главный предметъ содержанія проповѣдей св. Димитрія составляетъ раскрытіе нравственныхъ обязанностей христіанина. Вѣра въ Спасителя и любовь къ Нему, любовь къ ближнимъ и любовь даже къ врагамъ, умерщвленіе страстей и обновленіе духа,—вотъ тѣ предметы, которые Святитель чаще всего раскрывалъ въ своихъ бесѣдахъ. При раскрытіи этихъ предметовъ, св. Димитрій не ограничивается только изложеніемъ христіанскихъ обязанностей, но старается довести слушателей до пониманія ихъ духа и характера. Какъ на побужденія любить добро и ненавидѣть грѣхъ, онъ указываетъ не на одни только награды и наказанія, но и старается возгрѣть чистую любовь къ Богу и Его закону и изображаетъ внутреннее безобразіе грѣха. Раскрывать эти предметы св. Димитрій старался такъ, чтобы они были понятны для всѣхъ слушателей. Съ этою цѣлію онъ предлагаетъ въ одномъ и томъ же словѣ двоякое назиданіе: одно для людей книжныхъ,—образованныхъ, другое—для некнижныхъ и простыхъ. Такъ въ словѣ „на свѣтлый понедѣльникъ и день Благовѣщенія“ въ первой части, назначенной для слушателей книжныхъ, проповѣдникъ „приводитъ въ согласіе“ два эти праздника,—а вторая часть этого слова содержитъ краткое наставленіе для простаго народа. Желая провести сходство между этими двумя праздниками, проповѣдникъ называетъ ихъ поясомъ, который опоясываетъ Христову церковь. „Какъ поясъ имѣетъ два конца, далеко отстоящихъ одинъ отъ другаго, а когда кто имъ опояшется, оба конца соединяются,—сице въ таинствѣ нашего спасенія суть два конца, два тыи праздника Благовѣщенія и Воскресенія. Въ Благовѣщеніи наше спасеніе имѣетъ начало,

а въ Воскресеніи—конецъ". Затѣмъ указываетъ черты сходства между этими двумя праздниками: какъ Благовѣщеніе — воплощеніе Бога - Слова, такъ и Воскресеніе произошло по благоволенію Бога Отца, по дѣйству Св. Духа, по соизволенію Самого Христа. Служителемъ чуда Благовѣщенія былъ Архангелъ Гавріилъ и Воскресеніе Христа было не безъ Ангельскаго служенія: „Ангелъ Господень отвалилъ камень отъ гроба"; „въ Благовѣщеніи Пресвятая Дѣва изъявила свою цѣломудренную невинность: „како будетъ сіе, идѣже мужа не знаю?" и Пилатъ предъ страданіями, бывшими прежде Воскресенія, свидѣтельствовалъ о невинности Іисуса Христа". Думая, что эти сближенія могли быть не понятны для простаго народа, онъ къ нимъ присоединяетъ назиданіе собственно для простаго народа: чему научаютъ оба эти праздника—Благовѣщеніе и Воскресеніе? „Еще нѣчто къ простѣйшимъ реку ради, не хощу безъ книжнихъ отпустити, не попользовавъ. Сіи два пресвѣтлые праздника чесого насъ поучаютъ? поучаютъ воскреснути отъ душевной смерти въ добродѣтельную жизнь и соединиться съ Богомъ въ столь крѣпкій и неразрывный союзъ, якоже соединился Богъ - Слово съ плотію естества человѣческаго во утробѣ Пречистыя Дѣвы". Подобнымъ образомъ въ словѣ въ честь Донской иконы Богоматери, послѣ аллегорическаго объясненія того, почему Богоматерь называется взбранною воеводою, онъ прибавляетъ поученіе о томъ, чѣмъ и какъ можно заслужить ходатайство Пресвятой Дѣвы. Но у св. Димитрія есть и цѣлыя слова посвященныя одному простому народу. Напр. слово „Къ препростому народу въ Ростовѣ", на текстъ: „изыде сѣяй сѣяти" (Лк. VIII, 5). Слово это живо характеризуетъ современное состояніе Ростовской паствы. Изъясняя притчу о сѣятелѣ и сѣмени, въ примѣненіи къ своему времени, проповѣдникъ говоритъ, что въ его паствѣ нѣтъ ни добрыхъ сѣятелей духовнаго сѣмени, ни доброй почвы. „Оле окаянному времени нашему, яко отнюдъ пренебрежеся сѣяніе, весьма оставися Слово Божіе...,—и не вѣмъ кого первѣе окаевати требѣ,—сѣятелей—ли или землю? Сѣятели не сѣютъ, а земля не пріемлетъ! Вмѣсто добрыхъ сѣятелей говоритъ проповѣдникъ, есть у насъ сѣятели окаянные, сѣющіе

плевелы, — а плевелами онъ называетъ раскольническія ученія. Разсѣевая эти плевелы, злые учители, поселившіеся въ Брынскихъ лѣсахъ и добрыя сѣмена Слова Божія похищаютъ и истребляютъ, такъ что „мало въ комъ зрится истинное благочестіе и православная вѣра“. Доброе сѣмя— Слово Божіе, говоритъ проповѣдникъ, учитъ не удаляться отъ св. Церкви, а птицы бѣсовскія—раскольники „излетѣвши изъ гнѣзда своего Брынскаго, позобаша то сѣмя, и научиша многихъ бѣгати Св. Церкви, глаголюще: уже нынѣ Церковь-не Церковъ, попы-не попы... О, окаянныя бѣсовскія птицы“, восклицаетъ проповѣдникъ,—„Еда ли измѣнися Церковь? Еда-ли преста священство? Не пребудетъ-ли церковь до дне суднаго? И врата адовы не одолѣютъ ей.“

Далѣе проповѣдникъ говоритъ, что брынскіе расколо-учители научаютъ чуждаться Св. Причастія, такъ что есть въ его паствѣ много такихъ, которые не помнятъ, когда они причащались; еще удивительнѣе то, что таковыми оказываются іерейскія жены, дѣти и ихъ сыновья, приходящіе ставиться на мѣсто отцевъ своихъ. „Окаянніи іереи, восклицаетъ проповѣдникъ,—нерадящіи о своемъ домѣ, како могутъ радѣти о Св. Церкви?“ Затѣмъ проповѣдникъ говоритъ, что брынскіе раскольники похищаютъ сѣмя слова Божія, которое учитъ „жити цѣломудренно,“ и научаютъ: „общи жены имѣти, ниже въ грѣхъ вмѣняти блудствованіе, но въ любовь Христову“. „О, окаянніи бѣсовскія птицы,—восклицаетъ проповѣдникъ, гдѣ таковую любовь Христосъ повелѣлъ есть, еже блудствовати, и гдѣ таковъ законъ обрѣтается, еже общи жены имѣти?“ Наконецъ проповѣдникъ говоритъ, что на брынскихъ расколо-учителей, какъ на продолжателей Николаитской ереси, уготованъ мечь, изъ устъ І. Христа исходящій, согласно откровенію І. Богослова, и убѣждаетъ ихъ покаяться,—а православныхъ христіанъ—блюсти себя отъ этихъ прельщающихъ ихъ „бѣсовскихъ птицъ“.

Слово Св. Димитрія въ недѣлю женъ Мироносицъ.

Въ этомъ словѣ проповѣдникъ, отыскивая Христа въ различныхъ званіяхъ и состояніяхъ, обличаетъ пороки, свойственные каждому сословію, какъ-то: воровство, лицемѣріе,

ханжество, корыстолюбіе духовенства, высокомѣріе высшаго сословія, лихоимство судей. Приступая къ исканію Христа,— гдѣ Онъ обрѣтается по своемъ воскресеніи, согласно съ обѣщаніемъ: „Азъ есмь съ вами“, проповѣдникъ дѣлаетъ замѣчаніе, что нужно имѣть осторожность, чтобы вмѣсто истиннаго Христа не найти ложнаго, и убѣждаетъ не подражать раскольникамъ, которые бѣжатъ въ пустыни „аки-бы ищуще Христа и правыя вѣры“. Прежде всего проповѣдникъ желаетъ отыскать Христа во святыхъ храмахъ, но христіане, говоритъ онъ, сами удаляютъ отсюда Христа, превращая часто храмы въ вертепы разбойниковъ. „Соберутся людіе въ церковь, будто на молитву, а между собою молвятъ и празднословятъ о внѣшнихъ: или о куплѣ, или о продажѣ или о пиршествѣ, или кого осуждаютъ, или кому ругаются и превращаютъ храмъ Божій въ вертепъ разбойничій“. Не находя Христа въ храмахъ, проповѣдникъ ищетъ Его въ храмахъ нерукотворенныхъ, т. е. въ душахъ христіанъ. Но трудно, говоритъ проповѣдникъ, найти Христа въ душахъ христіанъ, потому что „между христіанами есть много злодѣевъ, лицемѣровъ, тщеславящихся своимъ благочестіемъ, въ которыхъ Христосъ не обитаетъ“. Нельзя сыскать Его въ христіанахъ, потому что „вси уклонишася отъ правой вѣры“, по слову пророка. „Поищемъ Христа,—говоритъ далѣе проповѣдникъ, въ чину духовномъ, но и „въ тѣхъ Христа мало найдешь, ибо въ тѣхъ всякъ своихъ ищетъ, а не людемъ пользы, себе пасетъ, а не стадо Христово“, и указавъ на властолюбіе духовнаго высшаго чина и на корыстолюбіе низшаго духовенства,—говоритъ, что санъ духовный принимаютъ нѣкоторые „ради покормки“. „Пошли мы искать Христа въ монастыри, продолжаетъ проповѣдникъ, но и тамъ нынѣ все попортилось; тамъ нынѣ только ропотъ да печаль“. „Поищемъ-ли Христа въ народѣ?—но гдѣ болѣе воровства, если не въ народѣ? Развѣ въ болярахъ и судіяхъ? Но они совратились: правда въ нихъ скудна, милосердія ни мало, а Христосъ не обитаетъ въ томъ, кто съ правою вѣрою не соединяетъ жизни по вѣрѣ“. „Гдѣ убо Господа обрящемъ?“— спрашиваетъ проповѣдникъ въ заключеніе. „Воспомнимъ бѣдныхъ людей, у которыхъ отъ неправыхъ судей кожа обод-

рана, кости источены, плоть разодрана. О, человѣцы въ послѣднихъ бѣдахъ страждущіи! Въ васъ Христосъ нынѣ обитаетъ, аще съ благодареніемъ терпите".

Вотъ еще нѣсколько подлинныхъ мѣстъ изъ этого слова:

„Се въ сокровищахъ есть Христосъ, не имите вѣры. Слышахъ азъ, яко мнози оставляюще домы своя, имѣнія, и сродники, бѣжатъ въ пустыню (въ лѣсы брынскіи), аки бы ищуще Христа, и правыя вѣры, аки бы въ пустынѣ былъ Христосъ. Будто Христосъ, и яже въ Него вѣра, сѣдитъ нѣгдѣ въ лѣсѣ за колодою: не иду я за тѣми, слушаю словесъ истиннаго Христа, Господа моего: аще рекутъ вамъ: се въ пустынѣ есть Христосъ, не изыдите. Слышахъ и то, яко у раскольщиковъ сокровенно уже и христы обрѣтаются: но азъ тѣмъ христамъ не вѣрую, слушаю словесъ истиннаго Христа, Господа моего. Се въ сокровищахъ есть Христосъ, не имите вѣры: вѣмъ бо тѣхъ быти лжехристовъ, или антихристовъ, якоже глаголетъ Богословъ: дѣти, послѣдняя година есть и якоже слышасте, яко антихристъ грядетъ, и нынѣ антихристи мнози быша (1 Іоан. 2, 18), покамѣстъ самый антихристъ пріидетъ, а уже предъ пришествіемъ его много антихристовъ, или паче рещи, предтечевъ антихристовыхъ наплодилося, нѣсть въ нихъ истиннаго Христа: нѣсть здѣ"...

„Не вмѣщаютъ Христа нашего небеса, не объемлетъ Его поднебесная, вси концы земніи не опредѣляютъ Его. Чесо ради псаломникъ глаголетъ: камо пойду отъ Духа Твоего, и отъ лица Твоего камо бѣжу? аще взыду на небо, Ты тамо еси, аще же снизу во адъ, тамо еси; аще возму крилѣ мои рано, и вселюся въ послѣднихъ моря, и тамо рука Твоя (Пс. 130, 7—10)"...

„И во всей вселеннѣй есть содержай всяческая, и всю тварь свою видимую и невидимую управляяй"...

„Сказуетъ псаломникъ: Господь во храмѣ Святѣмъ своемъ (Пс. 10, 4), то во храмѣхъ святыхъ... Христосъ... обитаетъ, тако бы надѣятися, но не подлинно извѣстно. Ибо глаголетъ святый первомученикъ Стефанъ: Соломонъ созда Ему храмъ. Но Вышній не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ, глаголетъ бо: небо Ми престолъ есть, земля

же подножіе ногама Моима. Кій храмъ созиждете Ми? глаголетъ Господь, или кое мѣсто покоищу Моему? не рука ли Моя сотвори сія вся (Дѣян. 7. 47—50)".

„Стефане святый, *въ сумнѣніе* насъ приводиши, егда глаголеши, что Вышній не въ рукотворенныхъ храмѣхъ живетъ, не станутъ людіе благочестивіи созидати храмовъ Богу, аще Богъ въ нихъ не обитаетъ: въ храмѣхъ то святыхъ и жить Богу, яко во истыхъ своихъ домѣхъ. Отвѣщаютъ за Стефана святаго толковники: не непріятно Богу созиданіе Ему храмовъ святыхъ, и украшеніе тѣхъ, ихже и Давидъ Духомъ Святымъ похваляетъ, глаголя: возлюбихъ благолѣпіе дому Твоего, и мѣсто селенія славы Твоея (Пс. 25, 8). И не не обитаетъ Господь въ храмѣхъ своихъ, ибо и Іезекіиль пророкъ глаголетъ: и видѣхъ, и се исполнь славы храмъ Господенъ (Іез. 43, 5). Но святый первомученикъ Стефанъ та своя словеса (Вышній не въ рукотворенныхъ живетъ храмѣхъ) двоихъ рацп винъ изрече: ово возражая гордыню жидовъ, безмѣрно веле хвалящихся о своемъ іерусалимскомъ, Соломоновомъ храмѣ, въ немже болѣе жити Богу мняху, неже на небеси: ово же показуя то, яко Господь Богъ не столь любитъ жити въ рукотворенныхъ храмѣхъ, въ честь Ему созидаемыхъ, елико любитъ и желаетъ жити въ храмѣхъ нерукотворенныхъ"...

„То псаломническое слово: Господь во храмѣ святѣмъ своемъ, старопечатная псалтирь, такожде и кіевская чтетъ сице: Господь въ церкви святѣй своей, и добрѣ тако: ино бо есть храмъ, а ино церковь. Храмъ есть рукотворенъ, имый стѣны каменныя, или деревянныя, на единомъ мѣстѣ основанъ, утвержденъ, созданъ, стоящъ, якоже и сей святый храмъ камменный. А церковь нѣсть рукотворенна, ниже стѣны вещественныя имущая; ибо церковь глаголется быти собраніе вѣрныхъ, не на единомъ токмо мѣстѣ, но и по вселеннѣй сущихъ, и потому-то глаголется и есть святая, соборная, апостольская Церковь, иже отъ конецъ до конецъ вселенныя, въ коемлибо родѣ и языцѣ правовѣрно Христа Бога славитъ. Тоя Церкве основаніе самъ Христосъ, стѣны— законъ Божій, столпы — апостоли, евангелисты — учители, покровъ—Духъ Святый. О той-то церкви пишется во апо-

столѣ: вы есте церкви Бога живаго, якоже рече Богъ: вселюся въ нихъ и похожду, и буду имъ Богъ, и тіи будутъ мнѣ людіе (2 Кор. 6, 16). И егда псаломское писаніе глаголетъ: Господь въ церкви святѣй своей (Пс. 10, 4), разумѣти есть, яко во множествѣ вѣрныхъ обитаетъ Господь. Аще бо, по преждереченному святаго Стефана словеси, не въ рукотворенныхъ живетъ храмѣхъ, то конче въ нерукотворенной Своей живетъ церкви, юже до конца возлюби, юже кровію Своею искупи, за нюже душу Свою положилъ есть. Въ церкви убо, въ собраніи правовѣрныхъ, искать есть Христа, по воскресеніи Своемъ обитающаго; ибо и рече къ нимъ: Азъ есмь съ вами во вся дни, до скончанія вѣка (Мѳ. 28, 20)".

„Но оле окаянныхъ послѣднихъ временъ нашихъ! яко нынѣ та святая церковь зѣло утѣсненна, умаленна ово отъ внѣшнихъ гонителей ово отъ внутреннихъ раскольниковъ, иже по апостолу: отъ насъ изыдоша, но не бѣша отъ насъ (1 Іоан. 2, 19). Аще бы отъ насъ были, пребыли убо быша съ нами, иже не сынове, но прелюбодѣйчища суще терзаютъ внутренности церкве, матере нашея, хулящею многими суесловіями, и отторгающеся отъ нея, и инѣхъ многихъ во слѣдъ себе влекуще, въ заблужденіе и погибель, и уже толь отъ расколовъ умалися самая истинная соборная Церковь апостольская, яко едва гдѣ истиннаго сына церкве найти; едва бо не во всякомъ градѣ иная нѣкая особая изобрѣтается вѣра, и уже о вѣрѣ и простые мужики, и бабы, весьма пути истиннаго незнающіи, догматизуютъ и учатъ, якоже о сложеніи тріехъ перстовъ, глаголюще: неправый и новый крестъ быти, и въ своемъ упорствѣ окаянніи стоятъ, презрѣвше и отвергше истинныхъ учителей церковныхъ. А инніи аки бы и внутрь церкве обрѣтаются, но коварно, образъ токмо имуще благочестія, силы же его отмещущеся. Въ таковыхъ поистинѣ нѣсть Христа, нѣсть въ нихъ Бога, нѣсть здѣ. Но оставлю нынѣ о таковыхъ глаголати намнозѣ, гряду въ путь намѣренный, ищущи Христа".

Слово Св. Димитрія на день Евстафія Плакиды.

Въ словѣ на день Св. Великомученика Евстафія Плакиды Св. Димитрій изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ въ мірѣ и ненаходящимъ себѣ мѣста. Останавливаясь на объясненіи словъ притчи „подобно есть царствіе небесное сокровищу, сокровенну на селѣ“, проповѣдникъ спрашиваетъ: „почему духовное сокровище—Царствіе небесное сокрыто не въ городѣ, а на селѣ?—и отвѣчаетъ, что „во градѣ беззаконники, а гдѣ беззаконіе, тамъ Царству небесному нѣтъ мѣста“. Странствуя по городу, царствіе Божіе заходитъ прежде всего „въ палаты князей, бояръ и прочихъ могучихъ людей“ и видитъ тамъ „богатства неправедныя“. Пошло оно потомъ въ ряды, гдѣ драгоцѣнные купеческіе товары, смотритъ, какъ здѣсь дѣлается продажа и купля и видитъ, какъ другъ друга „здѣсь обманываютъ, продавая худое вмѣсто лучшаго и большую, паче подобающія цѣны уставляя“,—какъ другъ другу клянутся не по правдѣ“. Не мѣшкая въ рядахъ, царствіе Божіе идетъ затѣмъ, „въ приказы и ратуши, гдѣ судіи правду творить поставлены“, и здѣсь оно встрѣчается съ мздоимствомъ и неправдою. Заходитъ далѣе въ палату вельможи во время пира, но вмѣсто любви, которую оно предполагало здѣсь встрѣтить между пирующими, находитъ только коварство и вражду. Когда Царствіе Божіе продолжало путь далѣе, встрѣчаетъ его царь и пророкъ Давидъ и спрашиваетъ: „откуду грядеши и камо идеши?“ Царствіе Божіе сказало, что оно не находитъ мѣста для себя въ городѣ, и намѣревается идти къ народу: „Не изыщеши мѣста и въ простомъ народѣ,—сказалъ Давидъ,—ибо вси уклонишася“. Не находя себѣ мѣста въ городѣ, Царствіе Божіе идетъ въ село. Здѣсь оно находитъ людей бѣдствующихъ „въ послѣдней нищетѣ“, и между ними поселяется, потому-что человѣкъ только терпѣніемъ снискиваетъ Царствіе Божіе.

Къ словамъ правоучительнымъ относятся и слова историческія, напр., слово въ недѣлю Ваій, слова на дни памяти святыхъ и надгробныя рѣчи, потому-что во всѣхъ этихъ словахъ главное вниманіе проповѣдникъ обращаетъ на раскрытіе нравственныхъ истинъ. Ко 2-му разряду словъ Св.

Димитрія—словъ полемическихъ, относятся слова противъ Лютеранъ и раскольниковъ. Въ этихъ словахъ онъ обстоятельно раскрываетъ неправильность ученія этихъ враговъ Православной Церкви и грозною обличительною рѣчью, направленною къ нимъ, старается обратить ихъ на путь истины. Особеннаго вниманія заслуживаетъ его слово противъ Лютеранъ „о поклоненіи св. иконамъ", гдѣ онъ доказываетъ, что Лютеране несправедливо называютъ православныхъ христіанъ идолопоклонниками; что большое различіе между иконами и идолами, потому-что иконы служатъ изображеніемъ истинныхъ вещей, а идолы—прелести лжи, обмана. Обличая Лютеранъ, онъ называетъ ихъ „седмиглавыми зміями, порожденіемъ ехиднымъ", и произноситъ на нихъ анаѳему. Противъ раскольниковъ замѣчательно поученіе о четырехконечномъ крестѣ, гдѣ онъ обличаетъ раскольниковъ, почитающихъ одинъ только 8-ми конечный крестъ.

Характеристика проповѣдей Св. Димитрія.

И теперь еще вмѣстѣ съ четь-минеями проповѣди св. Димитрія составляютъ любимое чтеніе особенно для нашего простаго народа, въ которомъ такъ свѣжа еще и жива любовь къ духовному чтенію и церковному назиданію. Съ какимъ же удовольствіемъ должны были слушать и читать ихъ его современники!

Что же сообщало и сообщаетъ проповѣдямъ св. Димитрія особенную привлекательность? Внимательное знакомство съ ними даетъ возможность замѣтить въ нихъ одно прекрасное свойство, которое и служитъ главной причиной ихъ благотворнаго дѣйствія. Это сердечность, теплота душевнаго чувства, которой дышутъ онѣ; въ нихъ вѣетъ и ихъ проникаетъ благодатный духъ Христовой любви. А можетъ ли всякое слово отъ сердца, слово любви не трогать нашего сердца? Сила чувства, сила любви—это такая животворная сила, которая, проникая въ сердце, согрѣваетъ его, воспламеняетъ въ немъ благородныя чувства; и въ согрѣтомъ любовію сердцѣ все ярче и ярче горѣть начинаютъ искры любви и святыя желанья. Кому неизвѣстно, что иногда одно простое слово дѣйствуетъ на душу гораздо сильнѣе слова повидимому самаго краснорѣчиваго? Отъ

чего это зависитъ? Отъ того, что первое, исходя отъ сердца, проникнутаго горячею любовію, дѣйствуетъ непосредственно на сердце другаго, тогда какъ послѣднее, такъ сказать, только скользитъ по поверхности сердца и, какъ слово безъ духа и жизни, остается безплоднымъ. Да, одно краснорѣчіе внѣшнее не сильно привлечь нашего сердца; его привлекаетъ и побѣждаетъ краснорѣчіе внутренее, краснорѣчіе сердца. Въ чемъ же у св. Димитрія можно замѣчать признаки того краснорѣчія сердца, силой котораго онъ всѣхъ сердца къ себѣ привлекалъ?

Голосъ сердца, голосъ любви слышится въ общемъ тонѣ бесѣды святителя. Онъ бесѣдуетъ со своими слушателями такъ, какъ кроткій другъ или добрый отецъ со своими дѣтьми. Съ самыми нѣжными именами онъ обращается къ нимъ: „о, любимицы"; „о, возлюбленіи"; „о, чада возлюбленная" и т. п. Не только ихъ учитъ, но часто молитъ, увѣщеваетъ: „молю вы и увѣщеваю", такъ говоритъ не рѣдко святитель. Всѣхъ равно онъ любовью своей обнимаетъ, всѣхъ желаетъ вразумить и наставить. Посему-то нерѣдко въ одномъ словѣ онъ говоритъ сначала для людей „книжныхъ", т. е. образованныхъ, а потомъ для „не книжныхъ", не желая „и безкнижныхъ отпустить не попользовавъ" *).

Чувство св. Димитрія особенно часто останавливалось у креста Христова и, исполняясь здѣсь благодатнаго умиленія, изливалось въ молитвенномъ словѣ. Такъ обильно было святое чувство проповѣдника, что цѣлыя его слова обращались въ молитву. „Краткое страстей Христовыхъ воспоминаніе", „цѣлованіе ранъ Господа нашего Іисуса Христа", что представляютъ собою, какъ не молитвенное изліяніе чистой души, которая и скорбитъ и радуется о своемъ Спасителѣ? Такою любовью къ Спасителю горѣло сердце святителя, что и одного имени Спасителя онъ не могъ произнесть безъ чувства умиленія! Но какъ только вспоминаетъ о Немъ, то, прерывая рѣчь къ слушателямъ, къ Нему обращается, молится Ему и изливаетъ предъ Нимъ свои чувства любви и благоговѣнія. Такихъ лирическихъ

---

*) Напр. поученіе о Святомъ Духѣ, „на Благовѣщеніе Богоматери и понедѣльникъ свѣтлой недѣли".

мѣстъ не мало въ проповѣдяхъ св. Димитрія. Для примѣра приведемъ одно изъ поученія въ недѣлю 19-ю, гдѣ говорится о любви ко врагамъ и указывается образецъ ея въ лицѣ Спасителя: „О, сладосте, превыше всѣхъ сладостей, Іисусе", взываетъ проповѣдникъ. „О, любы, всякое желаніе побѣждающая, Іисусе! О, хлѣбе небесный! О, безсмертное наше н.сыщеоіе! О, вѣчное наше наслажденіе, Іисусе! Кій языкъ исповѣсть славу Твою?" и т. д. Эти, прямо изъ сердца излившіяся, молитвенныя чувства сколь могутъ быть трогательны для воспріимчиваго сердца!

Нѣжное, любящее сердце святителя выражается въ той глубокой скорби, съ какой онъ говоритъ о грѣхахъ и неправдахъ людскихъ. Обличенія его всегда смягчаются трогательнымъ чувствомъ его собственнаго смиренія и самаго близкаго участія къ судьбѣ ближняго. Такъ, обличая, онъ нерѣдко прибавляетъ: „простите ми, о грѣшніи люди, отъ ихъ же числа и азъ есмь окаянный, простите ми, глаголю"... *) Или напр. слово о молитвѣ въ недѣлю 3-ю онъ такъ начинаетъ: „Глаголати ли или молча рыдати сердцемъ имамъ о нечаянномъ изгнаніи сыновъ царствія во тьму кромѣшною? Молчати боязненно, глаголати же болѣзненно... Возглаголю убо, аще и съ соболѣзнованіемъ"... Не такъ ли иногда нѣжная мать скорбитъ въ душѣ и плачетъ, когда ей приходится вразумлять сына?

Въ обличеніяхъ св. Димитрія можно замѣчать иногда легкую и добродушную иронію. Не желая прямо и рѣзко обличать, онъ представляетъ порокъ въ соотвѣтствующихъ ему образахъ, и силой изображенія старается подѣйствовать на чувство: иронія такимъ образомъ является у проповѣдника въ силу самой нѣжности, мягкости его чувства; она скрываетъ въ себѣ глубокую скорбь, такъ что сквозь смѣхъ видны „невидимыя міру слезы". Образецъ такой благоприличной ироніи можно видѣть въ поученіи св. Димитрія на память св. великомученика Евстаѳія Плакиды, гдѣ св. проповѣдникъ изображаетъ царствіе Божіе странствующимъ и ищущимъ себѣ мѣста въ мірѣ.

*) Поученіе „въ нед. 10-ю по Св. Дусѣ".

Подобный же характеръ имѣетъ слово св. Димитрія въ недѣлю св. женъ мvроносицъ, въ которомъ проповѣдникъ отыскиваетъ Христа въ различныхъ классахъ общества и обличаетъ пороки, свойственные каждому классу. Такого рода картины пороковъ, полныя жизни, не дѣйствительнѣе ли иногда бываютъ самой грозной, обличительной рѣчи?

Нѣжный тонъ обличенія переходитъ однакожъ у св. Димитрія въ тонъ строгій и грозный, когда ему приходится говорить противъ еретиковъ и раскольниковъ. Для этихъ открытыхъ враговъ церкви Божіей достаточно ли было одного сердечнаго пастырскаго увѣщанія? Чтобы потрясти ихъ упорство, нужно было грозное обличительное слово. Съ такимъ словомъ св. Димитрій и обращается къ нимъ. Обличая напр., заблужденія лютеранъ онъ называетъ ихъ „седмоглавыми зміями", порожденіемъ ехидновымъ, мерзкими, гноеименитыми копронимчиками и трижды произноситъ имъ „анаѳема" (*). Обличая раскольниковъ, скрывавшихся въ Брынскихъ лѣсахъ, какъ бы въ „бѣсовскихъ гнѣздахъ", онъ такъ говоритъ: „О, окаянніи бѣсовскія птицы! О, несмысленніи Галаты! Кто вы прельстилъ есть противитися истинѣ?" И затѣмъ грозитъ имъ гнѣвомъ Божіимъ, призывая вмѣстѣ съ тѣмъ и къ покаянію (**). Но и въ этихъ грозныхъ обличительныхъ словахъ св. Димитрій не выступаетъ ли предъ нами проповѣдникомъ со святой ревностью по славѣ Божіей, съ пламеннымъ чувствомъ любви къ православной вѣрѣ и церкви?

Вотъ какія прекрасныя свойства души отличаютъ св. Димитрія, какъ проповѣдника. Слово такого проповѣдника, которое дышетъ этой силой любви, этой умягчающей теплотой чувства, можетъ ли когда либо оставаться тщетнымъ и не производить благотворнаго дѣйствія?

Любовь заставляла говорить святителя языкомъ живымъ, образнымъ; образность поэтому является внѣшнимъ, отличительнымъ свойствомъ его проповѣдей. Онъ хорошо понималъ, что высокія истины вѣры и нравственности чрезъ наглядные образы всего лучше могутъ быть поняты тѣми, кого

(*) Поученіе „о поклоненіи св. иконамъ".
(**) Поученіе въ 21-ю нед. къ простому народу въ Ростовѣ.

онъ желалъ научить имъ; и поэтому для уясненія истинъ онъ часто обращается къ сравненіямъ, подобіямъ, примѣрамъ и т. д. „Всякія вещи, говоритъ онъ, лучше разумѣются отъ образца, нежели отъ словесъ“. И въ самомъ дѣлѣ, какъ иногда холодно и безучастно слушаютъ умное разсужденіе проповѣдника, когда онъ путемъ доказательствъ хочетъ убѣдить въ какой либо истинѣ. Но вотъ для уясненія беретъ онъ какой либо образъ, и холодное представленіе оживаетъ; какъ будто молнія этотъ образъ освѣщаетъ темную область мысли; движеніе сообщается и чувству, которое не остается спокойнымъ и безучастнымъ при мгновенномъ уясненіи истины. И душа вся волнуется и получаетъ новую энергію, распространяющуюся по всему ея существу... Такъ благотворно дѣйствуетъ на душу живой, наглядный образъ истины!

У св. Димитрія есть слова, все содержаніе которыхъ состоитъ изъ разныхъ сближеній духовныхъ предметовъ съ вещественными, различныхъ событій ветхозавѣтныхъ съ новозавѣтными. Таково его слово въ день св. Троицы, въ которомъ вѣра, напр., сравнивается съ золотомъ; „яко бо злато огнемъ, тако св. вѣра бѣдами, гоненіями очищена... Златомъ дорогія вещи покупаются, а за златникъ вѣры чего не купишь?..“ Съ золотомъ сравнивается также и Богъ-Троица: „Злато полированное прекраснымъ блескомъ блещетъ, а Божество св. Троицы, о, какихъ пресвѣтлыхъ лучей, неизреченнаго сіянія исполнено! Злато людей обогащаетъ, а Божество св. Троицы богатствомъ даровъ своихъ обогащаетъ весь свѣтъ“. Правда въ сближеніяхъ такого рода можно найти иногда нѣкоторую искусственность, которая напоминаетъ о схоластической проповѣди, гдѣ искусственная аллегорія считалась перломъ краснорѣчія; но могъ ли св. Димитрій освободиться совершенно отъ оковъ схоластики, наложенныхъ на него югозападной школой, гдѣ получилъ онъ свое образованіе?..

Искусство св. Димитрія къ живому, образному представленію истинъ можно, напр., видѣть въ поученіи въ недѣлю страшнаго суда, гдѣ онъ разительными для воображенія и чувства красками рисуетъ страшный судъ. Какъ живо изо-

бражаетъ онъ мученія грѣшника, напр. въ бесѣдѣ души съ тѣломъ!

Обширное знакомство съ житіями святыхъ давало св. Димитрію возможность обильно пользоваться этимъ богатымъ сокровищемъ для уясненія нравственныхъ истинъ. Сколько можно найти у него въ проповѣдяхъ разнообразныхъ примѣровъ изъ жизни святыхъ, въ которыхъ люди различныхъ званій и состояній могутъ находить для себя назидательные уроки! И представляя это разнообразіе примѣровъ, св. Димитрій какъ бы вводитъ васъ въ прекрасно убранную комнату, въ которой вы разомъ озираете всѣ украшенія и любуетесь тѣмъ, что вамъ болѣе по сердцу.

Проповѣди св. Димитрія силой одушевляющаго ихъ чувства затрогиваютъ чувство; образностію и живостію плѣняютъ воображеніе. Въ этомъ отношеніи нельзя ли видѣть ихъ сходства съ произведеніями поэтическими, которыя также дѣйствуютъ на чувство и воображеніе? Да, въ проповѣдяхъ св. Димитрія есть поэзія, хотя и поэзія особеннаго характера. Это поэзія религіозная, священная; источникъ ея заключается въ томъ благодатномъ воодушевленіи, которое на языкѣ проповѣди называется помазаніемъ. Помазаніе въ проповѣди не есть что либо опредѣленное, на что можно указать. Оно есть чувствуемое, незримое вѣяніе духа благодати, отраженіе или отпечатлѣніе духоноснаго ума и сердца. Это есть отсвѣтъ и печать пламенѣющей въ сердцѣ Христовой любви. Это есть духовная елейность, которая цѣлительно и умягчительно дѣйствуетъ на сердца. Какъ у проповѣдника—поэта, проповѣдника помазаннаго, у св. Димитрія дѣйствительно

Есть сила благодатная
Въ созвучьи словъ живыхъ;
И дышетъ непонятная
Святая прелесть въ нихъ. *)

(Стих. Лермонтова).

По внѣшней формѣ проповѣди Св. Димитрія относятся къ разряду искусственныхъ. Въ нихъ ясно различается приступъ, въ которомъ проповѣдникъ часто приглашаетъ слушателей

*) Ярослав. Епарх. Вѣд. 1885 года. О Св. Димитріи Ростовскомъ. Рѣчь А. И. Разумихина.

ко вниманію, а Бога просить о помощи, изслѣдованіе съ раздѣленіемъ на части, а затѣмъ заключеніе.

Слѣды его воспитанія въ юго-западныхъ школахъ особенно замѣтны въ тѣхъ проповѣдяхъ, которыя не чужды символизма, аллегоризма и искусственнаго сближенія между предметами, напримѣръ, его проповѣдь на день Благовѣщенія и понедѣльникъ Свѣтлыя недѣли.

Но нужно замѣтить, что Св. Димитрій къ схолостическимъ формамъ относился не рабски, но заимствовалъ изъ нея только лучшіе пріемы. Формами схолостической проповѣди онъ пользовался для того, чтобы проповѣдь сдѣлать интересною и облегчить условіе возвѣщаемыхъ истинъ, но онъ избѣгалъ крайности въ употребленіи этихъ пріемовъ. По внѣшнему изложенію, проповѣди его отличаются простотою и удобопонятностью. Посреди всѣхъ занятій проповѣдь св. Димитрій считалъ главнымъ своимъ дѣломъ. „Моему, сану говорилъ онъ, надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но и пишущею рукою; то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность“.

Русская проповѣдь съ характеромъ самостоятельности (съ XVIII вѣка).

Условія, благопріятствовавшія и неблагопріятствовавшія развитію проповѣди въ этотъ періодъ. Задачи, предъявляемыя проповѣди потребностями времени.

Преобразователь Россіи,—Петръ Великій главною своей заботою и цѣлію поставлялъ распространеніе въ русскомъ народѣ просвѣщенія. Желая, чтобы свѣтъ полезныхъ знаній, свѣтъ просвѣщенія широкою волною разлился по лицу земли русской онъ старался объ основаніи новыхъ разсадниковъ просвѣщенія—высшихъ и низшихъ училищъ,—прежде существовавшія—улучшалъ и расширялъ, заботился о томъ, чтобы русскіе люди ознакомлялись и съ западно-европейскою письменностію. Послѣ Петра продолжали благія начинанія его—царственные преемники его. Это распространеніе просвѣщенія—не осталось безъ вліянія и на русскую церковную проповѣдь: проповѣдники чрезъ обученіе въ училищахъ и чрезъ открывшіеся новые источники знаній могли получать наиболѣе всестороннее и широкое образованіе,—и, стоя на вы-

сотѣ своего призванія,—оказывать наиболѣе благотворное вліяніе на современниковъ. Съ другой стороны,—слушающіе проповѣди,—получая образованіе, могли быть наиболѣе способными къ воспріятію и усвоенію проповѣдей. Это условія — благопріятствовавшія развитію и воздѣйствію проповѣди въ этотъ періодъ. Неблагопріятствовавшимъ же условіемъ можно назвать прежде всего—нѣкоторое охлажденіе къ слушанію проповѣдей, – развившееся вмѣстѣ съ охлажденіемъ вообще къ богослуженію,—въ той части русскаго общества,—которая вмѣстѣ съ западно-европейскою образованностію подверглась наиболѣе сильному вліянію европейскихъ анти-религіозныхъ и анти-церковныхъ идей. Съ другой стороны,—духовная власть, желая охранить,—въ виду распространенія этихъ идей,—чистоту православія самихъ проповѣдниковъ,—а вмѣстѣ и слушающихъ, наложила на проповѣдь строгія узы цензуры,—которыя, будучи необходимы, однакоже не могли не оказывать стѣсняющаго и ограничивающаго вліянія на развитіе живой проповѣди.

Новое время предъявляло проповѣди и свои новыя задачи. Въ виду начавшихся преобразованій и реформъ проповѣдникамъ прежде всего необходимо было—разъяснить народу благотворное значеніе новыхъ правительственныхъ начинаній и указать согласіе ихъ съ вѣчными истинами Слова Божія и церковными узаконеніями. Этой новой задачѣ отвѣчала церковная проповѣдь въ лицѣ Ѳеофана Прокоповича. Затѣмъ при свѣтѣ просвѣщенія яснѣе и полнѣе стали открываться недостатки русскаго простого народа: религіозное невѣжество,—грубые пороки,—остатки языческихъ обычаевъ. Требовалось наученіе народа истинамъ вѣры, черезъ живое и наглядное ихъ изображеніе, — борьба противъ грубыхъ его пороковъ и обычаевъ. Этому требованію русская проповѣдь отвѣчала въ лицѣ св. Тихона Воронежскаго. Далѣе проникновеніе въ русское общество западно-европейскихъ ложныхъ идей и воспослѣдовавшее за ними охлажденіе къ вѣрѣ и церкви предъявляло русскимъ проповѣдникамъ новую задачу раскрыть основанія вѣры, предохранить отъ увлеченія невѣріемъ, индеферентизмомъ, и ложными антирелигіозными ученіями, для чего—углубить такъ сказать истины вѣры въ умы русскихъ

людей, приблизить эти истины къ ихъ сердцамъ. Этой задачѣ отвѣчала русская проповѣдь въ лицѣ Платона и Филарета Московскихъ, Иннокентія Херсонскаго. Наконецъ, съ постепеннымъ развитіемъ русской общественной жизни,—возникали въ ней разныя новыя явленія, запросы, требованія,—въ среду русскаго образованнаго общества проникали новыя идеи: отъ пастырей церкви требовалось—освѣтить новыя явленія жизни свѣтомъ религіозной истины,—дать отвѣтъ на новые вопросы,—разсмотрѣть новыя идеи;—съ другой стороны освобожденный отъ крѣпостного рабства простой русскій народъ требовалъ отъ пастырей живого, свободнаго, общепонятнаго слова. Этимъ требованіямъ русская проповѣдь отвѣчала въ лицѣ Іоанна Смоленскаго и Родіона Путятина. Познакомимся подробнѣе съ дѣятельностію указанныхъ проповѣдниковъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ родился въ Кіевѣ въ 1681 году. Первоначальное образованіе получилъ въ Кіевскихъ школахъ и потомъ въ Кіевской Академіи. Неудовлетворившись полученнымъ здѣсь образованіемъ, онъ отправился за границу. пробылъ нѣсколько времени въ польскихъ школахъ, а затѣмъ поселился въ Римѣ, въ коллегіумѣ св. Аѳанасія, гдѣ получилъ блестящее классическое образованіе и познакомился съ твореніями Отцевъ церкви римской и греческой. По возвращеніи въ Кіевъ, онъ былъ назначенъ преподавателемъ академіи и скоро выказалъ свой проповѣдническій талантъ. Во время пребыванія Петра Великаго въ Кіевѣ въ 1701 г. Ѳеофанъ сказалъ ему привѣтственную рѣчь, въ которой уже обнаруживалось оригинальное проповѣдническое направленіе: въ ней не было отвлеченныхъ и сухихъ разсужденій, искусственныхъ пріемовъ въ изложеніи, которые употреблялись проповѣдниками схалостическаго направленія. Свой привѣтъ Петру въ этой рѣчи Ѳеофанъ связалъ съ воспоминаніями изъ отечественной исторіи и въ концѣ рѣчи, между прочимъ, хвалилъ Петра за простоту жизни и одежды. „Пресвѣтлый монархъ нашъ! множае удивляемся величеству твоему, ви-

дяще тя въ общей одеждѣ... величество-бо царское не въ порфирѣ свѣтлой, не въ золотой діадемѣ зрится, но въ сіяѣ храбрости и удивленія достойныхъ дѣлахъ“. Другое привѣтственное слово было сказано Петру Ѳеофаномъ въ 1709 г., черезъ 2 недѣли послѣ Полтавской побѣды: въ этомъ словѣ проповѣдникъ напомнилъ, что Полтавская битва происходила въ день св. Сампсона, который растерзалъ льва,—и назвалъ виновниковъ побѣды вторыми сампсонами, растерзавшими челюсти льва Свейскаго. Слова Ѳеофана очень нравились Петру, онъ рѣшилъ приблизить Ѳеофана къ себѣ и вызвалъ въ Петербургъ для проповѣданія Слова Божія. Ѳеофанъ усердно принялся здѣсь за проповѣдническую дѣятельность, и въ своихъ проповѣдяхъ излагалъ и разъяснялъ съ христіанской точки зрѣнія современныя политическія событія и дѣйствія правительства.

Теорія проповѣди Ѳеофана Прокоповича.

Рѣшившись дать проповѣди живое современное, политическое направленіе, Ѳеофанъ рѣшился отвергнуть всѣ преданія южно-русской Гомилетики. Въ сочиненіи „вещи и дѣла, о которыхъ духовный учитель народу христіанскому проповѣдовати долженъ“, Ѳеофанъ указываетъ на св. Писаніе, какъ на главный источникъ проповѣди, изъ котораго проповѣдникъ долженъ почерпать ея основу, стараясь истолковать тексты св. Писанія самостоятельно, вникая въ глубокій смыслъ ихъ и принимая за образецъ духовнаго краснорѣчія слова св. Отцевъ, особенно св. Іоанна Златоуста: „Проповѣдовали-бъ проповѣдники говоритъ Ѳеофанъ,—съ доводовъ св. Писанія, о исправленіи житія, о почитаніи властей, о должностяхъ всякаго чина, истребляли-бъ суевѣрія, вкореняли въ сердца людскія страхъ Божій. Словомъ рещи: испытывали-бы отъ св. Писанія, что есть воля Божія, святая, угодная и совершенная, то и говорили-бы“. Приверженцевъ прежняго направленія проповѣди Ѳеофанъ въ шутку называлъ „латинщиками“ и весьма рѣзко осуждалъ: то произвольное натянутое развитіе темы, избранной для проповѣди, ту искусственность въ толкованіи тек-

стовъ, то переполненіе проповѣди символическими и аллегорическими прикрасами,—которыя составляли главное характеристическое отличіе южно-русской проповѣди.

Содержаніе проповѣдей Өеофана Прокоповича. По содержанію проповѣди Прокоповича могутъ быть раздѣлены на три рода: въ однѣхъ проповѣдяхъ онъ желаетъ внушить уваженіе къ царской власти; въ другихъ—хвалитъ Петра Великаго и его реформы и, наконецъ, въ третьихъ—обличаетъ противниковъ Петровыхъ реформъ.

а) Слова о повиновеніи власти.

Желая внушить повиновеніе царской власти,—Өеофанъ старался доказывать въ своихъ проповѣдяхъ преимущество монархическаго образа правленія. Такъ, въ словѣ на день рожденія царевича Петра Петровича, онъ доказываетъ древность и всеобщность монархизма. Существующія и существовавшія республики не опровергаютъ его мысли о всеобщности монархическаго образа правленія: ихъ во 1-хъ, немного,—онѣ составляютъ исключеніе, во 2-хъ, неблагоустроенное состояніе государствъ, при республиканскомъ образѣ правленія, само собой указываетъ на необходимость монархіи. „Возмемъ Рѣчь Посполитую польскую, говоритъ проповѣдникъ. Крѣпко было это государство, когда находилось въ строю монархическомъ, когда же златыя оныя узы на себѣ растерзало, то начало оскудѣвати и утѣсняемо было“. Въ римской республикѣ, „въ крайнихъ нуждахъ“, были избираемы диктаторы — „власть всемощная“, и впослѣдствіи римская республика должна была обратиться въ монархію. Что же касается Венеціи, Швейцаріи, Бельгіи,—то возможность здѣсь республиканскаго образа правленія объясняется необширностью этихъ государствъ: „тутъ вкупѣ сенатъ, вкупѣ народъ, вкупѣ духъ“. Доказавъ древность и почти всеобщность монархизма, проповѣдникъ отдаетъ предпочтеніе монархіи наслѣдственной предъ избирательною, потому-что порфирородный государь съ малолѣтства изучаетъ науку царствовать, не надмевается царскимъ величіемъ, какъ уже привычнымъ,

тогда какъ избранные монархи не могутъ быть таковыми. Страшное зло при избирательномъ образѣ правленія бываетъ тогда, когда монархъ умираетъ: тутъ вражда, интриги, а иногда и оружіе—начинаютъ играть видную роль, пока не будетъ избранъ новый монархъ.

Въ проповѣди „о власти и чести царской“ Ѳеофанъ доказываетъ необходимость повиновенія царской власти свидѣтельствами изъ Слова Божія. Онъ находитъ въ св. Писаніи много примѣровъ въ подтвержденіе того, что нужно повиноваться не только добрымъ государямъ, но и злымъ. Такъ Давидъ приказалъ умертвить убійцу Саула за то, что тотъ посягнулъ на помазаннаго. Апостолы Петръ и Павелъ учатъ служить за совѣсть. „Кому же? Римскому императору—язычнику и страшному навистнику христіанъ“.

б) Слова похвальныя.

Петра Великаго Ѳеофанъ въ словахъ своихъ восхваляетъ прежде всего за его личныя качества: необыкновенныя дарованія, за остроту ума, силу разсужденія,—говоритъ о его религіозности, которая подверглась сомнѣніямъ со стороны его подданныхъ. Въ даказательство религіозности Петра, Ѳеофанъ въ проповѣди на поминовеніе Петра указываетъ на его законы по отношенію къ раскольникамъ, суевѣрамъ, лицемѣрамъ, не причащающимся Св. Таинъ. Изъ дѣлъ Петра останавливаютъ на себѣ вниманіе Ѳеофана какъ дѣла внѣшнія,—военныя, такъ и внутреннія преобразованія. Особенно долго останавливается проповѣдникъ на шведской войнѣ, которая дорого стоила Россіи, но всетаки была славная и полезная война. Въ похвальномъ словѣ Петру, по случаю побѣды „надъ войсками свейскими“, Ѳеофанъ отдаетъ честь въ этой побѣдѣ личнымъ доблестямъ Петра: твердости его характера и неустрашимости. Король шведскій превосходилъ Петра силою, много было препятствій къ успѣшной борьбѣ съ нимъ,—особенно измѣна Мазепы. Но при всѣхъ этихъ „злоключеніяхъ“ сердце Петра не колебалось страхомъ, не унывало, не убоялось громовъ военныхъ“. Онъ рѣшился сна-

чала усмирить области запорожскія, возмущенныя Мазепой, потомъ двинуть свои силы противъ главнаго врага. Хвалитъ Петра Өеофанъ и за неустрашимость во время самой войны, потому-что онъ „не только посылалъ полки на брань, но и самъ на первые мечи и копья, и огни устремлялся“. При этомъ онъ „не былъ обложенъ твердою бронею“, но „аки нерушимою стѣною, ограждено бяше царское лице его невидимою силою Вышняго“. Какъ на доказательство невидимой помощи Петру, Өеофанъ указываетъ на случай сохраненія его отъ смерти во время битвы подъ Полтавою, когда на немъ была прострѣлена его шляпа, а самого его пуля не коснулась. Въ злобѣ „о баталіи Полтавской“, указывая на этотъ случай, проповѣдникъ восклицаетъ: „О шляпа драгоцѣнная! Недорогая веществомъ, но вредомъ симъ своимъ всѣхъ вѣнцовъ царскихъ дражайшая“.

Описывая славные военные подвиги Петра, Өеофанъ въ проповѣдяхъ показываетъ и пользу войны. Такъ, въ словѣ по случаю мира со шведами, Өеофанъ объясняетъ выгоды, какія принесла намъ шведская война. Война эта сдѣлала прежде всего безопаснымъ сосѣдство съ могучимъ до того времени врагомъ. Она далѣе была полезна къ тому, чтобы „искусство правителей не помрачалось и ученіе воинское не забывалось“. Наконецъ, эта война заставила хорошо обучить наше войско по образцу европейскому, устроить артиллерію и флотъ, и доставила новый водный путь къ пользѣ отечества.

Изъ внутреннихъ дѣлъ Петра останавливали на себѣ вниманіе проповѣдника въ особенности—его заботы о водвореніи просвѣщенія. Өеофанъ выражалъ радость, что стараніями Петра „уже и свободныя ученія полагаютъ себѣ основанія, идѣже надежды не имяху“. Восхвалялъ Өеофанъ и нѣкоторыя церковныя преобразованія Петра, напримѣръ, счисленіе новолѣтія съ 1-го января, введенное Петромъ для удобства въ сношеніи съ народами Европейскими, „наипаче-же — какъ объясняетъ Өеофанъ“ „для исчисленія лѣтъ отъ пришествія въ міръ Сына Божія“, потому-что „гораздо приличнѣе“ начинать счетъ дней не съ Сентябрскихъ календъ Константиновыхъ, служившихъ срокомъ взноса податей, а съ того вре-

мени, когда пришелъ въ міръ Избавитель человѣчества отъ всѣхъ даней, наложенныхъ грѣхомъ.

Обращая вниманіе на административныя преобразованія Петра, Ѳеофанъ съ похвалою говоритъ „о новомъ сенаторовъ и губернаторовъ санѣ, въ совѣтахъ высокомъ, въ правосудіи неумытномъ, страшномъ злодѣяніямъ“. Съ большимъ вниманіемъ проповѣдникъ останавливается на заведеніи Петромъ флота и устроеніи новой столицы. Объясняя значеніе флота, онъ говоритъ, что флотъ служитъ средствомъ взаимнаго сообщенія странъ между собою: „раздѣлилъ убо Творецъ земная своя благая различнымъ странамъ на части, дабы такъ едина отъ другой, требуя взаимнаго пособія, лучше въ любовный союзъ сопрягаться могли“; при томъ — „безчестно не имѣти флота“ такому обширному государству, какъ русское:—флотъ служитъ обороною русскихъ владѣній „отъ непріятельскаго нападенія“, „не меньшая бо слава есть держать завоеванное, нежели завоевывать“, но и „викторіи“, т.-е. побѣды не трудны будутъ для Россіи, если она будетъ имѣть достаточный флотъ. Объясняя преимущество новой столицы, проповѣдникъ говоритъ о красотѣ ея положенія, выставляетъ на видъ важность ея въ военномъ отношеніи и удобство для внѣшней торговли.

Изъ названныхъ словъ наибольшею извѣстностію пользуется слово Ѳеофана при погребеніи Петра (1725 г.), начинающееся такъ: „Что се есть? До чего мы дожили, о Россіяне? Что видимъ, что дѣлаемъ? Петра Великаго погребаемъ!“ Затѣмъ проповѣдникъ выражаетъ чувство скорби, поразившее отечество, и все величіе утраты для народа русскаго. Онъ не исчисляетъ подробно всѣ дѣянія Петра ибо „краткимъ словомъ нельзя обнять безчисленной его славы, а распространяться не допускаетъ печаль, заставляющая только проливать слезы и испускать стенанія“. По сему Ѳеофанъ ограничивается лишь краткими похвалами Петру, въ которыхъ просвѣтитель Россіи сравнивается съ Сампсономъ, Іафетомъ, Моисеемъ, Соломономъ, Давидомъ, Константиномъ. Утѣшеніемъ въ печали служитъ то, что великій Монархъ, отошедшій въ вѣчность, не оставилъ насъ нищими и сирыми: при насъ—безмѣрное богатство силы и

славы—Россія, которую онъ сдѣлалъ любимою, грозною и славною; при насъ его супруга, искушенная, какъ злато въ горнилѣ,—сообществомъ его мудрости, трудовъ и бѣдствій. (Исторія рус. словесности Галахова, изд. 8-е. 106—107 стр.)

в) Слова обличительныя.

Обличеніе въ проповѣдяхъ Ѳеофана направлено противъ враговъ Петровыхъ реформъ и тѣхъ сторонъ народной жизни, которыя несоотвѣтствовали идеаламъ преобразователя. Такъ, онъ обличаетъ раскольниковъ за ихъ недовольство перенесеніемъ новолѣтія съ 1-го сентября на 1-е января; за ихъ жалкое и смѣшное богословствованіе о томъ: „кія дни къ какому и кія къ другому дѣлу угодные и которые псалмы или молитвы сильнѣйшіе". Обличаетъ и православныхъ:— духовныхъ и міряпъ: первыхъ за то, что многіе изъ нихъ роптали на распоряженія по дѣламъ церковнаго управленія, вторыхъ за то, что роптали на тягости, неразлучныя съ реформами. Въ обличеніе лицъ духовныхъ, недовольныхъ распоряженіями Петра, Ѳеофанъ приводитъ изъ исторіи древне-христіанской церкви много примѣровъ подчиненія духовенства свѣтской власти. Причину вражды народа съ начинаніями Петра Ѳеофанъ находитъ въ „меланхоліи", которая будто-бы препятствовала правильно смотрѣть на вещи. Обличалъ также въ проповѣдяхъ Ѳеофанъ и тѣ пороки, которые были распространены въ тогдашнемъ русскомъ обществѣ и которыхъ особенно не любилъ Петръ: лицемѣріе, особенно въ жизни религіозной, ханжество и ложное-юродство, а также религіозное невѣжество и соединенное съ нимъ суевѣріе.

Характеристика проповѣдей Ѳеофана.

Со стороны содержанія. По своему содержанію проповѣди Ѳеофана имѣютъ самое живое отношеніе къ своему времени. Ѳеофанъ не принадлежитъ къ числу тѣхъ проповѣдниковъ, проповѣди которыхъ могутъ имѣть отношеніе ко всякому времени,—напротивъ, въ его проповѣдяхъ ясно и

живо отражается время, въ которое онѣ произносились и Θеофанъ по всей справедливости можетъ быть названъ проповѣдникомъ Петровскаго времени. Онъ служитъ дѣлу реформы, возбуждаетъ къ ней сочувствіе, утверждая сознаніе ея необходимости и пользы. Какъ пастырь церкви, онъ имѣлъ обязанность прежде всего показывать согласіе дѣлъ Петровыхъ съ духомъ св. Писанія и съ уставами церкви. Утвердить это согласіе было необходимо въ виду того, что многіе въ новыхъ реформахъ находили измѣну Закону Божію и уставамъ церкви. Вмѣстѣ съ тѣмъ Θеофанъ указывалъ на тѣ благотворныя послѣдствія, которыми сопровождались реформы въ общественной и частной жизни, а этими указаніями на практическіе результаты реформы онъ всего скорѣе могъ примирить съ нею всѣхъ почему-либо недовольныхъ ею.

По своему построенію проповѣди Θеофана существенно разнятся отъ проповѣдей юго-западныхъ, написанныхъ подъ вліяніемъ католическихъ образцовъ. Изъясненіе и развитіе выбраннаго текста состоитъ въ проповѣдяхъ Θеофана только лишь въ указаніи его прямого смысла. Раздѣленіе словъ на части условливается самымъ ихъ содержаніемъ. Доказательства заимствуются главнымъ образомъ изъ Св. Писанія, и изъ исторіи церковной. Свѣдѣнія изъ гражданской и естественной исторій, а равно современныя событія—разсматриваются съ религіозно-нравственной точки зрѣнія. *Художественный элементъ* въ словахъ Θеофана развитъ мало: образовъ, фигуръ совсѣмъ почти не встрѣчается, и вообще въ нихъ замѣчается преобладаніе разсудка надъ чувствомъ и фантазіей. *Изложеніе* ихъ отличается правильностію и логичностію, связью началъ съ выводами и простотою внѣшней формы.

Св. Тихонъ, епископъ Воронежскій.

Біографія его. Св. Тихонъ (въ мірѣ — Тимофей Соколовъ) родился въ 1721 году въ Новгородской губерніи, отъ бѣднаго дьячка Саввы Кириллова. Воспитаніе получилъ въ Новгородской Семинаріи, гдѣ по окончаніи курса былъ учи-

теломъ риторики. По принятіи монашества, онъ въ 1759 году былъ назначенъ на должность ректора Тверской Семинаріи, и чрезъ четыре года—епископомъ Воронежскимъ. По прибытіи къ паствѣ,—онъ началъ ревностно заботиться о ея просвѣщеніи. Для просвѣщенія паствы въ истинахъ вѣры, онъ учредилъ въ соборѣ по воскреснымъ днямъ „Катихизическія поученія". Кромѣ этого, онъ писалъ и разсылалъ, какъ священникамъ, такъ и народу, разныя наставленія: напримѣръ, имъ издано было „наставленіе священнослужителямъ, предостерегающее ихъ отъ пьянства, увѣщаніе къ непраздногловію, къ братолюбію, къ достойному пріуготовленію себя на священнослуженіе, къ прилежному исповѣданію грѣшныхъ". Наставленія, написанныя для народа, онъ приказывалъ священникамъ чаще прочитывать въ церквахъ и напоминать о написанномъ въ нихъ при всякомъ случаѣ. Кромѣ общихъ наставленій, народу, неусыпный пастырь нерѣдко посылалъ для чтенія по церквамъ свои поученія и по какимъ-нибудь случайнымъ обстоятельствамъ. Поучая паству чрезъ посланія, онъ поучалъ ее и своими проповѣдями съ церковной каѳедры: большая часть его проповѣдей—были импровизаціи. Только четыре года Св. Тихонъ управлялъ Воронежскою паствою. Постоянные труды и строгій образъ жизни скоро надорвали его здоровье. Онъ принужденъ былъ удалиться на покой въ Задонскій монастырь, гдѣ однако не переставалъ трудиться на пользу духовнаго просвѣщенія;—здѣсь онъ написалъ: сочиненіе „объ истинномъ христіанствѣ", въ которомъ изложены обязанности христіанина,— „сокровище духовное, отъ міра собираемое", и „краткія нравоучительныя слова". Въ 1783 году преосвященный Тихонъ скончался, а въ 1861 году были обрѣтены нетлѣнными его мощи и онъ былъ причисленъ къ лику святыхъ.

Содержаніе его проповѣдей. По содержанію, проповѣди св. Тихона можно раздѣлить на два рода: на нравоучительныя и нравообличительныя.

а) Слова нравоучительныя.

Въ нравоучительныхъ словахъ св. Тихонъ раскрываетъ положительное христіанское ученіе, поставляя его въ связь съ жизнію и заставляя слушателей самихъ вдумываться въ это ученіе. Такъ въ словѣ „о спасительномъ Божіемъ къ роду человѣческому смотрѣніи“ проповѣдникъ излагаетъ исторію домостроительства нашего спасенія: говоритъ о созданіи Богомъ Адама и Евы, о первородномъ грѣхѣ, о милости Бога къ людямъ, явленной въ обѣщаніи Его послать избавленіе, о явленіи въ міръ Избавителя, передаетъ въ краткомъ очеркѣ исторію жизни Спасителя и говоритъ о посланіи Св. Духа на апостоловъ. Затѣмъ переходитъ къ назиданію слушателей: „что-жъ намъ такъ милостивому Избавителю, такъ чудному Любителю воздать? Послушай, я тебѣ скажу... Возлюби Его всѣмъ сердцемъ твоимъ, воспоминай всегда имя Его съ благодарными слезами... Ради Его имени люби враги твоя... просящему у тебя дай... во всемъ тщися Ему угождать“. Въ словѣ „о испытаніи себе самого“ проповѣдникъ исчисляетъ главные догматы христіанской вѣры и объясняетъ, что только исповѣдающіе эти догматы могутъ назваться истинными христіанами. Затѣмъ, обращаясь къ слушателямъ, приглашаетъ ихъ испытать себя, точно-ли они христіане: „Имѣемъ ли внутри себе истинное христіанство, творимъ ли дѣла, сообразныя вѣрѣ... како мыслимъ, како говоримъ, како дѣлаемъ“. Такимъ же путемъ ведетъ проповѣдникъ свою паству къ самопознанію и въ другихъ нравоучительныхъ словахъ. Говоря, напримѣръ, о крещеніи, онъ совѣтуетъ слушателямъ осмотрѣться, „достойно ли они живутъ св. крещенія, чтобы крещеніе не было въ осужденіе“.

Нерѣдко нравственныя правила раскрывалъ св. Тихонъ примѣнительно къ различнымъ сословіямъ и состояніямъ. Такъ въ словѣ на освященіе храма Ап. Петра и Павла онъ такъ излагаетъ наставленія о благоговѣйномъ стояніи въ храмѣ: „Мужичекъ пахарь! Перестань думать о земледѣліи, выбрось изъ головы твоей сѣнокосъ, не броди мыслями по

полямъ, по степямъ, по лѣсамъ, по хуторамъ, не на то ты мѣсто пришелъ, мѣсто-бо, на немъ же ты стоиши, земля свята есть“. „Купецъ!.. Не пекись о продажѣ... Воинъ!... Не помышляй о ружьѣ, о брани... Подъячій и секретарь! Не пекися о дѣлѣ твоемъ: не слагай опредѣленій, не пиши допросовъ... А судія здѣсь не суди... не судебное мѣсто сіе“. Въ словѣ о страшномъ судѣ проповѣдникъ картинно изображаетъ судъ надъ разными грѣшниками: „Злобному представится кого и чѣмъ повредилъ... кого и передъ кѣмъ клеветою обезславилъ. Беззаконному купцу покажется, какіе товары безсовѣстно продавалъ... и людей обманывалъ... сколько воды въ вино мѣшалъ... Лукавецъ и льстецъ увидитъ всѣ коварные свои замыслы, и кому льстилъ языкомъ своимъ. Хульнику и ругателю представятся всѣ хулы его... начальнику нечестивому представится нерадѣніе его о подначальныхъ... Пастырю нерадивому покажется небреженіе его о стадѣ Христовомъ... Судія мздоимецъ увидитъ клятву и присяги..., родитель нечестивый увидитъ нерадѣніе о воспитаніи дѣтей своихъ... Представятся и вамъ, миролюбцы и прихотливцы, представятся вамъ банкеты ваши, оперы, пиршества, маскарады, танцы, картежныя игры, собачья охота, и прочія ваши забавы, яко вы отвратили сердце ваше отъ Бога... но къ прелести міра желаніе свое обращали“. Картина поразительная: послѣ словъ Святаго проповѣдника, сердце каждаго должно было содрогнуться при мысли о страшномъ судѣ.

б) Слова обличительныя.

Обличительныя проповѣди Св. Тихона Воронежскаго представляютъ намъ полную и живую картину религіозно-нравственнаго состоянія современнаго проповѣднику общества, какъ высшаго, такъ и низшаго. Въ словѣ на текстъ: блюдите. како опасно ходите“ (Еф. V, 15), проповѣдникъ, высказавъ мысль, что Богъ наказываетъ даже „друговъ своихъ за малое преступленіе“ (какъ, напримѣръ, наказалъ Моисея „за нѣкоторое преступленіе“, не допустивъ его до земли обѣто-

ванной), — обращается къ своимъ слушателямъ съ слѣдующими словами: „Вы, безстрашно и явно противу Божія закона дерзающіи, что думаете?.. вы, которые кровь братнюю проливаете, вы, которые кровавыя слезы вдовъ, сиротъ бѣдныхъ пьете, вы, которые хульными устами на небесномъ тронѣ сѣдящаго касается, что вы о себѣ думаете? думаете-ли, что убѣжите отъ суда Божія?“ Въ словѣ „о хищеніи“ проповѣдникъ обличаетъ картежниковъ, судей и приказныхъ. Онъ доказываетъ, что картежникъ такой же хищникъ, какъ и всякій другой: „спроси всякаго картежника, ради чего онъ начинаетъ играть, не для того ли... чтобы ближняго добро присвоить“. Въ словѣ на Введеніе онъ обличаетъ пьянство: „Скаредный и вредительнѣйшій порокъ есть пьянство, говоритъ проповѣдникъ,—многихъ золъ тѣлесныхъ и душевныхъ виновное. Тѣло лишаетъ естественныя крѣпости и всякимъ болѣзнямъ подвергаетъ; душу ничто такъ, какъ пьянство, не погубляетъ. Отъ пьянства ссоры, драки, сквернословія, кличи безчинные, богомерзкія пѣсни... и прочіе соблазны происходятъ“. Но обличая пороки и угрожая за нихъ гнѣвомъ Божіимъ, св. Тихонъ, какъ любвеобильный отецъ, не лишаетъ свою паству и надежды на помилованіе, подъ условіемъ исправленія. Какъ на средства для исправленія онъ указываетъ на покаяніе, памятованіе о смерти и судѣ, а также добрыя дѣла. „Вотъ тебѣ средство и способъ, хищниче,—говоритъ онъ въ одномъ словѣ, — которымъ ты отъ грозящаго тебѣ вѣчнаго несчастія избавленъ быть можешь: разсѣки истиннымъ покаяніемъ узелъ грѣховъ твоихъ. Отдай всѣмъ все, у кого неправедно что присвоилъ... Надобно оставить отягченные сундуки, которые отъ слезъ братіи своей наполнилъ, надобно совлещись тѣхъ виссоновъ, которые отъ неправды сшилъ... Будетъ время, когда и восплачешь, да безъ пользы,—когда время покаянія пройдетъ“.

Изъ обличительныхъ словъ св. Тихона заслуживаютъ особеннаго вниманія „слово о сырной седмицѣ“ и „увѣщаніе жителямъ града Воронежа объ уничтоженіи празднества „Ярило“. Въ первомъ словѣ онъ сначала говоритъ о своей обязанности обличать безпорядки среди христіанъ; затѣмъ просто и картинно описываетъ народное масленичное празд-

нество: „варятъ пива, меды, покупаютъ вино; украшаются въ лучшее платье, женщины портятъ свое лицо различными красками; приготовляютъ пироги, конфекты и всякія закуски; зовутъ къ себѣ другъ друга: тутъ слѣдуетъ испражненіе бутылокъ, стаканы и бокалы никогда не изсыхаютъ. Не держится зло между стѣнами... является по улицамъ: тутъ возносятся кличи, пѣсни, а индѣ кулачные бои... а индѣ драки, брани, сквернословія слышатся". Объяснивъ, для чего установлена сырная седмица, проповѣдникъ обличаетъ безчинное ея празднованіе, — находитъ сходство нашей масленицы съ языческими вакханаліями, въ честь бога Вакха—изобрѣтателя вина,—напоминаетъ Евангеліе о страшномъ судѣ и заключаетъ слово отеческимъ увѣщаніемъ о приличномъ провожденіи сырной недѣли.

Въ Воронежѣ изстари праздновался языческій праздникъ, называвшійся „Ярило". Праздновался онъ ежегодно въ весеннее время — отъ Пятидесятницы до Петрова поста — и состоялъ въ слѣдующемъ: на одну изъ воронежскихъ площадей съѣзжался народъ и составлялъ родъ ярмарки. Здѣсь устраивались соблазнительныя игры, пляски съ пѣснями. Средоточіемъ этихъ игръ былъ одинъ кто-нибудь избранный изъ народа и одѣтый въ шутовской нарядъ: подъ именемъ Ярилы онъ плясалъ на площади, около него собирался народъ и лица обоего пола подражали ему въ пляскахъ. Когда, во время пребыванія св. Тихона въ Воронежѣ, началось здѣсь это празднество, св. Тихонъ рѣшился самъ поѣхать на площадь. Онъ увидалъ здѣсь „множество мужей и женъ... одни изъ нихъ были безчувственно пьяны, другіе дрались, и между ними было много окровавленныхъ, замѣтилъ плясанія женъ пьяныхъ съ скверными пѣснями"... Среди этой безчинствующей толпы онъ началъ свое обличительно-трогательное слово. Одушевленный пастырскою ревностію, онъ умолялъ, обличалъ, угрожалъ отлучить отъ церкви, и приказалъ прекратить игрище. По его приказанію, были разрушены устроенныя на площади палатки. На другой день онъ созвалъ къ себѣ все духовенство и лучшихъ гражданъ: доказывалъ имъ безобразіе праздника и умолялъ заботиться о его прекращеніи навсегда. Въ слѣдующій воскресный день

въ соборѣ, при всеобщемъ собраніи народа, онъ сказалъ свое увѣщаніе противъ праздника Ярилы въ третій разъ. Въ этомъ увѣщаніи онъ картинно описалъ все безчинство праздника и показалъ, какъ христіанамъ неприлично принимать участіе въ такихъ богомерзкихъ дѣлахъ,—каковы безчинныя игры, пляски и т. п. Праздникъ этотъ онъ называетъ языческимъ и бѣсовскимъ; чрезъ сравненіе съ плѣненіемъ израильскимъ, живо и съ глубокою скорбію онъ описываетъ порабощеніе душъ христіанскихъ отъ діавола чрезъ этотъ праздникъ. Затѣмъ съ отеческимъ увѣщаніемъ проповѣдникъ обращается къ священникамъ, судіямъ, господамъ командующимъ, отцамъ и матерямъ, гражданамъ „украшеннымъ честною сѣдиною",—и проситъ всѣхъ не допускать впередъ не христіанскихъ игрищъ. „Въ горести и болѣзни сердца обращаю мое слово къ живущимъ въ градѣ семъ, и съ плачемъ молю — истребите зло сіе изъ среды васъ". Послѣ этого онъ опровергаетъ то извиненіе, что этотъ праздникъ не новый, а давно существующій,—и въ заключеніе увѣщеваетъ предать забвенію праздникъ, „потому-что имъ имя Христово хулится, вѣра порочится и безчестится, городъ обезславливается и терпитъ укоризну пастырь церкви". „Ахъ беззаконный праздникъ! О студное имя Ярило!... — восклицаетъ проповѣдникъ,—О когда бы и не слыхать имени того! Разрушьте, молю и прошу, сонмище сіе... Предайте забвенію праздники сіи... Покайтеся!..." Во время произненія этого увѣщанія, рыданія присутствующихъ въ церкви заглушали слова святителя. Многіе изъ гражданъ послѣ подходили къ св. Тихону и просили у него прощенія. Безчинный праздникъ былъ навсегда оставленъ въ Воронежѣ. Такое благотворное дѣйствіе имѣли слова св. Тихона. Эта дѣйственость словъ его и увѣщаній обусловливалась внутреннимъ одушевленіемъ самого святителя, съ которымъ онъ ратовалъ противъ порока и призывалъ на путь добродѣтели. Воодушевленіе проповѣдника невольно сообщается и слушателю, трогаетъ его душу и производитъ въ ней рѣшимость исправиться. Слово св. Тихона можетъ служить, такимъ образомъ, образцомъ глубоко-трогательнаго краснорѣчія, предъ которымъ не могли устоять никакія исконныя суевѣрія и „без-

чинные" обычаи.—По внѣшней формѣ проповѣди св. Тихона являются въ 3-хъ видахъ: въ формѣ словъ, бесѣдъ и краткихъ наставленій. Большая часть словъ написана по правиламъ гомилетики. Въ основаніи слова поставляется текстъ по большей части нравственнаго содержанія, напримѣръ, „не укради". Общая мысль текста разсматривается по частямъ, напримѣръ, кража бываетъ явная, тайная и хитрая. Каждая часть слова подраздѣляется на частнѣйшія мысли, напримѣръ, третья часть слова на указанный текстъ раздѣлена на 9 пунктовъ. Такимъ образомъ предметъ словъ раскрывается съ достаточною полнотою и мысли излагаются въ строгомъ порядкѣ. Слогъ проповѣдей св. Тихона ясный и простой. Чтобы сдѣлать свою рѣчь болѣе наглядною, проповѣдникъ нерѣдко пользуется образами, примѣрами, сравненіями и сопоставленіями. Такими сравненіями, уподобленіями особенно обильно сочиненіе св. Тихона „Сокровище духовное отъ міра собираемое": здѣсь гармонія, порядокъ вселенной у св. Тихона служитъ образомъ взамной любви; карабль на морѣ—напоминаетъ о жизни, полной треволненій; странникъ—о нашемъ земномъ странствованіи; купецъ—о нашемъ духовномъ обогащеніи; праздничный нарядъ — о духовномъ украшеніи; горящая свѣча—о нашей жизни, постоянно сокращающейся; музыка— о хвалебномъ пѣніи Ангеловъ и т. п.—По своей живости, наглядности, простотѣ и назидательности проповѣди св. Тихона могутъ служить лучшимъ пособіемъ для народнаго проповѣдника-пастыря.

Платонъ, митрополитъ Московскій (1737—1812).

Платонъ, митрополитъ Московскій (въ мірѣ Петръ Даниловъ) родился въ 1737 г. отъ дьячка села Чашниковъ близъ Москвы. Обучался въ коломенской Семинаріи, и—затѣмъ въ Московской Славяно-Греко-Латинской Академіи, гдѣ дана была ему фамилія „Левшинъ".

Проповѣдническая дѣятельность Платона началась еще въ то время, когда онъ чрезъ два года по поступленіи въ Академію, еще во время обученія въ богословскомъ классѣ,

былъ назначенъ учителемъ „піитики“ и катихизизаторомъ. Обладая внутренними и внѣшними качествами витіи, онъ скоро заслужилъ своими поученіями въ Академіи всеобщее удивленіе и сочувствіе, такъ что въ Москвѣ его называли то „вторымъ Златоустомъ“, то „Московскимъ Апостоломъ“. Люди всякаго состоянія стекались слушать молодого катихизатора; нѣкоторые изъ его слушателей приводили къ каѳедрѣ дѣтей своихъ съ тѣмъ, чтобы они такого учителя слушали и помнили. Такое всеобщее сочувствіе къ катихизическимъ поученіямъ Платона объясняется ихъ особенными внѣшними и внутренними качествами. Изложеніе истинъ вѣры въ этихъ поученіяхъ отличается простотою и ясностію, — а это всего болѣе могло привлекать къ нимъ слушателей. „Признаюсь, — говоритъ (во вступленіи къ поученіямъ) самъ проповѣдникъ, о витійственномъ и испещренномъ слогѣ я никогда не заботился; на священномъ мѣстѣ, гдѣ устами проповѣдника бесѣдуетъ вѣчная истина, почитаю я, что оный излишенъ. Проповѣдникъ долженъ бесѣдовать къ людямъ различнаго состоянія и понятія, а потому необходимость требуетъ, чтобы духовная бесѣда была всякому удобопонятна, удаляя отъ себя сколько возможно то подозрѣніе, что будто проповѣдникъ болѣе ждетъ хвалы слушателей за свое краснорѣчивое слово, нежели ревнуетъ о насажденіи добродѣтели и страха Божія въ сердцахъ“. Особенно находилъ Платонъ неумѣстнымъ краснорѣчіе при уясненіи религіозной истины ея противникамъ. „Витійство полезно, говоритъ онъ, чтобы истину, всѣми признаваемую, въ краснѣйшемъ и лестнѣйшемъ видѣ представить, но гдѣ надобно оную, ложью побораемую, защитить и доказать, тамъ витійство не только излишне, но и вредно. Излишне: ибо правды лице само по себѣ прекрасно, безъ всякихъ притворныхъ красокъ. Вредно: ибо даетъ подозрѣніе, что защитникъ истины побѣждаетъ не тѣмъ, что истина на его сторонѣ, но только токомъ своихъ словъ и чародѣйствомъ краснорѣчія“. Относительно катихизиса онъ держался такого мнѣнія, что объяснять его нужно также просто и наглядно, какъ изъясняется дѣтямъ что-нибудь нужное: „Катихизисъ такъ толкуется, какъ въ школахъ обыкно-

венно толкуются правила, или какъ бы вы дома своимъ дѣтямъ что-нибудь нужное изъясняли... вопросъ учинивъ, толкованіе пріискивать, — и (излагать его) словами такими, которыя бы служили къ выразумѣнію, а не къ украшенію". Кромѣ этой простоты и ясности внѣшняго изложенія, отличительное качество катихизическихъ поученій Платона составляетъ современный ихъ интересъ. Излагая положительное ученіе церкви въ катихизическихъ поученіяхъ, Платонъ вмѣстѣ съ тѣмъ опровергалъ противниковъ этого ученія, указывая на неправильныя мнѣнія и взгляды, распространенные въ современномъ ему обществѣ. Такъ, при объясненіи перваго члена символа вѣры проповѣдникъ доказываетъ бытіе Божіе противъ „нѣкоторыхъ безбожниковъ", которые не признаютъ Бога и говорятъ, что міръ произошелъ безъ всякаго художника, изъ первобытной матеріи — хаоса. Изложивъ православное ученіе о Богѣ, единомъ по существу, но троичномъ въ лицахъ, и сдѣлавъ назиданіе слушателямъ, что „о Божіихъ лицахъ плотскимъ умомъ разсуждать нельзя, а надобно особое имѣть понятіе и духовнаго держаться разума", катихизаторъ говоритъ о сотвореніи Богомъ міра, опровергая мнѣніе о вѣчности міра, между прочимъ, тѣмъ, что „сколько ни есть исторій, нѣтъ ни одной, которая-бы выше семи тысячъ лѣтъ восходила". Далѣе, при изложеніи ученія о Промыслѣ Божіемъ опровергаетъ мнѣніе эпикуровъ и новыхъ матеріалистовъ о томъ, что Промысла нѣтъ. Такъ ведетъ свои объясненія катихизаторъ до конца символа, указывая на то, какъ понимаются и принимаются „таинства, открывшіяся намъ вѣрою Христовою",— и тѣмъ возбуждаетъ и поддерживаетъ живой интересъ къ своимъ поученіямъ.

Въ своихъ поучительныхъ словахъ, (говоренныхъ въ санѣ ректора Троицкой Семинаріи, намѣстника Троицкой лавры (1761—1768 г. г.) архіепископа Тверского (1770 г.) и затѣмъ — Московскаго (1778—1812 г. г.), Платонъ касался различныхъ обязанностей христіанина по отношенію къ Богу, къ церкви и ближнимъ. Основу для личнаго и общественнаго благополучія онъ поставляетъ единственно въ вѣрѣ въ Бога и добрыхъ дѣлахъ, не придавая почти никакого значенія изо-

брѣтеніямъ ума человѣческаго, непросвѣщеннаго свѣтомъ христіанской религіи, не вѣрующаго въ духовный міръ и слѣдующаго однимъ естественнымъ законамъ. Проповѣдникъ главнымъ образомъ раскрываетъ высоту нравственнаго ученія, освѣщаетъ жизнь человѣческую и ея разнообразныя отношенія, старается согрѣть невѣрующее сердце любовію къ добру, которое составляетъ цѣль жизни, и такимъ образомъ—подавить сѣмена лжемудрствованія деистовъ и натуралистовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ въ своихъ поученіяхъ онъ обличаетъ всѣхъ, кто ищетъ благъ, міра сего: чести, богатства, патроновъ, удовольствій и т. п., называя все это непрочнымъ, не могущимъ доставить спокойствія другимъ и полное блаженство поставляетъ въ познаніи Бога и въ добродѣтели. „Одна только добродѣтель,—говоритъ Платонъ, не оставляетъ любителя своего: она съ нимъ въ морѣ плаваетъ, въ странствованіи путешествуетъ, въ темницѣ утѣшаетъ, въ напастяхъ ободряетъ. Когда другіе волнуются... сокрушаются, добродѣтельный въ тихомъ своемъ пристанищѣ спокоенъ и въ сладкихъ ея нѣдрахъ опочиваетъ“.

Обращаясь къ своимъ современникамъ, проповѣдникъ не находитъ въ нихъ этого неоцѣненнаго сокровища—добродѣтели. Главнымъ двигателемъ въ современномъ ему обществѣ былъ эгоизмъ; каждый заботился только о своихъ личныхъ благахъ, не помышляя о нуждахъ ближняго. Безцѣльное накопленіе богатствъ, неправосудіе въ судахъ, недобросовѣстное исполненіе обязанностей, игры и забавы, и совершенное хладнокровіе къ положенію несчастныхъ—вотъ пороки, которыхъ въ рѣдкомъ изъ своихъ поученій не касался Платонъ. „Прошли тѣ златыя времена, говоритъ онъ въ одномъ изъ нихъ, въ которыя не было въ употребленіи сихъ словъ—мое да твое, но было все общее, да еще и единая душа оживотворяла всѣхъ. Изсякла любовь, которая есть союзъ совершенства“. (Изъ слова въ недѣлю 25-ю по Пятидесятницѣ).

Построеніе проповѣдей М. Платона самое простое. Онъ поставивши текстъ, кратко изъясняетъ его смыслъ, или всего Евангельскаго зачала, когда это нужно, и затѣмъ краткою молитвою къ Богу или обращеніемъ къ слушателямъ пере-

ходитъ къ раскрытію самого предмета. Заключеніе обычно-простое и самое краткое.

Проповѣди М. Платона производили въ свое время сильное вліяніе на современниковъ: Однажды Императрица Екатерина II-я, слушая поученіе М. Платона на день рожденія великагó князя, растрогалась до слезъ и сказала послѣ: „О. Платонъ дѣлаетъ изъ насъ все, что хочетъ: хочетъ, чтобы мы плакали и мы плачемъ".

Филаретъ, Митрополитъ Московскій.

Филаретъ, Митрополитъ Московскій,—богомудрый Святитель, строгій подвижникъ благочестія,—геніальный мыслитель-богословъ—былъ выдающимся,—обладавшимъ мощнымъ даромъ глубины и убѣдительности, проповѣдникомъ своего времени. Сила его духовныхъ талантовъ ни въ чемъ не проявилась съ такою полнотою и величіемъ, какъ въ его проповѣдяхъ. Высокія отличительныя ихъ свойства скоро были замѣчены и отличены его современниками и доставили ему славу великаго церковнаго витіи,—не только право-славно-русской церкви, но и вселенской. Но и для насъ и для грядущихъ поколѣній его слова и рѣчи, — эти перлы церковнаго слова, мѣрило проповѣдничества, составляютъ и будутъ составлять драгоцѣннѣйшее наслѣдіе: изученіе ихъ всегда будетъ приносить обильные плоды.

Митрополитъ Филаретъ (въ мірѣ Василій Дроздовъ) родился въ г. Коломнѣ—Московск. губ. въ 1782 году. Отецъ его Михаилъ Θеодоровичъ Дроздовъ былъ діакономъ (а впослѣдствіи священникомъ). Образованіе получилъ въ Коломенской Семинаріи, а затѣмъ,—по упраздненіи ея,—въ Троице-Лаврской Семинаріи. По отлично успѣшномъ окончаніи здѣсь курса онъ (въ 1803 году) былъ оставленъ при ней въ должности учителя греческаго и еврейскаго языковъ. 12 Января 1806 года ему было назначено произнести проповѣдь въ Троицкой Лаврѣ (въ день освобожденія ея отъ нашествія поляковъ). Эта проповѣдь привлекла къ нему особое вниманіе извѣстнаго въ то время проповѣдника—

Московскаго Митрополита Платона. М. Платонъ оцѣнилъ его, какъ даровитаго проповѣдника и скоро же назначилъ его учителемъ піитики и проповѣдникомъ при Троицкой Лаврѣ. Произносимыя здѣсь имъ, проповѣди стали привлекать къ нему всеобщее вниманіе и доставили ему извѣстность. Въ 1808 году онъ принялъ монашество съ именемъ Филарета, и въ томъ же году былъ назначенъ учителемъ новооткрытой Петербургской дух. Академіи, гдѣ скоро получилъ званіе баккалавра и инспектора. Въ 1809 году онъ—въ санѣ іеромонаха — былъ назначенъ ректоромъ Александро-Невскаго училища. Въ 1811 - же году Филаретъ получилъ санъ архимандрита и былъ назначенъ ректоромъ Академіи. Во все время пребыванія въ Петербургѣ онъ съ усердіемъ занимался проповѣданіемъ Слова Божія; ему назначаемы были проповѣди въ особо-важныхъ случаяхъ;—нерѣдко сановниками и вліятельными лицами онъ былъ приглашаемъ для проповѣданія въ ихъ домовыхъ церквахъ. Въ 1817 году Филаретъ былъ возведенъ въ санъ епископа Ревельскаго, викарія Петербургской епархіи, въ 1819 году,—уже въ санѣ архіепископа—Филаретъ получилъ въ управленіе Тверскую епархію, въ 1820 году былъ перемѣщенъ на Ярославскую каѳедру, а въ 1821 году получилъ въ управленіе Московскую епархію, и назначенъ Священно-Архимандритомъ Троице-Сергіевской Лавры, въ 1826 году, въ день коронованія императора Николая,—былъ возведенъ въ санъ Митрополита Московскаго, въ каковомъ санѣ и скончался въ 1867 году.— Архипастырская дѣятельность М. Филарета была обширна и разнообразна: кромѣ дѣлъ епархіальнаго уставленія, благоустроенія духовно-учебныхъ заведеній, — ему, какъ „мужу совѣта“ и умудренному знаніемъ и опытомъ, высшею духовною властію и довѣріемъ Самодержцевъ были поручаемы на разсмотрѣніе и рѣшеніе дѣла особенной важности, не только церковныя, но и государственныя. Но посреди всѣхъ таковыхъ многообразныхъ дѣлъ, онъ никогда не оставлялъ занятія проповѣдничествомъ, считая его самымъ главнымъ своимъ дѣломъ, какъ пастыря Христовой Церкви. „Слова и рѣчи“ Митрополита Филарета были изданы сначала въ 1844—1845 годахъ, въ трехъ томахъ, — а послѣ — въ

1873—1885 годахъ—въ пяти томахъ, при чемъ въ послѣднемъ изданіи онѣ расположены въ хронологическомъ порядкѣ.

Взглядъ Митр. Филарета на проповѣдь [1]). „Въ современномъ М. Филрету обществѣ, преимущественно въ сороковыхъ годахъ, на проповѣдь смотрѣли, какъ на излишнее и мало-полезное дѣло. Такой взглядъ господствовалъ не только въ свѣтскихъ слояхъ общества, но былъ раздѣляемъ и тѣми, для кого проповѣданіе слова Божія составляетъ прямую и непосредственную обязанность, т. е. духовенствомъ. И въ духовенствѣ большая часть относилась къ проповѣди, если не съ явнымъ пренебреженіемъ, то съ совершеннымъ равнодушіемъ. Строго осуждая такой образъ мыслей, какъ заблужденіе, м. Филаретъ на проповѣдь смотрѣлъ, какъ на важное и необходимое церковно-воспитательное средство, служащее къ улучшенію нравственности и къ искорененію пороковъ и недостатковъ въ обществѣ. Отсутстіе проповѣди сопровождается, по его словамъ, невѣжествомъ народа, „грубымъ незнаніемъ" даже самыхъ основныхъ правилъ религіи и нравственности, которое „ведетъ къ грубымъ порокамъ" [2]). „Считавшіе проповѣдь напраснымъ трудомъ и излишнимъ занятіемъ, говорили, между прочимъ, что поучать вѣрующаго вѣрѣ будто значитъ тоже, что учить ученаго. М. Филаретъ, показывая несостоятельность подобнаго утвержденія, слѣдующимъ образомъ доказываетъ необходимость проповѣди: „и ученому нужно возобновлять пріобрѣтенныя познанія и пріобрѣтать новыя, однимъ словомъ, учиться", потому что и познанное можетъ забыться, и можно отстать отъ науки, которая постоянно развивается. „Подобнымъ образомъ, или еще болѣе, нужно вѣрующему непрестанно поучаться вѣрѣ и умозрительно, и дѣятельно: ибо иначе надлежитъ опасаться, чтобы и засвѣтившійся въ сердцѣ свѣтъ вѣры, безъ благоразумнаго наблюденія и поддержанія, не погасъ" [3])...

---

[1]) См. статьи Н. Лихачева; взгляды М. Филарета на проповѣдь въ Моск. церк. вѣдомостяхъ за 1894 годъ, №№ 25 и 26-й.

[2]) Собр. мн. и отз. II, 22—24.

[3]) Слова и рѣчи Фил. IV. 101; ср. II, 74, 365; III, 117; V, 247; Собр. мн. и отз. II, 162, 220.

Въ частности, потребность живаго слова, по мнѣнію м. Филарета, объясняется самыми духовными нуждами паствы. Слово церковнаго проповѣдника должно строго соотвѣтствовать духовному состоянію поучаемыхъ [1]), проповѣдь должна быть близко примѣнима къ ихъ нуждамъ и жизненнымъ потребностямъ [2]). Въ виду существовавшаго мнѣнія, по которому будто-бы устная проповѣдь является излишней при возможности распространенія въ народѣ путемъ печати назидательныхъ сочиненій,—которыя нужно сказать не для всѣхъ доступны, такъ что, лишивъ изустнаго наставленія, очень многихъ придется оставить безъ всякаго поученія—помимо того, что живое, прочувствованное слово убѣдительнѣе дѣйствуетъ печатнаго,—М. Филаретъ внушаетъ, что — „всегдашній долгъ служителя алтаря неусыпно проповѣдывать слово Божіе [3]).

М. Филаретъ не отрицалъ необходимости употребленія въ церковной проповѣди риторическихъ пріемовъ. Вопросъ о примѣненіи правилъ риторики къ проповѣди его не мало занималъ, какъ показываетъ составленный имъ „Краткій обзоръ способовъ, которыми можно духовное юношество довести до основательнаго знанія науки объ изящномъ“, въ которомъ онъ говоритъ, что церковное или духовное краснорѣчіе, какъ одинъ изъ важныхъ родовъ краснорѣчія вообще, должно быть серьезно изучаемо духовнымъ юношествомъ, и въ которомъ указываетъ порядокъ, источники, объемъ и пособія этой науки (чтеніе и разборъ лучшихъ ораторовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, упражненія въ подражаніи имъ со стороны учащихся) [4]). М. Филаретъ не отрицалъ въ проповѣди краснорѣчія, только требовалъ, чтобы оно не было на первомъ мѣстѣ и главною цѣлію проповѣди, чтобы „обильнымъ струямъ слова равнялись и соотвѣтствовали глубина мысли и чистота языка“ [5]), и строго осуждалъ тѣхъ проповѣдниковъ, которые, упуская изъ виду настоящую цѣль проповѣди, выше всего въ ней ставили „искусство слова“.

---

[1]) Слова и р. II, 43.
[2]) Собр мн. отз. II, 22—24; III, 29—30; Резолюціи, 14—15 стр.
[3]) Сл. и р. III, 117.
[4]) Собр. мн. и отз. I, 8—11.
[5]) ibid. III, 386.

Слово такихъ проповѣдниковъ не даетъ пищи слушателямъ: „съ трапезы ихъ,—говоритъ м. Филаретъ,—сыплются только сухія плевы, или цвѣты, увеселяющіе, но не питающіе“ [1]). Онъ хотѣлъ, чтобы въ проповѣдяхъ занимались „болѣе дѣлами, нежели словами“ [2]), заботились болѣе „о спасительномъ и полезномъ, а не объ одномъ красноглаголаніи“ [3]),—ибо „остроуміе часто убиваетъ истину“ [4]). Проповѣдники должны для слушателей быть настоящими руководителями, „словомъ располагать къ искреннему сознанію своей предъ Богомъ виновности... вообще къ очищенію совѣсти и жизни“, заботиться объ ихъ спасеніи [5]); должны, не увлекаясь краснорѣчіемъ, „порабощать красоту и свободу слова строгости высшей истины. Велико-ли будетъ достоинство дѣла (проповѣдника), если красивые цвѣты слова окажутся безплоднымъ пустоцвѣтомъ? Не лучше-ли, чтобы въ нихъ скрыто было плодотворное сѣмя назидательной истины, и чтобы они издавали благоуханіе нравственной чистоты“ [6])?

„По воззрѣнію М. Филарета церковная проповѣдь—не форма высшаго краснорѣчія, дѣйствующаго на возбужденіе страстей, главное въ ней—не личность проповѣдника, а слушатели, которыхъ проповѣдникъ долженъ *назидать*, „не изображать предъ ними своихъ впечатлѣній и не изливать своихъ чувствованій“; время, опредѣленное для проповѣди, назначено „преимущественно для ученія“ [7]). Проповѣдь должна быть *„назидательнымъ размышленіемъ“* [8]); въ ней нужно дѣйствовать не только на сердце, но и на умъ слушателей, и прежде всего на умъ. Прежде всего нужно подѣйствовать на мысль, убѣдить умъ; хорошія же и сильныя мысли сами по себѣ увлекательны и дѣйствуютъ на сердце, хотя бы высказывающій ихъ не выражалъ по поводу ихъ своего личнаго чувства. „Убѣжденіе ума,—говоритъ м. Филаретъ въ одной изъ своихъ проповѣдей,—само собою не-

[1]) Сл. и р. II, 244.
[2] и [34]) Собр. мн. и отз. II, 38.
[3]) Юб. Сб. I, 168.
[4]) ibid. 47, 105; V, 290; ср. Собр. мн. и отз. IV, 33.
[5]) ibid. V, 299.
[6]) ibid. III. 433.
[7]). ibid IV, 32.
[8]) ibid. V. 44.

рерождается въ живое чувство сердца, и по той мѣрѣ, какъ свѣтъ отъ солнца правды умножается въ умѣ,—согрѣвается и воспламеняется сердце“ [1]). Умъ и сердце въ проповѣди дѣйствуютъ взаимно, преобладающею же силою является умъ: онъ питаетъ и возбуждаетъ сердце“...

По воззрѣнію М. Филарета,—каждымъ словомъ проповѣдника должно управлять Св. Писаніе [2]), его „размышленіе будетъ достовѣрно, когда оно основано на непреложной истинѣ Св. Писанія“ [3]), которое „безошибочно и не можетъ подлежать подозрѣнію въ ласкательствѣ“ [4]). Въ церковномъ дѣйствованіи, въ частности, въ проповѣди „твердо и благонадежно только то, чему въ основаніи положено слово Божіе, примѣры и ученіе святыхъ“ [5]). Въ твореніяхъ св. Отцовъ, въ которыхъ „лежатъ сокровища духа апостольскаго“, [6]) проповѣдники могутъ находить „всѣ духовныя познанія и опыты“ „Предлежитъ-ли кому подвигъ охраненія св. вѣры отъ неправославія? Да ищетъ таковый себѣ образца и руководства въ жизни и словѣ такихъ наставниковъ, какъ великіе Аѳанасій и Василій, Григорій Богословъ и Златоустъ“ [7]). Тѣмъ проповѣдникамъ, у которыхъ „свои мудрованія не удаются“, м. Филаретъ совѣтуетъ, „какъ можно, чаще пользоваться свидѣтельствами и выписками“ изъ твореній этихъ просвѣщенныхъ служителей вѣры [8]).

„Поставляя главнымъ предметомъ проповѣди разъясненія истинъ слова Божія и основъ христіанской нравственности, м. Филаретъ не отрицалъ въ проповѣди и приспособленія ко времени и обстоятельствамъ, какъ сообщающее проповѣди жизненность [9]), внушая при этомъ только быть крайне осторожными, сообразоваться и съ своими силами, и съ самымъ предметомъ, съ потребностями и желаніями слушателей. „Для насъ (проповѣдниковъ), говорилъ онъ,

---

1) ibid. I ч., 292.
2) ibid. 232.
3) ibid. IV, 523.
4) ibid. V, 471.
5) Собр. мн. и отз. I, 146.
6) Сл. и р. IV, 51.
7) ibid. 191.
8) Юб. Сб. I, 169, 237.
9) Пис. къ Алексію, 238.

безопаснѣе и надежнѣе, какъ и сообразнѣе съ нашимъ долгомъ, работать на своемъ полѣ, говорить о вѣрѣ и нравственности" [1]), чѣмъ распространяться о явленіяхъ современной жизни, о событіяхъ политическаго характера, гдѣ нужна особенная осторожность и умѣнье, чтобы „напрасно не сойти съ церковной дороги и не оступиться въ яму на дорогѣ политической" [2]). Входить въ спорныя подробности по вопросамъ общественно—политическимъ, дѣлать какія-либо предположенія особенно о предметахъ, окончательно еще не разрѣшенныхъ,—крайне опасно и несогласно съ званіемъ церковнаго проповѣдника: каѳедра церковная—мѣсто ученія и религіозно-нравственнаго наставленія, а не политическая трибуна. Но иногда современныя событія непремѣнно должны быть предметомъ церковнаго слова, напр. губительныя повѣтрія, страшные политическіе перевороты, войны. Въ такихъ случаяхъ каждый ждетъ съ церковной каѳедры слова утѣшенія, ободренія и руководства [3])"...

„Приспособленіе къ народному пониманію, по его мнѣнію, не означаетъ того, чтобы проповѣдникъ „примѣнялся къ предразсудкамъ, привычкамъ самой необразованной части народа, занимался мелкими пересудами,—ибо въ церкви неприлично говорить о низкихъ и безобразныхъ предметахъ и подробностяхъ жизни народа, иначе вмѣсто назиданія отъ проповѣди получится смѣхъ" [4]). Оно должно быть „со всеможнымъ примѣненіемъ мыслей, чувствованій и языка къ степени разумѣнія и къ состоянію слушателей, съ тою токмо осторожностью, чтобы къ простотѣ не примѣшалось что-либо низкое, грубое и смѣшное" [5])"...

„Говоря о продолжительности поученій, М. Филаретъ замѣчаетъ: „И краткое слово можетъ принести пользу. Народъ нашъ не довольно настроенъ къ напряженному и продолжительному вниманію; краткое, но близкое къ разумѣнію и къ сердцу, слово онъ беретъ и, не роняя, уноситъ" [6])...

---

1) П. къ Выс. Особ. II, 32.
2) Письма къ Алексію. 194.
3) Собр. мн. и отз. III, 244.
4) ibid. 215—217.
5) ibid. II, 24.
6) П. къ Выс. Особ. I. 189.

„О пользѣ краткаго слова въ одной своей проповѣди онъ такъ образно выражается: „Если не снопами, какъ богатые, то, хотя по подобію бѣдныхъ, малыми класами и зернами собирай на великой нивѣ церкви сѣмя жизни, довольно и симъ образомъ соберешь, чтобы засѣять твою малую духовную ниву“ [1]) [2]).

Свойства проповѣдей митрополита Филарета — это: богатство, сила и высота мыслей, строжайшая послѣдовательность въ развитіи темы, сжатость, точность и правильность слога.

Богатство мыслей. Вполнѣ справедливо замѣчено про проповѣди, Филарета, — что „онѣ блещутъ мыслями, какъ алмазами“. Дѣйствительно, каждая проповѣдь Филарета отличается обиліемъ мыслей, притомъ мыслей оригинальныхъ, новыхъ. Глубокій умъ проповѣдника открываетъ въ каждомъ предметѣ такія стороны, которыя для поверхностнаго взгляда незамѣтны; сосредоточившись своею мыслію на какомъ-либо предметѣ, избранномъ для проповѣди, проповѣдникъ не оставляетъ его до тѣхъ поръ, пока не разсмотритъ со всѣхъ сторонъ.

Сила мыслей. Со всесторонностію раскрытія предметовъ проповѣди,—съ богатствомъ мыслей, у Филарета соединяется основательность — сила мыслей. Высказывая какую-либо мысль, Филаретъ старается представить для этой мысли и твердыя основанія. Основанія для всѣхъ своихъ мыслей и сужденій онъ главнымъ образомъ заимствуетъ отъ Слова Божія. Про его проповѣди можно сказать, что онѣ отличаются библейскимъ характеромъ, такъ какъ не только общая мысль каждой изъ нихъ, но и всѣ частныя мысли основаны на точныхъ выраженіяхъ Слова Божія. По сему то онѣ — сильны и убѣдительны. Напрасно нѣкоторыми считается лучшею та проповѣдь, которая основана на собственныхъ разсужденіяхъ проповѣдника и въ которой нѣтъ ни одного текста. Какъ бы ни были прекрасны разсужденія проповѣдника, но онѣ не имѣютъ силы и убѣдительности, если нѣтъ

---

[1]) Сл. и р. II, 88.
[2]) Моск. Церк. Епарх. Вѣд. 1897 г., № 25-й. Взгляды М. Филарета на пропов. Н. Лихачевъ.

для нихъ твердыхъ основаній, взятыхъ изъ Слова Божія. Если же проповѣдь проникнута духомъ Слова Божія, если въ ней слышится голосъ св. отцовъ и учителей церкви, то она исполнена силы христіанскаго убѣжденія. Конечно, сила эта не въ обиліи текстовъ, но въ вѣрности и соотвѣтствіи воззрѣній и сужденій, высказываемыхъ въ проповѣди, воззрѣніямъ Слова Божія. Подлинные тексты Св. Писанія только лишь подтверждаютъ эту вѣрность сужденій. Проповѣди Филарета и представляютъ образецъ въ томъ отношеніи, что воззрѣнія, высказываемыя въ нихъ, — воззрѣнія библейскія; собственныя же разсужденія проповѣдника служатъ лишь къ дальнѣйшему раскрытію и уясненію этихъ основныхъ воззрѣній.

При разсудочномъ характерѣ проповѣди М. Филарета не чужды и средечности. Въ своихъ проповѣдяхъ М. Филаретъ по преимуществу разсуждаетъ, размышляетъ, и дѣйствуетъ въ особенности на мысль, старается убѣдить умъ. Свои проповѣди онъ называетъ не иначе, какъ „разсужденіями“, изслѣдованіями, размышленіями. Въ проповѣдяхъ—онъ приглашаетъ своихъ слушателей „вникнуть въ его слова“, „послѣдовать за нимъ около ума“. Но нужно замѣтить, что при такомъ своемъ разсудочномъ характерѣ слова Филарета не чужды и сердечности. Напрасно Филарета представляютъ только лишь сухимъ и строгимъ мыслителемъ, чуждымъ всякаго чувства. Напротивъ, онъ не только не лишенъ былъ чувства сердечности, но выказывалъ иногда сильныя проявленія чувства. О силѣ его чувства довольно ясно говоритъ его способность къ поэзіи. (Извѣстны нѣкоторыя изъ его стихотвореній: „Вечерняя пѣснь путешественника: Къ тебѣ, о путь непреткновенный, къ Тебѣ Путь истинный, живой, взываетъ путникъ утомленный...“ Или отвѣтное стихотвореніе Пушкину: „не напрасно, не случайно жизнь отъ Бога мнѣ дана“...) Правда при чтеніи проповѣдей М. Филарета не бываетъ того быстро возникающаго и еще быстрѣе исчезающаго чувства, которое имѣетъ своимъ источникомъ громкія фразы и чувствительныя тирады, возбуждающія, но не питающія сердце слушателя. Чувство, выражающееся въ проповѣдяхъ Филарета имѣетъ своимъ источникомъ глу-

бокое и основательное пониманіе христіанскихъ истинъ. А извѣстно, что хорошія и сильныя мысли, высказанныя въ проповѣди, сами по себѣ увлекательны и дѣйствуютъ на сердце, хотя бы проповѣдникъ и не высказывалъ своего чувства по поводу ихъ. Въ словѣ Филарета слышится краснорѣчіе сердца, искренно убѣжденнаго въ истинѣ евангельской и собственнымъ опытомъ дознавшаго ея божественную силу. Умъ и сердце проповѣдника дѣйствуютъ взаимно, но только преобладающею силою является умъ: онъ питаетъ и возбуждаетъ сердце. Участіе сердца проповѣдника съ особенною ясностію проявляется тамъ, гдѣ онъ говоритъ о событіяхъ, въ которыхъ открывается благость Божія къ человѣку: каждый моментъ изъ исторіи нашего спасенія вызываетъ глубокое чувство проповѣдника. Такъ въ словѣ на Благовѣщеніе Пр. Дѣвы, останавливаясь надъ этимъ важнымъ моментомъ и переносясь мыслію къ тому времени, проповѣдникъ самъ хочетъ какъ бы пережить его, прочувствовать его за тогдашній безчувственный, распущенный міръ. „Дивны Твои тайны, Богородице!“—восклицаетъ онъ—„кто слышитъ Твой тихій глаголъ въ Твоей затворенной молитвенной храминѣ?... Кто провидитъ какія огромныя дѣла ведетъ за собой Твое малое слово?“ [1]). Сердце слушающаго и читающаго проповѣди Филарета невольно услаждается созерцаніемъ небесныхъ истинъ, раскрываемыхъ проповѣдникомъ со всею возможною полнотою.

Высота мыслей. Въ своихъ проповѣдяхъ Филаретъ является знаменитымъ богословомъ: проповѣди его заключаютъ въ себѣ, такъ сказать, полноту богословствующей мысли о всѣхъ существенныхъ предметахъ христіанскаго ученія. Раскрытіе этого ученія въ проповѣдяхъ его, отличается возвышеннымъ богословско-созерцательнымъ характеромъ. По склонности къ богословствованію, по высотѣ и возвышенности богословскихъ созерцаній, М. Филаретъ напоминаетъ собою св. Григорія Богослова, творенія котораго онъ изучалъ съ особенною любовію. Догматы вѣры составляютъ какъ извѣстно, главный предметъ собесѣдованія св. Григорія. Есть цѣлый

---

[1]) Т. I, 157 стр.

рядъ словъ его, извѣстныхъ подъ именемъ словъ о Богословіи, въ которыхъ излагается христіанское ученіе о Богѣ Отцѣ, Сынѣ и Св. Духѣ. „О Св. Троицѣ я чаще говорю, нежели дышу“ говоритъ св. Григорій. „Отринувъ весь міръ, говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ,—все мятущееся въ мірѣ, убѣжимъ какъ можно скорѣе на небо, гдѣ окрестъ неизреченнаго, тройственнаго свѣта сіяютъ многія красоты“. И у М. Филарета въ проповѣдяхъ мысль постоянно обращается къ Богу, къ предметамъ духовнымъ, небеснымъ. Высокія истины Откровенія въ его проповѣдяхъ занимаютъ главное мѣсто: его мысль чаще всего къ нимъ обращается, на нихъ останвливается, ихъ облекаетъ, какъ бы нѣкоею боголѣпною, свѣтящеюся одеждою, — возвышенными и глубокими созерцаніями.

Практическій элементъ въ проповѣдяхъ М. Филарета. Но есть въ числѣ проповѣрей М. Филарета, проповѣди и нравственнаго, практическаго характера. Таковы его слова: „противъ роскоши въ одеждѣ и убранствѣ“, „во время губительной болѣзни“, „бесѣда противъ невоздержанія“ и другія, содержащія въ себѣ наставленія и убѣжденія слушателей къ добродѣтели, нравственности, покаянію. По ученію проповѣдника не всегда время богословствовать. „И въ день Господень, въ домѣ Божіемъ, говоритъ онъ, не свободно богословствовать, потому-что свѣтъ созерцанія закрывается туманомъ скорби, и заботливые помыслы прерываютъ нить размышленія и слова“. [1]) Отсюда ясно, что если проповѣдникъ въ другое время богословствуетъ въ своихъ проповѣдяхъ, то очевидно онъ дѣлаетъ это не по привычкѣ только разсуждать, изслѣдовать, но по сознанію настоятельной необходимости предлагать слушателямъ раскрытіе, изъясненіе истинъ христіанскаго вѣро-ученія... „Въ наше время, говоритъ Филаретъ, когда съ раннихъ лѣтъ жизни стараются возбуждать и усиливать мысленную дѣятельность, — когда души легко засѣваются мыслями плевельными, — особенно нужно воззывать людей къ размышленію чистому, возвышенному, благочестивому“. [2]) Раскрывая нравственныя обязанности, М. Филаретъ особенно

1) Ч. 2-я, 119 стр.
2) Ч. 3-я, 57 стр.

любилъ говорить о человѣколюбіи, милосердіи, справедливости, о любви къ бѣднымъ, больнымъ, обиженнымъ. Такія напримѣръ чувства справедливости и любви къ общественному благу внушаетъ онъ въ „трехъ словахъ при избраніи судей:“ Въ одномъ изъ нихъ проповѣдникъ примѣромъ Моvсея, просившаго Господа послать другого для изведенія Израиля изъ Египта, учитъ искателей права начальствовать, чтобы они подумали, способны ли они начальствовать или судить, а также внушаетъ благороднымъ людямъ, что неприлично, неблагородно предпочитать свои личные интересы интересамъ общественнымъ и убѣгать отъ дѣлъ общественныхъ; избирателямъ проповѣдникъ внушаетъ узнать между избирателями Моvсея и отличить отъ него Корея. Въ другомъ словѣ, потому же случаю, на текстъ: „руки скоро не возлагай ни на кого-же“, проповѣдникъ совѣтуетъ избирателямъ руководиться въ дѣлѣ избранія ни личными желаніеми, ни знакомствами, а единственно общественною пользою; въ противномъ случаѣ, „ваши гладкіе шары“, говоритъ Филаретъ, „превратятся въ острые стрѣлы, которыя уязвятъ общественное благосостояніе“. Третье слово проповѣдникъ обращаетъ къ новоизбраннымъ судьямъ и рѣшаетъ вопросъ: чѣмъ должны руководиться они при исполненіи своихъ обязанностей? Указавъ на законы и здравый разумъ, какъ на ближайшіе источники для руководства, проповѣдникъ находитъ однако-жъ, что они не могутъ избавить судью отъ погрѣшностей и только постоянная мысль о Богѣ, о томъ, что Онъ взыщетъ за неправые суды можетъ предохранить отъ неправыхъ рѣшеній и приговоровъ. 1)

Проповѣди о разныхъ неблаговидныхъ обычаяхъ общества. Проповѣди М. Филарета знакомятъ и съ разными сторонами жизни его современниковъ: съ ихъ обычаями, правилами приличій, съ ихъ „нездравыми понятіями и неправыми правилами“. Проповѣдникъ говоритъ, что многіе неблаговременно являются къ богослуженію,—потому что отнятое у богослуженія время „посвящали тѣлу, изъ котораго творили кумиръ“, что для

---

1) Ч. 2, 225—227.

многихъ храмъ не мѣсто молитвы, а мѣсто „свиданій, разговоровъ, даже распрей", такъ что „грѣховный шумъ празднословія нерѣдко сражается съ церковными звуками чтенія и пѣнія". [1]) Онъ вооружается противъ обычая устроятъ около церквей въ дни храмовыхъ праздниковъ балаганы—„оныя недобрыя скиніи, приготовляемыя для служенія лакомству или піянству, и для суетныхъ зрѣлищъ". [2]) Ему непріятно, что многіе люди „зрѣлаго возраста" посвящаютъ время мірскимъ зрѣлищамъ, гдѣ „игрушка-вещь или игрушка-человѣкъ играютъ вниманіемъ ихъ ума и движеніями сердца, гдѣ разновидно олицетворенныя страсти и пороки оспариваютъ у нихъ похвалы, берутъ у нихъ деньги, можетъ быть, тѣ деньги, въ которыхъ отказано бѣдному". [3]) Онъ осуждаетъ христіанъ и христіанокъ, идущихъ на поприще искусства танцованія, уже по тому одному воспоминанію, непріятному для размышляющаго, что это искусство награждено нѣкогда въ лицѣ Иродіады усѣченною главою проповѣдника покаянія и цѣломудрія, и вообще искусство незаслуживающее уваженія, какъ игра недружная съ тихимъ и безмолвнымъ житіемъ [4]).

Проповѣди о необходимости правильнаго образованія. М. Филаретъ ясно сознавалъ необходимость правильнаго образованія для современнаго общества и въ своихъ проповѣдяхъ старался раскрывать свойства истиннаго просвѣщенія. Онъ опровергаетъ мысль, что просвѣщеніе должно быть направлено исключительно къ образованію ума, „къ обогащенію людскими мудрованіями, неосновывающимися на Словѣ Божіемъ". Просвѣщать нужно не только умъ, но и сердце,—всего человѣка. Хорошо, если воспитатель будетъ стараться посѣять въ душѣ воспитываемаго прежде всего сѣмена духовнаго ученія; ученіе божественное очиститъ и освятитъ ученія человѣческія; если же благочестіе не будетъ положено въ основаніе мірскихъ ученій, то они не будутъ основательны; а ученія неосновательныя не устрояютъ

---

1) Ч. 2, 73.
2) Ч. 2, 74.
3) Т. 1, 47.
4) Ч. 1, 245.

жизни, а только лишь надмеваютъ; надменный мнимымъ знаніемъ всего чаще ставитъ себя выше своего состоянія и алчетъ возвышенія, блеска, наслажденія и, преслѣдуя мечты, разстраиваетъ дѣйствительность [1]). Одно свѣтское образованіе безъ религіи не можетъ доставить человѣку и утѣшенія въ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. „Одна религія и притомъ откровенная примиряетъ умъ человѣка съ зрѣлищемъ бѣдствій, которое возмущаетъ его. Суетная же мудрость человѣческая много обѣщаетъ, но мало можетъ [2])." Но для пріобрѣтенія духовной мудрости, познанія религіозныхъ истинъ недостаточно одного „естественнаго разума безъ высшаго управленія откровеніемъ" [3]). „Души жаждущія пріидите ко Христу, говоритъ въ одномъ словѣ проповѣдникъ. Онъ Одинъ можетъ утолить вашу жажду истины, ибо Самъ есть истина" [4]),

Проповѣди противъ раскола. Нѣкоторыя изъ проповѣдей, произнесенныхъ при освященіи храмовъ, М. Филаретъ посвящаетъ обличенію раскола. Проповѣдникъ опровергаетъ мнѣніе раскольниковъ объ оскудѣніи въ церкви благодати, основанное на томъ, что теперь нѣтъ чудесъ въ церкви, и говоритъ, что „отсутствіе чудесныхъ знаменій" нисколько не свидѣтельствуетъ объ оскудѣніи въ церкви благодати. „Не то уже время, говоритъ онъ,—когда надлежало слабое растеніе вѣры сохранить и оживить силою внѣшнихъ чудесъ; въ наше время нужно вѣрѣ живой въ Іисуса Христа укрѣпляться и производить чудесные плоды безъ внѣшнихъ подпоръ" [5]). Заблужденія раскольниковъ, по словамъ М. Филарета, состоятъ въ удаленіи отъ церкви и ея пастырей, въ искаженіи таинствъ,—въ особенности-же брака и евхаристіи. Источникомъ всѣхъ заблужденій раскольниковъ, М. Филаретъ признаетъ ихъ невѣжество [6]).

По внѣшней формѣ большая часть проповѣдей Филарета относится къ разряду словъ: въ нихъ одна мысль раскры-

---

1) Слово по освященіи храма Св. Маріи Магдалины.
2) Ч. 2, 28.
3) Ч. 1, 152.
4) Слово на освященіе храма Пр. Богородицы.
5) Т. 2, 15.
6) Т. 2, 112.

вается въ строгой послѣдовательности и связи. М. Филаретъ нерѣдко говорилъ и привѣтственныя рѣчи при посѣщеніи Москвы Государемъ. Эти краткія рѣчи замѣчательны по оригинальности мыслей, по неожиданнымъ и блестящимъ оборотамъ. Внѣшнее изложеніе — слогъ у М. Филарета отличается сжатостію и точностію. Выраженіе мыслей точное и краткое, отчасти обусловливало и ихъ силу, такъ какъ извѣстно, что и хорошая мысль производитъ менѣе сильное впечатлѣніе, если она выражена въ растянутой фразѣ или повторена въ однозначущихъ выраженіяхъ.

Такимъ образомъ, какъ по возвышеннымъ и глубокимъ мыслямъ, такъ и по ихъ внѣшнему-строго послѣдовательному и точному изложенію проповѣди Филарета, Митрополита Московскаго, могутъ быть названы въ полномъ смыслѣ образцовыми. Изъ всѣхъ видовъ духовной письменности, оставленной М. Филаретомъ, преимущественно онѣ доставили ему славу и знаменитость въ области духовной литературы. Слова и рѣчи его навсегда останутся идеаломъ церковной проповѣди глубокой, блещущей обиліемъ, силою и высотою мысли, къ которому долженъ стремиться всякій проповѣдникъ. По нимъ воспитались и на нихъ утверждались и утверждаются нѣсколько поколѣній проповѣдниковъ. Онѣ на долгое время будутъ представлять образцы христіанскаго витійства въ православной Россіи, перлы церковнаго слова, мѣрило проповѣдничества. Въ руководящихъ постановленіяхъ высшей духовной власти [1]), въ руководствахъ по теоріи и исторіи проповѣдничества, а также въ учебникахъ по русской словесности имя М. Филарета, какъ проповѣдника, занимаетъ одно изъ самыхъ почетныхъ мѣстъ среди другихъ знаменитыхъ проповѣдниковъ.

Иннокентій, Архіепископъ Херсонскій.

Иннокентій, архіепископъ Херсонскій (въ мірѣ Иванъ Борисовъ), родился въ 1800 году. Отецъ его былъ священникомъ города Сѣвска Орловской епархіи. Образованіе получилъ—сначала въ Воронежскомъ дух. училищѣ, затѣмъ въ

[1]) Собр. мн. и отз. II, 78—79; 118—120 и др.; Указъ Св. Син. 1883 г. 7 нбр.

Орловской дух. семинаріи,—и наконецъ высшее—въ Кіевской дух. академіи. Послѣ отличнаго окончанія здѣсь курса, въ 1823 году, онъ былъ опредѣленъ профессоромъ и инспекторомъ въ С.-Петербургскую дух. семинарію, а чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ ректоромъ Александро-Невскаго дух. училища, гдѣ принялъ иночество съ именемъ Иннокентія. Въ 1829 году Иннокентій назначенъ былъ профессоромъ богословскихъ наукъ и инспекторомъ С.-Петербургской дух. академіи, а въ 1830 году былъ переведенъ на должность ректора въ Кіевскую дух. академію. Десятилѣтнее управленіе имъ академіей оставило по себѣ неизгладимую память въ ея исторіи: онъ поднялъ учебное дѣло въ ней на соотвѣтствующую высоту, дѣйствуя и своимъ личнымъ примѣромъ выдающагося профессора-богослова и своимъ необыкновенно-сильнымъ обаяніемъ и вліяніемъ на другихъ. Кромѣ исполненія своихъ прямыхъ обязанностей, Иннокентій съ усердіемъ занимался проповѣданіемъ Слова Божія: въ Кіево - Софійскомъ соборѣ, Кіево-Печерской лаврѣ, Кіево-братскомъ монастырѣ: его краснорѣчивыя проповѣди здѣсь привлекали всегда многочисленныхъ слушателей. Желая послужить дѣлу народнаго просвѣщенія въ духѣ вѣры Христовой и печатнымъ словомъ, онъ предпринялъ изданіе журнала „Воскресное Чтеніе“, — пользовавшееся всегда особымъ вниманіемъ и любовію отъ любителей духовно-нравственнаго чтенія. Начальство скоро оцѣнило его многообразные и полезные труды: въ 1836 году онъ получилъ „лично присвоенную“ ему степень первокласснаго архимандрита, а вскорѣ послѣ сего—былъ возведенъ въ санъ епископа Чигиринскаго, викарія Кіевской митрополіи. Въ 1841 году онъ былъ назначенъ на епархіальную каѳедру въ Вологду, и скоро же былъ переведенъ въ Харьковъ. Отсюда онъ былъ назначенъ архіепископомъ Херсонскимъ, въ каковомъ санѣ и скончался въ 1857 году. На всѣхъ мѣстахъ своего епископскаго служенія — Иннокентій былъ славенъ въ особенности своимъ краснорѣчіемъ: увлекательныя, необыкновенно сильно-дѣйствующія проповѣди просвѣщеннаго архипастыря вездѣ пробуждали къ нему сердечныя чувства любви и глубокаго почитанія. Его величіе, какъ пастыря-учителя и утѣшителя своей паствы, съ особою си-

лою выразилось во годину тяжелой Севастопольской войны. Во время бомбардированія гор. Одессы, — онъ неустанно поучалъ и утѣшалъ свою паству, не прекращая богослуженія и поученій даже подъ градомъ сыпавшихся на городъ снарядовъ, и являя себя по истинѣ ангеломъ-утѣшителемъ устрашеннаго народа. Кромѣ поученій въ гор. Одессѣ, онъ отправлялся въ самыя мѣста происходившихъ сраженій и совершалъ богослуженія въ лагерной церкви, во время пушечной пальбы укрѣпляя своимъ пастырскимъ словомъ самоотверженныхъ — русскихъ воиновъ, защитниковъ Севастополя.

Сочиненія архіепископа Иннокентія,—содержаніе которыхъ составляли главнымъ образомъ его многочисленные разнообразные проповѣдническіе труды,—изданы въ 1872—1874 голахъ (книгоиздателемъ Вольфомъ) въ 10-ти томахъ.

Наставленіе Преосвящ. Иннокентія проповѣдникамъ.

Относительно главныхъ условій успѣшнаго проповѣдничества, Иннокентій, въ бытность свою ректоромъ Кіевской дух. Академіи, далъ студентамъ слѣдующее наставленіе: „Пишите, говорилъ онъ имъ, во первыхъ просто, безъ всякихъ умствованій: умствованія не въ духѣ евангельской истины.— Видите, какъ евангельскія истины просты и доступны для каждаго, и какъ онѣ обильны мыслями. Читаемъ и не начитаемся. Пишите, во-вторыхъ, не съ тѣмъ, чтобы показать себя или, такъ сказать, блеснуть: этой цѣли вы опасайтесь; иначе далеко уклонитесь отъ успѣха. Намъ нужно убѣдить, наставить, вразумить. Вотъ цѣль проповѣдника! Но главное: вы сами должны быть прежде всего убѣжденными въ той истинѣ, какую хотите передать другимъ, а для этого нужна твердая вѣра и доброе сердце. Въ третьихъ помните, что, исходя на средину церкви для проповѣданія, вы выходите какъ бы на всемірную апостольскую проповѣдь, что вы тоже, что посланники Божіи. Представивъ все это, вы невольно возблагоговѣете предъ своимъ высокимъ назначеніемъ и произнесете проповѣдь прекрасно. Наконецъ, въ четвертыхъ, касательно слушателей: принимайте ихъ, кто бы они ни

были, не болѣе, какъ за вашихъ учениковъ, — и вы будете говорить смѣло и свободно; говорите, а не читайте; старайтесь говорить наизустъ и слушатели всегда останутся довольными".

Отличительный характеръ проповѣдей А. Иннокентія. Проповѣди Архіепископа Херсонскаго Иннокентія по своему характеру замѣтно отличаются отъ проповѣдей Митрополита Московскаго Филарета. Характеристическую черту проповѣдей Филарета составляетъ глубокомысліе. разсудочность: Филаретъ старался дѣйствовать преимущественно на умъ. Между тѣмъ Иннокентій своими проповѣдями желалъ затронуть чувство. Самъ онъ опредѣляетъ характеръ своей проповѣди при вступленіи на Харьковскую паству такими словами: „*слово мое и проповѣдь моя не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи Духа и Силы; да вѣра ваша не въ мудрости человѣчестѣй, но въ силѣ Божіей будетъ* (1 Кор., 2, 1). Горе было-бы, братіе мои и вамъ и намъ, если-бы св. вѣра наша не имѣла другого основанія и опоры, кромѣ ума и мудрости человѣческой! Тогда и она подлежала бы тѣмъ же жалкимъ превратностямъ, коимъ всегда подлежали и всегда будутъ подлежатъ произведенія дѣятельности человѣческой. Тогда, вмѣсто того, чтобы служить незыблемою опорою и успокоеніе для души нашей во всѣхъ искушеніяхъ жизни, св. вѣра сама была-бы непрестанно обуреваема недоумѣніями, колеблема возраженіями и спорами, и имѣла бы нужду въ защитѣ отъ навѣтовъ того же разума, который во всѣхъ случаяхъ, а тѣмъ болѣе въ дѣлахъ вѣры, гораздо способнѣе сомнѣваться и вопрошать, нежели отвѣчать и рѣшать сомнѣнія". Такимъ образомъ, по воззрѣнію Иннокентія, проповѣдникъ не долженъ полагаться на силу разума въ рѣшеніи и изъясненіи истинъ вѣры христіанской: онъ долженъ болѣе всего надѣяться на силу и мудрость Духа Божія, Который устами проповѣдника возвѣщаетъ эти истины и дѣлаетъ ихъ обаятельными для сердца". „Братія мои, говоритъ Иннокентій, когда вы видите предъ собою проповѣдника христіанскаго, не мните, чтобы онъ вѣщалъ вамъ одинъ: нѣтъ, вмѣстѣ съ нимъ всегда присутствуетъ невидимо и дѣйствуетъ другой, высшій Настав-

никъ—Самъ Духъ Святой. Безъ Него все наше краснорѣчіе и всѣ наши убѣжденія были бы яко мѣдь звенящая и кимвалъ звяцай (1 Кор. 13, 1), — а съ Нимъ самая простота и безыскусственность всесильны". Какъ произведенія Св. Духа, истины христіанскія убѣдительны сами по себѣ: „въ самыхъ истинахъ и таинствахъ вѣры христіанской заключается такая внутренняя мощь и жизнь, что онѣ вполнѣ могутъ замѣнить собою всякое искусство проповѣдника, тогда какъ ихъ ничто замѣнить не можетъ". Источникъ вѣры въ эти истины, по воззрѣнію Иннокентія, лежитъ не въ умѣ, не въ разумныхъ основаніяхъ и доводахъ, а въ сердцѣ, потому-что и по слову Апостола, „сердцемъ вѣруется въ правду". Сердечныя, внутреннія побужденія къ вѣрѣ гораздо сильнѣе и убѣдительнѣе, нежели доводы и основанія разумныя. Если такъ, если въ сердцѣ находится источникъ и начало вѣры, то на сердце и долженъ дѣйствовать тотъ, кто желаетъ возбудить и поддержать вѣру. Какими-же средствами можно дѣйствовать на сердце, чтобы возбудить въ немъ вѣру въ истины евангельскія? Этотъ вопросъ Иннокентій рѣшаетъ практически, — своими проповѣдями. Изъ разбора ихъ можно замѣтить, что Иннокентій дѣйствуетъ на сердце слѣдующими способами:

1) *Чрезъ наглядное, живое изображеніе истинъ*. Извѣстно, что наше чувство внутреннее—сердце, по своимъ проявленіямъ имѣетъ весьма близкую аналогію съ нашимъ чувствомъ внѣшнимъ: Какъ для обнаруженія чувства внѣшняго необходимо требуется, чтобы предметы были видимы, осязаемы и т. д.,— такъ и для возбужденія чувства внутренняго требуется образное, наглядное и живое представленіе истины. Наше сердце тогда и можетъ вполнѣ почувствовать истину, получить отъ неъ полное впечатлѣніе, когда она выражена не въ отвлеченныхъ понятіяхъ, но представлена въ живой, образной формѣ. Какъ одаренный силой богатаго воображенія, А. Иннокентій имѣлъ полную возможность удовлетворить этому требованію сердца—требованію образнаго выраженія истины. Предметы, избираемые для проповѣди, — онъ описываетъ яркими красками, сближаетъ съ другими предметами, противополагаетъ,—однимъ словомъ пользуется всѣми пріемами,

чтобы представить эти предметы въ живыхъ художественныхъ образахъ. Всего болѣе живости и художественности мы находимъ въ тѣхъ словахъ Иннокентія,—гдѣ ему приходилось пользоваться громаднымъ запасомъ естественныхъ знаній. Въ нихъ проповѣдникъ развернулъ свой талантъ во всемъ его блескѣ, обрисовывая предметы кистью живописца и сообщая имъ краски и позолоту своего роскошнаго воображенія. Таковы напримѣръ его три слова о веснѣ.

Три слова о веснѣ. Въ 1-мъ изъ этихъ словахъ проповѣдникъ проводитъ параллель между днями творенія міра и днями весенняго обновленія природы. „Какъ тамъ, говоритъ онъ, свѣтъ былъ, такъ сказать, главною причиною организаціи міра и развитія безконечной цѣпи существъ, такъ и здѣсь. Сначала солнце увеличиваетъ свѣтъ и теплоту, бросая лучи на землю вертикально, вслѣдстіе этого таютъ снѣга, и воды уходятъ въ океанъ. Земля освободившись отъ водъ, произращаетъ всякую траву, а вода и воздухъ наполняются безчисленными обитателями... Все вездѣ возраждается; на поляхъ, въ лѣсу и въ воздухѣ проявляется жизнь, все движется, поетъ, радуется, даже камни безчувственные орошаются и украшаются мхомъ. Недостаетъ только господина, для котораго приготовлена разнообразная природа... Какъ-бы въ заключеніе творенія появляется и онъ, вышедши изъ заключенія въ четырехъ стѣнахъ и сбросивъ съ себя звѣриныя кожи, въ которыхъ прятался отъ стужи“.

„*Три седмицы*“. Способность Иннокентіи къ живому художественному изображенію религіозныхъ истинъ выразилась и въ его знаменитыхъ „седмицахъ“. Слова его на три седмицы: 1-у великаго поста, страстную и свѣтлую изложены у него въ стройномъ порядкѣ, какъ нѣчто цѣлое,—изображающее все наше спасеніе. 1-я седмица выражаетъ собою нашу временную жизнь, какъ приготовленіе къ вѣчности, — причемъ „нашъ духъ наиболѣе освящается исповѣдью и причастіемъ“. „Въ суды мірскіе, говоритъ проповѣдникъ, являются для того, чтобы оправдаться; и кто больше устранилъ обвиненій, тотъ болѣе правъ. Здѣсь въ судъ духовный являются для того, чтобы обвинить себя и кто болѣе призналъ свою виновность, тотъ наиболѣе

свободенъ". Въ словахъ на страстную седмицу изображаются страданія Господа, открывающія намъ доступъ къ вѣчности;— въ семи словахъ „со креста" проповѣдникъ изображаетъ наше соединеніе съ Богомъ чрезъ страданія Господа,—и вмѣстѣ научаетъ жертвовать всѣмъ для Господа, за насъ пострадавшаго. Свѣтлая седмица—Пасха есть осуществленіе нашихъ надеждъ, нашей вѣры и нашей любви. Одни мы, христіане, не только несемъ крестъ но и празднуемъ воскресеніе. „Гдѣ же, — восклицаетъ проповѣдникъ, — столько жизни, какъ въ христіанствѣ? Какое великое счастіе быть христіаниномъ"!

Обличительныя слова Иннокентія, какъ и слова, въ которыхъ раскрываются истины вѣры и нравственности, отличаются тою-же живостію и образностію. Таково напр. его слово „противъ ушедшихъ въ театръ наканунѣ дня Св. Троицы". Это слово напоминаетъ собою слово св. І. Златоуста противъ ушедшихъ на зрѣлище въ великій пятокъ, которое начинается словами: „Можно-ли это снести, можно-ли это стерпѣть"? Подобнымъ же образомъ начинается и слово Иннокентія. „Гдѣ взять слезъ для оплакиванія того, что случилось вчера... Какъ изобразить стыдъ и матернее сокрушеніе святой церкви"!.. Упреки, которые далѣе проповѣдникъ влагаетъ въ уста иностранцевъ-артистовъ и дѣйствія, которыя имъ приписываетъ, до того наглядны и естественны, что лучшаго нельзя желать. „Были мы въ странѣ",—такъ говорятъ артисты-иностранцы,—„славящейся православіемъ, видѣли нравы ея жителей и не знали, что подумать о нихъ. Что есть худого, отъ чего мы стараемся освободиться, то все есть у нихъ и считается за совершенство. Въ высшемъ классѣ особенно трудно узнать, какой они вѣры? Ибо судите, что случилось въ одномъ изъ знаменитыхъ городовъ. Наступалъ праздникъ Св. Троицы; церковь употребила все съ своей стороны, чтобы собрать и привлечь ихъ на вечернее богослуженіе, отличающееся торжественностью... Мы же... разбросали нѣсколько объявленій... Въ нашихъ странахъ мы остались бы безъ слушателей... у нихъ напротивъ. Не знаемъ, много-ли было въ церкви, но нашъ домъ, несмотря на обширность, до того

былъ полонъ, что намъ было совѣстно, что мы отняли столько людей у храма Божія". [1]). Обличеній современныхъ нравовъ и обычаевъ встрѣчается немало въ проповѣдяхъ Иннокентія: обличенія эти жизненны,—касаются тѣхъ недостатковъ, которые у всѣхъ, такъ сказать,—предъ глазами. Такъ въ одномъ изъ словъ Иннокентій говоритъ противъ современныхъ модныхъ обычаевъ, по которымъ многіе стыдятся ставить въ домахъ св. иконы, а вмѣсто нихъ украшаютъ стѣны портретами знаменитыхъ людей. Въ другомъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ тѣхъ современныхъ ему христіанъ православныхъ которые неправильно и торопливо крестятся: „недугующія расколомъ чада церкви ревнуютъ конечно не по разуму, прививая спасеніе къ кресту осьмиконечному, но нехорошо и то, что у нѣкоторыхъ христіанъ крестъ сдѣлался, можно сказать, вовсе безконеченъ, такъ что не знаешь, какое дать названіе той несчастной линіи, которую они чертятъ на себѣ вмѣсто знаменія крестнаго".

2) Иннокентій особенно любилъ проповѣдывать о такихъ истинахъ и раскрывать ихъ съ тѣхъ сторонъ, которыя наиболѣе близки нашему сердцу. Искупленіе человѣка, сила страданій Спасителя, что необходимо намъ для спасенія—вотъ предметы, которые онъ избиралъ изъ круга догматическихъ и нравственныхъ истинъ и на которыхъ съ особеннымъ вниманіемъ останавливался въ своихъ проповѣдяхъ. А извѣстно, что истины о нашемъ спасеніи и о Спасителѣ наиболѣе другихъ истинъ способны пробуждать наше чувство: Чрезъ живое изображеніе страданій Спасителя,—необходимости и важности для насъ совершеннаго Имъ искупленія,—онъ и желалъ возбуждать въ сердцахъ чувства любви и благодарности къ Спасителю. Раскрывая истины христіанскаго ученія, Иннокентій не вдается въ глубокія теоретическія изслѣдованія основаній сихъ истинъ (какъ напр. М. Филаретъ), но по преимуществу занимается практическою стороною догматовъ, показывая ихъ соотвѣтствіе съ нашими духовными нуждами (напр. Т. I, стр. 82, 84, 85, 90).

3) Сильное впечатлѣніе на чувство производилъ также

1) Т. I. стр. 440.

Иннокентій особыми, ему свойственными, пріемами въ построеніи проповѣди, неожиданными, — остроумными сближеніями предметовъ, блестящими оборотами рѣчи и т. п. А извѣстно, что все неожиданное, поразительное производитъ на насъ сильное впечатлѣніе, — дѣйствуетъ на чувство. Такими особенными, неожиданными пріемами въ построеніи отличается, напр., его проповѣдь въ великій пятокъ, въ которой онъ воспользовался священнымъ церковнымъ обыкновеніемъ поставлять среди храма въ этотъ день плащаницу и св. Евангеліе на ней. Проповѣдь начинается слѣдующими словами: „когда дѣти соберутся ко гробу отца, или подданные ко гробу владыки, то послѣ слезъ и сѣтованія первымъ дѣломъ бываетъ узнать послѣднюю волю умершаго... Пострадавшій Господь оставилъ намъ завѣщаніе. Дерзнемъ же разгнуть сію священную книгу, которая заключаетъ въ себѣ это завѣщаніе“. Сказавъ это, онъ подошелъ къ плащаницѣ, раскрылъ Евангеліе и прочиталъ текстъ: „Миръ оставляю вамъ, миръ Мой даю вамъ! (Іоан. 11, 27)“. Впечатлѣніе, произведенное этимъ дѣйствіемъ, говорятъ, было удивительно сильное. Продолжая проповѣдь, Иннокентій привелъ въ ней тексты: Мѳ. X, 38 —(иже хощетъ по мнѣ ити да отвержется...) Іоан. XIV, 1, 12, 13, 15, 7; 16, 21, 33 („да не смущается сердце ваше... Безъ Мене не можете творити ничесоже“) и сдѣлалъ изъ нихъ слѣдующій выводъ: „Такова воля Господа: хощешь царства, пріими крестъ; изнеможешь подъ крестомъ, обратись ко Отцу; промедлитъ услышать Отецъ, предстанетъ въ помощь Сынъ“. Заканчивается проповѣдь словами: „Ты, Господи, завѣщалъ (т. е. царство небесное), Ты и исполни“! (т. е. помоги достигнуть его) [1]). Столь же сильное впечатлѣніе произвела и другая извѣстная краткая проповѣдь Иннокентія въ великую пятницу,—гдѣ высказана мысль, что при распятіи Іисуса Христа на Голгоѳѣ не было проповѣди: тамъ только радали и били „въ перси своя“; поэтому, подражая одному благочестивому пустыннику (Макарію великому), который своей братіи, ожидавшей отъ него наставленія, сказалъ: „братіе, станемъ плакать“—„и всѣ пали на землю

---

[1]) Т. IV, 243;

и пролили слезы",—и „мы, взываетъ проповѣдникъ къ слушателямъ, начнемъ молиться и плакать".

А вотъ нѣсколько примѣровъ удачныхъ и остроумныхъ сближеній предметовъ, неожиданныхъ вопросовъ, блестящихъ оборотовъ рѣчи изъ словъ Иннокентія: „Наконецъ, братіе мои, насъ всѣхъ учитъ само небо"! [2]). „Слышали-ли вы громъ, видѣли-ли молнію? Эта молнія сверкнула здѣсь, этотъ громъ прогремѣлъ въ семъ храмѣ", — (разумѣется здѣсь проповѣдникомъ слово Апостола: аще кто не любитъ Господа Іисуса Христа да будетъ проклятъ (I. Кор. 16, 22): — таково начало одной его проповѣди. Или напр. въ проповѣди по случаю землетрясенія въ Кіевѣ, Иннокентій предложилъ такіе вопросы: „откуда подана жалоба на нашъ городъ? Къ какомъ мѣстѣ переполнилась мѣра беззаконія, что земля трясется, не можетъ вынести гнѣвнаго взора Владыки?.. „Развращенное и нераскаянное сердце—говоритъ далѣе проповѣдникъ, — есть такая тяжесть, которой и всемогущество Божіе не можетъ поднять на высоту!.." *Изъ бесѣды въ день осады г. Одессы.* „Вы устрашились сего браннаго звука, произведеннаго вражеской рукой, и, стоя на молитвѣ, не устыдились по своему маловѣрію пасть на землю; но какой страхъ и ужасъ объиметъ грѣшную душу, когда архангельскій звукъ трубы воззоветъ насъ на всеобщій судъ!" Такими словами началъ Иннокентій свою бесѣду (при окончаніи литургіи)—въ соборномъ храмѣ г. Одессы,—когда французы и англичане бомбадрировали Одессу (въ 1854 г.) и стѣны храма было поколебались, а стекла задрожали отъ страшнаго взрыва...

Планъ въ проповѣдяхъ Иннокентія. Что касается плана и расположенія поученій Иннокентія, то во многихъ изъ нихъ нѣтъ надобности искать строгаго аналитическаго раскрытія мыслей. Онъ не былъ склоненъ къ строгой системѣ въ проповѣди, отличающей многихъ даровитыхъ проповѣдниковъ, тѣмъ не менѣе проповѣдь его всегда представляетъ одно законченное цѣлое. Онъ убѣждаетъ не силою и достоинствомъ логическихъ доводовъ, а живымъ изображеніемъ истины, ко-

---

[2]) Т. I. 653.

торая непосредственно можетъ дѣйствовать на душу. Можно сказать, что Иннокентій не философъ, а художникъ въ дѣлѣ проповѣди. Часто поэтому проповѣди его представляютъ рядъ художественныхъ картинъ, художественныхъ повѣствованій, жизне описаній и т. п., тѣмъ болѣе увлекательныхъ, что онѣ посвящаютъ читателя въ тайны духовной жизни: таковы, напр., его проповѣди „въ недѣлю св. праотецъ и св. отецъ“, или многія его проповѣди историческаго содержанія.

4) „Для слушанія проповѣдей Иннокентія, всегда произносившихся безъ пособія тетрадки, голосомъ чистымъ и звучнымъ, съ необыкновеннымъ жаромъ и усердіемъ, проповѣдей, которыя умиляли, трогали, поражали, восторгали слушателей, всегда стекались несмѣтныя толпы. Знаменитый проповѣдникъ — импровизаторъ тѣмъ большее впечатлѣніе производилъ на своихъ слушателей, что позволялъ себѣ иногда употреблять особые, ему только свойственные внѣшніе пріемы при произнесеніи своихъ проповѣдей. Для произношенія проповѣди онъ выходилъ къ слушателямъ, взявъ въ лѣвую руку свой архипастырскій жезлъ. Стремительное движеніе находившихся въ храмѣ богомольцевъ, изъ которыхъ каждый обыкновенно старался стать поближе къ проповѣднику, не дозволяло Иннокентію тотчасъ начинать свое слово. Послѣ нѣсколькихъ минутъ молчанія когда въ церкви устанавливался надлежащій порядокъ, раздавался пріятный голосъ Иннокентія: „во имя Отца и Сына и Святаго Духа“. Если проповѣдь начиналась Евангельскимъ текстомъ, то въ это время одинъ или два изъ служащихъ діаконовъ выносили изъ алтаря Евангеліе, и проповѣдникъ, раскрывъ его, читалъ соотвѣтствующее мѣсто. За текстомъ слѣдовало начало проповѣди, которое одно способно было произвести достаточное впечатлѣніе. Произнеся начало своей проповѣди, окинувъ затѣмъ быстрымъ „орлинымъ“ взоромъ всѣхъ предстоящихъ, и полминуты подумавъ, Иннокентій на полшага обыкновенно приближался къ своимъ слушателямъ, какъ бы въ знакъ того, что Пастырь желалъ побесѣдовать съ пасомыми не только сердцемъ къ сердцу, но лицомъ къ лицу, и проповѣдь принимала свое обычное теченіе. Самое начало рѣчи, говоритъ одинъ изъ слушателей Иннокентія, всегда говорило, кто начинаетъ говорить. Но потокъ этого стре-

мительнаго водопада сначала всегда почти былъ тихъ, и какъ бы съ задержкою, но туда дальше на серединѣ и подъ конецъ рѣчи, катился быстро, стремительно, неудержимо, восхищалъ и все собой уносилъ!.. Случалось нерѣдко, видѣть: витія на минуту останавливается! Видишь, что здѣсь нѣтъ ничего заготовленнаго прежде; видишь чистый экспромтъ и удивляешься воодушевленію витіи; не то, чтобъ онъ, остановившись, сконфузился или смѣшался; нѣтъ напротивъ, всегда принималъ болѣе важный видъ, рѣшительный тонъ, и какъ будто съ неба полагалъ кто-то въ уста витіи, всегда почти за такими остановками,—самые интересные вопросы. И какъ бывало непріятно, когда предъ *аминь* владыка останавливался; думаешь, еще что-то сказано будетъ, и слышишь: аминь! Кажется, каждый произноситъ: „ахъ жаль, ахъ досадно!“... Потому окончаніе проповѣди всегда почти сопровождалось неудовольствіемъ слушающихъ за то, что прервалась рѣчь“... *). Всѣми этими необыкновенными качествами слова, затрогивающими чувство, Иннокентій производилъ громадное впечатлѣніе. Вся Россія единогласно признала его славянскимъ Златоустомп; нѣкоторые изъ его проповѣдей переведены на иностранные языки.

Сравнительное значеніе для проповѣдниковъ проповѣдей М. Филарета и А. Иннокентія.

Въ проповѣдяхъ А. Иннокентія нѣтъ той глубины и богатства мысли, какъ у М. Филарета. Но за то онѣ отличаются силою чувства и богатствомъ воображенія. Можно сказать, что эти два знаменитые проповѣдника пополняютъ одинъ другого. Чрезъ чтеніе проповѣдей Филарета каждый проповѣдникъ можетъ образовать способность и навыкъ къ проповѣдническому раскрытію религіозныхъ истинъ,—заимствуя изъ нихъ глубокія и сильныя мысли для своихъ проповѣдей, и примѣняя эти мысли къ понятіямъ слушателей, къ различнымъ обстоятельствамъ ихъ жизни. Чрезъ чтеніе проповѣдей Иннокентія проповѣдникъ можетъ развить въ себѣ силу чувства и способность воображенія, и научиться тому, какъ высокія христіанскія истины облекать въ живые, обаятельные для сердца образы.

---

*) Образцы русской проповѣди. С. Булгакова. Приложеніе, стр. 56—57.

Іоаннъ, епископъ Смоленскій († 1869 г.), какъ проповѣдникъ.

Преосвященный Іоаннъ, епископъ Смоленскій (въ мірѣ Владиміръ Соколовъ), родился въ г. Москвѣ, 5 іюля 1818 года. Отецъ его, Сергій Ѳеодоровичъ Соколовъ, былъ священникомъ Вознесенской церкви, въ бывшемъ Варсонофіевскомъ монастырѣ. Образованіе получилъ сначала въ Московскомъ духовномъ училищѣ (Высокопетровскомъ), потомъ въ Московской дух. Семинаріи, гдѣ по своимъ дарованіямъ замѣтно отличался отъ своихъ товарищей*), наконецъ — въ Московской дух. Академіи. По окончаніи здѣсь курса — въ 1842 году, — со степенью магистра, и по принятіи иноческаго чина, онъ былъ рукоположенъ въ іеродіакона, а 5 сентября 1842 года былъ посвященъ во іеромонаха въ Чудовомъ монастырѣ Высокопреосвященнымъ Митрополитомъ Московскимъ Филаретомъ, — который молодому даровитому иноку оказывалъ особое вниманіе. Какъ одинъ изъ лучшихъ воспитанниковъ Академіи, іеромонахъ Іоаннъ былъ оставленъ академической конференціей при Академіи по классу нравственнаго богословія. Но не долго пришлось ему послужить въ родной Москвѣ и Академіи. Въ 1844 году іеромонахъ Іоаннъ былъ переведенъ въ С.-Петербургскую духовную Академію на классъ каноническаго права. Лекціи его здѣсь по сему предмету настолько были увлекательны, что, по словамъ бывшихъ тогда слушателей, поглощали собой вниманіе всѣхъ студентовъ**). Въ 1848 году іеромонахъ Іоаннъ былъ возведенъ въ санъ архимандрита; а въ 1853 году за свое сочиненіе „Опытъ курса церковнаго законовѣдѣнія“ онъ былъ возведенъ въ ученую степень доктора богословія. Въ 1855 году архимандритъ Іоаннъ назначается ректоромъ С.-Петербургской дух. Семинаріи. Въ концѣ своего служенія въ этой должности онъ прославился, какъ знаменитый проповѣдникъ***). Въ 1857 же году, по опредѣленію Св. Синода,

---

*) „Странн.“ 1869 г. IV, 45 стр.

**) „Странникъ“ 1869 г., IV, 48 стр.

***) Преосвященный Іоаннъ, еп. Смоленскій. Его жизнь и проповѣдническіе труды Н. Романскаго. М. 1887 года, 21 стр.

состоялось назначеніе его ректоромъ и профессоромъ въ Казанскую дух. Академію. Здѣсь онъ особенно прославился, какъ даровитый духовный писатель и знаменитый проповѣдникъ-ораторъ****). Въ 1864 году онъ былъ перемѣщенъ на должность ректора и профессора въ С.-Петербургскую дух. Академію, гдѣ оригинальными по мыслямъ лекціями—импровизаціями производилъ сильное впечатлѣніе на студентовъ*), а въ началѣ слѣдующаго года былъ возведенъ въ санъ епископа Выборгскаго, викарія. С-Петербургской епархіи. 9 ноября 1866 года состоялось опредѣленіе епископа Іоанна на Смоленскую каѳедру. Здѣсь проповѣдническій талантъ его достигъ, можно сказать, полнаго своего расцвѣта и развитія. Имя преосвященнаго Іоанна скоро стало для Смольнянъ — синонимомъ знаменитаго церковнаго оратора. Что они любили его слушать, и привыкли видѣть въ лицѣ его прежде всего своего любимаго проповѣдника, это между прочимъ ярко обнаружилось въ томъ названіи „шапка-говорунъ",—которое простодушіе Смольнянъ усвоило его митрѣ (бѣлой съ золотой сѣткой), въ которой онъ неизмѣнно являлся на церковной каѳедрѣ**). Но недолгое время преосвященный Іоаннъ украшалъ собою Смоленскую каѳедру. Ученые труды и непрерывная напряженная дѣятельность надломили его слабое здоровье. 17 марта 1869 года онъ окончилъ многоплодное поприще своей земной жизни, оплакиваемый своей паствой.

Въ сборникѣ „Бесѣдъ, поученій и рѣчей" преосвященнаго Іоанна (изд. 1876 года,—2-го изданія книгопродавца Лаврова) помѣщено всего 30 его проповѣдей. Кромѣ того мы имѣемъ въ печати еще 60 проповѣдей его, изъ коихъ одна—произнесена въ Троицкой Лаврѣ, (5 іюля) въ бытность его баккалавромъ Московской Академіи, 24—въ Петербургѣ, 6—приготовлены для произнесенія въ Казани и остальныя 29 — сказаны въ Смоленскѣ***). Но это не все, безъ сомнѣнія,

****) Тамъ же, стр. 24.
*) Тамъ же, стр. 32—33.
**) Тамъ же, стр. 138. Предисловіе къ 1-му изданію „Бесѣдъ, поученій и рѣчей" преосвящ. Іоанна 1871 года.
***) Тамъ же, стр. 135.

что было сказано ревностнымъ, способнымъ къ проповѣданію Слова Божія и любившимъ это дѣло, архипастыремъ, который стяжалъ себѣ славу, — какъ одинъ изъ видныхъ представителей русскаго церковнаго проповѣдничества.

Іоаннъ, еп. Смоленскій, какъ представитель современнаго публицистическаго направленія въ русской проповѣди. Іоаннъ, еп. Смоленскій, можетъ быть названъ представителемъ современнаго публицистическаго направленія въ русской проповѣди. Проповѣдничество такого направленія поставляетъ своей задачей разсмотрѣть съ православно-христіанской точки зрѣнія современныя явленія и вопросы общественной жизни, тѣ идеи, которыми волнуется современное русское общество, тѣ ложныя ученія и воззрѣнія, которыми оно увлекается. Въ проповѣдяхъ догматико-нравственнаго направленія (напр., М. Филарета, А. Иннокентія) имѣются также указанія на эти современныя явленія, идеи,—ученія, но онѣ разсматриваются тамъ не съ тою подробностію, какъ у проповѣдниковъ публицистическаго направленія. Притомъ нужно отличать нравообличеніе въ проповѣди, направленное противъ общихъ недостатковъ, которые могутъ быть присущи христіанамъ разныхъ временъ, отъ изображенія тѣхъ духовныхъ язвъ, которыми болѣетъ именно современное проповѣднику христіанское общество и которыя составляютъ отличительную его черту. Въ проповѣдяхъ публицистическаго направленія изъясняется и положительное православно-христіанское ученіе, но лишь въ связи съ вопросами и нуждами современной общественной жизни: истины христіанскія раскрываются тѣ именно, какія имѣютъ ближайшее отношеніе къ вопросу общественной жизни, — служащему темой для проповѣди,—и съ той именно стороны, какая наиболѣе необходима для освѣщенія этого разсматриваемаго проповѣдникомъ, вопроса или явленія общественной жизни. Большая часть проповѣдей догматико-нравственнаго направленія могутъ быть приложимы къ христіанамъ разныхъ временъ. Проповѣди же публицистическаго направленія носятъ на себѣ современный отпечатокъ и характеръ, такъ какъ онѣ служатъ какъ бы отвѣтомъ на тѣ теченія и запросы общественной жизни,

которые вмѣстѣ съ нею постоянно видоизмѣняются, перерождаются и совершенствуются.

Причины, вызвавшія такое именно публицистическое направленіе въ русской проповѣди, можно находить въ обстоятельствахъ времени. Послѣ севастопольской войны, въ средѣ русскаго общества,—въ отвѣтъ на начатыя правительствомъ новыя реформы и улучшенія, — развивается стремленіе къ умственному и нравственному обновленію Россіи, начинается „необычайное напряженіе... въ общественномъ организмѣ Россіи, неудержимое рвеніе впередъ ея умственныхъ и нравственныхъ силъ“ *), замѣчается всеобщій интересъ къ вопросамъ общественнымъ; всюду слышатся сужденія и толки; русскія силы начинаютъ просыпаться отъ нравственнаго усыпленія. Церковь, въ лицѣ своихъ представителей, какъ бы идетъ навстрѣчу этому возбужденію умственныхъ и нравственныхъ силъ образованнаго русскаго общества.

„Можетъ ли не сочувствовать этому времени церковь?“,— спрашиваетъ въ одномъ словѣ (на новый 1859-й годъ) Іоаннъ, еп. Смоленскій. — „О, церковь должна, — говоритъ онъ, — и готова тысячу разъ повторять ударъ этого часа во всѣ колокола, чтобы огласить всѣ концы и углы Россіи, чтобы пробудить всѣ чувства русской души и во имя христіанской истины и любви, призвать всѣхъ сыновъ отечества къ участію и содѣйствію въ общемъ, великомъ дѣлѣ возрожденія“. „Переходное время, говоритъ онъ въ другомъ словѣ, **) само по себѣ болѣзненное и тяжелое, можетъ сдѣлаться опаснымъ, какъ скоро приметъ неправильное теченіе... Подъ внѣшнимъ видомъ возрожденія ты можешь удержать въ себѣ на вѣки корни зла, или ты можешь придти къ худшему вмѣсто лучшаго. Вотъ въ эти то дни твоего небезопаснаго положенія, мы, служители Бога, должны неусыпно, нелицепріятно предстоять тебѣ... съ голосомъ истины и съ скрижалями вѣры! Голосъ истины долженъ вразумлять тебя; скрижали вѣры руководить твой духъ“.

*) Слово на новый 1859-й годъ, Іоанна, еп. Смоленскаго, Прав. Собес. 1859 г., I. стр. 236.

**) „Христ. Чт.“ 1865 г., I, стр. 199.

Кромѣ начавшагося возрожденія и обновленія Россіи,— въ русской жизни этого времени были волненія и тревоги другого рода, — вызываемыя наплывомъ съ запада теорій отрицанія и невѣрія, силящихся поколебать вѣковыя основы нашей жизни и основать все на началахъ чуждыхъ и даже враждебныхъ православію. Въ виду таковыхъ дерзкихъ стремленій поколебать весь строй нашей общественной жизни, — въ виду открыто и прямо заявленныхъ возраженій противъ основныхъ началъ нашей жизни — религіи и нравственности, преосв. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ, не считалъ себя въ правѣ — ограничиться однимъ раскрытіемъ положительныхъ истинъ христіанскихъ. Нравственное зло слишкомъ глубоко пустило корни въ современномъ русскомъ обществѣ, упорство въ невѣріи и отрицаніи коренныхъ началъ жизни слишкомъ дерзко заявляли о себѣ. Онъ видѣлъ, что одно только простое направленіе слова противъ недуговъ современныхъ не принесло бы пользы и подало бы поводъ врагамъ Христовой вѣры и церкви глумиться надъ безсиліемъ христіанской проповѣди. Нужно было по сему коснуться самыхъ основъ современныхъ ученій, показать ихъ лживость и шаткость, а равно—раскрыть вредныя послѣдствія увлеченія ими; нужно было предохранить сомнѣвающихся отъ колебаній въ вѣрѣ и увлеченій соблазнительными теоріями,—и представить истины христіанскія во всемъ ихъ блескѣ и величіи; нужно было позаботиться о томъ, чтобы новыя благія правительственныя начинанія и реформы ввести въ самую общественную жизнь, — необходимо было принять церковныя мѣры къ тому, чтобы эти новыя начала не были искажены на практикѣ; нужно было разъяснить всему русскому народу истинный смыслъ и значеніе, благихъ реформъ, съ тѣмъ, чтобы привить ихъ къ жизни *).

Все это требовало по необходимости отъ русской проповѣди направленія общественнаго, публицистическаго.

„Нынѣ, — говоритъ преосвящ. Іоаннъ, когда поднимаются рѣзкіе вопросы, направленные къ самымъ основамъ жизни

---

*) Преосвящ. Іоаннъ, еп. Смоленскій. Его жизнь и пропов. труды. Н. Романскаго. 200—203 стр.

народной, когда умы приходятъ въ усиленное напряженіе и развиваютъ совершенно новыя идеи и стремленіи въ обществѣ нашемъ, когда возникаютъ мысли о коренныхъ преобразованіяхъ въ Россіи, въ идеи ея возрожденія;—всѣ мы должны крѣпко стоять на точкѣ вѣры, и эта точка должна быть такъ возвышенна и тверда, чтобы не потрясли ее никакія волны своевольныхъ мнѣній и своенравныхъ страстей" [1]). „Что дѣлать,—спрашиваетъ онъ, когда говоритъ о современномъ ему положеніи умственной и нравственной жизни Россіи,—что дѣлать въ особенности намъ, новымъ молодымъ дѣятелямъ, къ которымъ Церковь по преимуществу обращаетъ свои надежды, народъ—свои вопросы, общество—свои взоры, міръ—свои стрѣлы, а Богъ—Свой судъ? Свѣта и теплоты,—отвѣчаетъ онъ, словомъ огня, огня въ нашемъ ученіи, въ нашемъ духѣ, въ нашей жизни: вотъ чего требуетъ Церковь! Свѣтить свѣтомъ Христовой истины, проводя ее въ народъ, въ ея живомъ, дѣйственномъ духѣ, въ яркихъ и сильныхъ чертахъ Евангелія, а не въ однѣхъ общихъ основахъ отвлеченныхъ поученій, или въ неясныхъ, безжизненныхъ образахъ школьной науки; свѣтить свѣтомъ собственнаго духа, внося въ церковную дѣятельность ясную мысль, сознательное убѣжденіе, неизмѣнныя начала и твердую систему, а не одни преходящія мнѣнія и случайныя соображенія; зорко слѣдить и свѣтомъ церковной науки и идеи освѣщать, не оставляя на произволъ міра вопросы времени, касающіеся вѣры, церкви и насъ... Неустанно и неусыпно стоять на стражѣ вѣры и церкви, въ непрерывной борьбѣ съ ея врагами, внутренними и внѣшними; ни на минуту не измѣнять Церкви въ правахъ и пользахъ ея, и не жертвовать ими никакимъ видамъ міра, чѣмъ бы ни старался онъ увлечь насъ, обольстить или устранить, чтобы обезсилить насъ [2])"... „Мы слуги Вышняго,—говоритъ онъ, обращаясь къ Россіи, — обязанные говорить тебѣ правду, внушать добро и помогать твоему нравственному преспѣянію"... [3]).

---

[1]) „Христ. чт.". 1865 г. Т. 1, 265 стр.
[2]) „Христ. чт.". 1865 г. Т. 1, 65—67 стр.
[3]) Тамъ же, стр. 200.

Такимъ образомъ, по воззрѣнію преосвящ. Іоанна, проповѣдь, какъ общественная сила, должна возбуждать, и обсуждать при свѣтѣ религіознаго ученія, животрепещущіе вопросы текущей общественной жизни, вопросы, составляющіе живой интересъ современнаго человѣчества. Въ виду сближенія проповѣди съ дѣйствительною жизнію во всѣхъ ея проявленіяхъ, преосвящ. Іоаннъ поставляетъ задачей проповѣди: показавъ несостоятельность, ненормальность ложнаго направленія жизни, указать путь истинный, какимъ можно спастись и въ сферѣ бытовой, общественной жизни, показать и научить, какъ должно и можно жить по-христіански и въ той самой жизненной обстановкѣ, при тѣхъ современныхъ условіяхъ жизни, въ какихъ находятся его слушатели. Въ этомъ отношеніи преосвящ. Іоаннъ, какъ проповѣдникъ, представляетъ собою примѣръ осуществленія того общаго требованія отъ пастыря, по которому послѣдній долженъ сообразовать свою дѣятельность съ современною ему дѣйствительностію, которая по неизбѣжнымъ законамъ историческаго развитія всегда имѣетъ свои особенности, ей только принадлежащія, свои потребности, свои запросы и стремленія [1]), свою, наконецъ, ту или другую, степень пониманія и воспріемлемости обще-христіанскихъ истинъ.

Предметы содержанія проповѣдей Іоанна. Содержаніе проповѣдей Іоанна Смоленскаго и составляетъ обсужденіе и рѣшеніе, съ религіозной точки зрѣнія, современныхъ общественныхъ вопросовъ, занимающихъ образованное русское общество. Въ связи съ современными задачами практической жизни онъ раскрываетъ и общія истины христіанскаго ученія, приспособляя и примѣняя вѣчныя идеи христіанства и истины Евангелія къ тѣмъ, болѣе или менѣе, замѣчательнымъ фактамъ и явленіямъ, въ которыхъ выражалась жизнь, именно, современнаго проповѣднику общества и которыми характеризуется, именно, настоящій вѣкъ, духъ нашего времени. Близко знакомый съ современною жизнію, Іоаннъ съ удивительною вѣрностію замѣчалъ то,—разрѣшеніе какихъ

---

[1]) Преосвящ. Іоаннъ, еп. Смоленскій. Н. Романскаго. 1887 г. 203 стр.

именно вопросовъ необходимо въ данную минуту для современнаго общества.

Поднимается ли вопросъ объ освобожденіи крестьянъ, Іоаннъ въ своемъ словѣ, (произнесенномъ въ Казани, 1859 году), устанавливаетъ истинную точку зрѣнія на свободу: „свобода,—говоритъ онъ,—есть древо добра и зла, изъ него можетъ выйти равно и то и другое, смотря по тому, какъ человѣкъ къ нему относится, а чтобы онъ относился къ этому древу вѣрно и безопасно, нужна заповѣдь строгая, точная, положительная заповѣдь“; затѣмъ раскрываетъ смыслъ и значеніе свободы для жизни: „новое состояніе ваше, — обращается онъ къ ожидавшимъ свободы, — принесетъ вамъ новыя заботы и обязанности. Трудитесь!—тѣмъ съ большею охотою, что будете трудиться свободно, для себя. Свобода безъ труда есть только лѣность и праздность, предосудительная, вредная, грѣшная“; истинное понятіе о свободѣ проповѣдникъ обосновываетъ на Евангеліи, по которому „только усвоеніемъ духа Христова упрочивается свобода въ человѣкѣ; аще Слово Мое соблюдете, сказано Спасителемъ, во истину будете Мои ученицы и уразумѣете истину и истина свободитъ вы“.—

(*Проповѣдь объ освобожденіи крестьянъ Прав. Собесѣдн. 1859 г. Ч. 1-я, 354 стр.*). Зарождается ли новый вопросъ о народномъ образованіи, Іоаннъ обстоятельно обсуждаетъ съ церковной каѳедры мѣры и средства лучшаго и вѣрнѣйшаго достиженія цѣли благой реформы народнаго образованія; указываетъ на различныя препятствія, которыя могутъ помѣшать успѣху народнаго образованія и направить его на ложный путь; доказываетъ необходимость нравственнаго самообразованія для самихъ учительскихъ сословій— дворянъ, которымъ общество и правительство вручаетъ и довѣряетъ дѣло народнаго образованія. „Прекрасная и добрая мысль, говоритъ онъ, просвѣтить народъ... Но какъ просвѣтить?.. Ему нуженъ дѣятельный свѣтъ жизни. Гдѣ-же проводникъ для него такого свѣта?.. Въ лицѣ и жизни владѣльца... Вы свѣтъ своему міру... Но если свѣтъ и просвѣщенныхъ людей не безъ тьмы худыхъ мнѣній и страстей, то чего ожидать, чего и требовать отъ людей, которые въ свое

оправданіе сами себя называютъ темными... Все образованіе поселянина не должно-ли заключаться въ сердцѣ? На что ему высокое образованіе ума, широкія познанія... онъ долженъ быть развитъ нравственно". (Поученіе предъ началомъ дворянскихъ выборовъ:—Христ. чтеніе, 1870 г. Ч. I, 56 стр.).

Замѣчается ли въ образованномъ обществѣ увлеченіе новомоднымъ ученіемъ о, такъ называемой, „женской-эмансипаціи", — о возвышеніи правъ женщины, — Іоаннъ не стѣсняется говорить съ церковной каѳедры и по поводу современнаго женскаго вопроса: онъ указываетъ на начало и причины порабощенія женщины, разоблачаетъ неестественность ея положенія въ высшихъ кругахъ общества. „Потерявъ нравственную силу, говоритъ Іоаннъ о современной женщинѣ, и въ ней залогъ своего достоинства и свободы, — и своевольно выступивъ изъ области сердца, — женщина далеко зашла во внѣшній міръ... Она порабощена, потому-что поработила саму себя"... Затѣмъ проповѣдникъ представляетъ истинныя средства возвышенія женщины изъ созданнаго ею самою униженія, указывая на высочайшій Идеалъ и Первообразъ женщины въ христіанствѣ—Пр. Дѣву Марію,—на совершенство ея нравственной чистоты. (Бес. Іоанна, 194 стр.).

Историческія проповѣди Іоанна. Не только истины общія, отвлеченныя, но и историческія, христіанскія событія, Іоаннъ съ удивительною находчивостію воплощаетъ въ духъ, нравы и лица своего времени. Историческія его проповѣди даютъ возможность какъ бы самолично испытать и пережить тѣ отрадныя или потрясающія событія христіанской исторіи, которыя совершились уже болѣе 18-ти столѣтій назадъ. Такъ, напр., въ бесѣдахъ о страданіяхъ Спасителя Іоаннъ изображаетъ страшную картину голгоѳскихъ страданій, какъ бы повторяющеюся въ наше время. Въ началѣ проповѣди онъ обращается къ слушателямъ съ такимъ вопросомъ: „Не были ли вы сами при страданіяхъ Спасителя? Не были ли при Его осужденіи, поруганіи и распятіи? Вы конечно скажете, что, слушая описаніе страданій Христовыхъ, мы можемъ такъ живо представить ихъ себѣ, какъ будто сами видѣли... О такомъ ли присутствіи вопросъ? Нѣтъ, братіе...

Не были ли вы сами лично, если не въ числѣ судей, то обвинителей или свидѣтелей противъ Христа, или, наконецъ, въ толпѣ народа, который кричалъ: распни Его"? Затѣмъ Іоаннъ изображаетъ новый процессъ суда надъ Христомъ, выводитъ новаго измѣнника и предателя Христа,—это „разумъ, Христомъ просвѣщенный", показываетъ современный синедріонъ, это—„соборъ высшихъ наукъ въ ихъ современномъ направленіи", — и излагаетъ рѣшеніе суда, которымъ „все дѣло І. Христа отрицается". Униженный и поруганный Христосъ является предъ ожесточенною современною толпою, испускающею дикій вопль „распять Его!" „Но это учитель истины"—возражаетъ судья. „Не нужно намъ учителя истины; нѣтъ истины безусловной... Не нужно намъ Христа, и христіанства, и никакой религіи. Распять Его!.." „И Христосъ распинается нынѣ среди образованнаго христіанскаго міра". (Бес. Іоан. 131 стр.).

Характеристика образованнаго общества въ проповѣдяхъ Іоанна. Проповѣди Преосв. Іоанна представляютъ собою полную и живую характеристику современнаго образованнаго общества и тѣхъ заблужденій, которыми оно увлекается. „Наше время, говоритъ онъ, такое время, когда умы, свободно мыслящіе, съ своимъ отрицаніемъ самыхъ священныхъ убѣжденій... сами не знаютъ, чѣмъ замѣнить эти убѣжденія... гдѣ найти свѣтъ, откуда провести путеводный лучъ въ этотъ мракъ и борьбу умовъ?" (Бес. Іоан. 10 стр.). „Злой духъ времени думаетъ восторжествовать надъ церковью, раздѣливъ ея силы: онъ отдѣляетъ догматическое ученіе отъ нравственнаго и, повидимому, благоговѣя предъ послѣднимъ, отрицаетъ первое. Но онъ ошибается: нравственность христіанства есть выводъ изъ его вѣрованій". (Бес. Іоан. стр. 53-я).

„Всѣ ухищренія современной образованности, все искусство вѣка нынѣ направляется уже не къ тому, чтобы прикрыть безобразіе нравственной жизни, а напротивъ, чтобы разукрасить, не скрывая его, чтобы сдѣлать порокъ болѣе привлекательнымъ для глазъ, для чувства, воображенія; всякое зло, мерзость являются незастѣнчиво, во очію всѣхъ"... (Бес. Іоан. 155 стр.).

„Стремленіе основать всякое познаніе на началахъ физическихъ, опытныхъ, отрицаніе духовныхъ сторонъ въ существѣ и бытіи міра и человѣка,—намѣреніе затемнить и исторгнуть изъ сознанія идею Верховнаго Существа... Пройдетъ-ли это даромъ? Не вызоветъ ли въ наше время или послѣдующее потрясеній въ жизни обществъ и народовъ?..“ (Бес. Іоан., стр. 140).

Изобличая умственныя заблужденія, Преосв. Іоаннъ такъ характеризуетъ нравственное состояніе современныхъ людей, — болѣющихъ разочарованіемъ къ жизни, — или же преданныхъ исключительно матеріальнымъ заботамъ и интересамъ: „бываютъ,—говоритъ онъ,—тяжелыя минуты жизни для человѣка, минуты душевнаго разлада. Душа болитъ разочарованіемъ жизни, сомнѣніями, тоской, высказывается ропотомъ. Тогда жизнь теряетъ для человѣка всякое значеніе, онъ самъ себя спрашиваетъ: „зачѣмъ дана ему жизнь? ужели только на муку и казнь?“ Умъ, терзаемый всеотрицаніемъ, душа, волнуемая раздраженіемъ противъ жизни, сердце, опустѣвшее въ самомъ себѣ и охладѣвшее къ всему доброму, воля, ослабѣвшая въ своихъ нравственныхъ силахъ: какое это ужасное состояніе! Тогда ядъ отчаянія начинаетъ проникать въ душу и угрожаетъ человѣку ужаснѣйшеюсмертію вдвойнѣ—нравственною и физическою. Что можетъ спасти тогда человѣка? Вспомни онъ тогда, что онъ—христіанинъ; сквозь мракъ своихъ думъ сойди съ поверхности жизни въ глубь своей души; тамъ скрытъ забытый въ суетахъ жизни, заслоненный лживыми образами міра, подавленный страстями, но никогда не угасающій, мирный, благодатный свѣтъ христіанства. Внеси въ этотъ свѣтъ свои думы, свои чувства и страданія; тогда освѣтится все и душа и жизнь; тамъ примиришься съ жизнію и поймешь ея высокій смыслъ и назначеніе“...

„Что вы скажете, если я представлю вамъ картину такого рода: представьте себѣ кругъ людей мертвыхъ, не такихъ, которые лежатъ въ могилахъ, и не такихъ которыхъ называютъ привидѣніями, — а людей дѣйствительныхъ, только не живыхъ; мертвыхъ, однако-же ходящихъ по землѣ, ядущихъ и пьющихъ, и поддерживающихъ всѣ

обычныя житейскія соотношенія между собою и съ другими людьми живыми? Можетъ ли это быть, скажете вы? Можетъ, скажу я, потому что такіе живо-мертвые люди очень хорошо видимы тѣмъ, которые имѣютъ очи—видѣти. ...Таковы именно люди, у которыхъ есть только обликъ жизни, есть плоть жизни, но нѣтъ духа живаго..; это—люди, у которыхъ нѣтъ ни мысли въ головахъ, ни чувства въ сердцахъ, ни дѣла въ рукахъ, ни самосознанія въ духѣ, ни убѣжденій въ характерѣ, ни религіи въ совѣсти, ни правилъ въ нравственности, ни цѣли въ жизни. Какимъ же образомъ они существуютъ? Однимъ механическимъ дѣйствіемъ законовъ бытія; и самая смерть для нихъ не есть прекращеніе или смѣна жизни, которой, собственно говоря, у нихъ и не было, а только полное, окончательное раскрытіе во внѣ ихъ внутренней мертвенности; и выходитъ то, что Спаситель міра сказалъ одному изъ Своихъ послѣдователей, просившему у Него позволенія идти на погребеніе отца: *мертвые хоронятъ своихъ мертвецовъ*... Но вотъ и конецъ этихъ странныхъ людей. „*Ты*, говоритъ Судъ Божій, *ты только имя носишь, что ты живъ, а ты мертвый. Бодрствуй и дѣлай, что нужно близъ смерти. А не будешь бодрствовать, вотъ я найду на тебя, какъ тать, и ты не узнаешь, въ который часъ я найду на тебя.* (Апок. 3, 3)“... [1])

„Внутренняя жизнь современныхъ людей характеризуется отсутствіемъ мысли въ головѣ, чувства въ сердцѣ, дѣла въ рукахъ, самосознанія въ духѣ, убѣжденія въ характерѣ, религіи въ совѣсти, правилъ въ нравственности, цѣли въ жизни (Бесѣды Іоан., стр. 32).

Проповѣди Іоанна къ простому народу. Жизнь образованнаго общества Іоаннъ изображаетъ зараженною болѣзнью „злаго духа времени“,—невѣріемъ и отрицаніемъ. Обращаясь къ средѣ простыхъ людей—крестьянъ, проповѣдникъ въ чистой и пламенной вѣрѣ этихъ людей видитъ какъ бы отрадный якорь спасенія среди опасныхъ волнъ современнаго невѣрія. И потому, насколько строго и смѣло его слово обличенія къ

---

[1]) Бесѣды Пр. Іоанна. 1871 г. стр. 23.

образованному обществу, настолько же нѣжно и кротко его слово назиданія къ простолюдинамъ. По своему характеру проповѣди Іоанна къ простолюдинамъ напоминаютъ чисто семейныя искреннія наставленія отца-христіанина своимъ дѣтямъ, — наставленія простыя, безыскусственныя. „Утѣшительно для меня,—начинаетъ Іоаннъ одну изъ бесѣдъ къ простолюдинамъ, — видѣть васъ собранными въ храмѣ Божіемъ...; съ душевною радостію участвую въ вашемъ храмовомъ праздникѣ памяти св. князя Владиміра..., спокойно отдыхаю духомъ и тѣломъ около вашего селенія, въ которомъ вижу тишину, миръ, добрый порядокъ жизни... Теперь, если вы ожидаете отъ меня поученія, то откуда я могу взять лучшее поученіе, какъ не изъ жизни св. Князя? Жизнь его, сама по себѣ поучительная, должна быть хорошо извѣстна и памятна каждому русскому человѣку". Затѣмъ просто и кратко проповѣдникъ излагаетъ исторію обращенія Владиміра и выводитъ назидательные уроки, напр., что только правая вѣра доставляетъ счастіе человѣку, что не должно слушать разныхъ ученій, несогласныхъ съ вѣрой православной. „Такова была, — говоритъ проповѣдникъ, — жизнь этого истинно великаго и святаго князя... Помните всегда этотъ великій примѣръ вѣры и жизни, который постоянно напоминаетъ вамъ приходскій храмъ и въ особенности праздникъ нынѣшняго дня. Молитесь святому князю усердно, да своими молитвами предъ престоломъ Божіимъ и заступленіемъ онъ постоянно изливаетъ на васъ свѣтъ истины и благодатную помощь на всякое дѣло благое. И я усердно его молю о томъ же, и во особенности нынѣ во имя его призываю благословеніе Божіе на васъ, на ваши семейства, на ваши домы и поля и да даруетъ Богъ плоды добрые теперешнимъ вашимъ работамъ" *).

Такою же простотою и умѣньемъ приспособить предметъ поученія къ потребностямъ и пониманію простолюдиновъ отличается его — „загородное поученіе" (въ селѣ Петерб. губ.). „Не истинно ли даръ Божій у васъ, владѣ-

---

*) Бесѣды преосв. Іоанна. Изд. 1871 года, 197 стр. Въ день св. равноапостольнаго князя Владиміра. Произнесена въ сельской церкви на Дреснѣ, гдѣ преосв. Іоаннъ жилъ лѣтомъ 1867 года.

тели этой прекрасной мѣстности?... - говоритъ онъ,—Здѣсь среди прекрасной природы живетъ прекраснѣйшій духъ,—духъ христіанскій".

Взглядъ на простой народъ. На простой народъ Іоаннъ смотритъ какъ на представителя въ настоящее время нравственно-религіозной силы,—какъ на ниву Божію, обильную здоровыми соками для воспитанія въ себѣ плодовъ христіанской вѣры. Эта основная точка зрѣнія проникаетъ его проповѣди къ простому народу. Вотъ, напр., что говоритъ проповѣдникъ въ *бесѣдѣ на день явленія иконы Смоленской Божіей Матери.* „Какое поучительное зрѣлище представляетъ въ православной Россіи почитаніе народной святыни, усердіе къ ней народа, его молитвы передъ нею?.. Какая сила такъ привязываетъ народъ къ его святынѣ?.. Тотъ ошибется, кто припишетъ это силѣ преданія, обычая, суевѣрія. Въ преданіяхъ, обычаяхъ нѣтъ той души,—какая видна въ усердіи къ святынѣ... Въ суевѣріяхъ нѣтъ той, душу успокоивающей, силы, какая здѣсь открывается. . Нѣтъ, это не суевѣріе. Это глубокая сила духа, сила нравственная". (Бес. Іоан., стр. 248-я). „Вѣра православная—духовная сила народа русскаго; это корень его внутренней жизни исторической. И горе тому, кто посягнулъ-бы на эту святыню народа". (Бес. І., І, стр. 236).

„Народъ русскій не можетъ быть неправославнымъ: иначе онъ пересталъ бы быть русскимъ; отнять у него вѣру, въ которой онъ и одной буквы перемѣнить не позволяетъ, значило бы со дна возмутить его жизнь, значило бы отнять отъ него душу"*).

Такой же высокій взглядъ мы встрѣчаемъ у преосв. Іоанна и на будущія судьбы Россіи, — если она останется вѣрною своимъ завѣтамъ вѣры и православія.

„Каждый народъ,—говоритъ проповѣдникъ,—кромѣ своей мѣстной судьбы, имѣетъ участіе въ судьбахъ другихъ народовъ, и еще далѣе въ судьбахъ всего человѣчества... И Россія имѣетъ тутъ свою долю, потому что съ ея историческаго поля есть прямая дорога на это еще болѣе обширное поле. Эта дорога—святое православіе. Русскому народу

*) Бесѣды преосв. Іоанна 1876 г., 238 стр.

болѣе, чѣмъ всякому другому, открыть этотъ путь во всю широту и высоту міровыхъ судебъ, потому что ни у одного народа святыня вѣры не соединяется съ такимъ народнымъ могуществомъ и съ такою историческою силою, какъ у русскаго. Счастлива Россія, въ высшемъ смыслѣ этого слова, и великія судьбы ожидаютъ ее, и въ собственной ея жизни и въ цѣломъ мірѣ, если она пойметъ это призваніе, и не забудетъ его и не дастъ ничѣмъ сбить себя съ этого пути" *).

Изложеніе проповѣдей Іоанна. Оригинальный въ выборѣ и постановкѣ предмета въ своихъ проповѣдяхъ, преосв. Іоаннъ не менѣе оригиналенъ въ его раскрытіи и изложеніи. Оставивъ рутинные пріемы изложенія, какъ напр., искусственное расположеніе мыслей по частямъ, онъ вездѣ слѣдуетъ непосредственному и естественному теченію мыслей; и излагаетъ ихъ общеупотребительною, литературною рѣчью, по степени изящества не уступающею рѣчи образцовыхъ нашихъ духовныхъ и свѣтскихъ писателей.

Іоаннъ, какъ представитель новаго періода исторіи русской проповѣди. — Проповѣдническая дѣятельность Іоанна характеризуетъ собою начало новаго періода исторіи нашего проповѣдничества. Своимъ примѣромъ проповѣди преосв. Іоаннъ показалъ, что настоящая церковная проповѣдь, обращенная къ образованному обществу, должна быть проповѣдью публицистическою, разъясняющею истины христіанскія въ ихъ соприкосновеніи съ вопросами современной общественной жизни. Современное русское проповѣдничество и поставляетъ свою задачу въ томъ, чтобы сблизиться съ дѣйствительною жизнію во всѣхъ ея направленіяхъ: разоблачить не нормальность ложнаго направленія жизни и указать для нея истинный идеалъ; научить какъ можно жить по-христіански въ той самой обстановкѣ и при тѣхъ самыхъ условіяхъ, въ которыхъ поставлены слушатели; разрѣшать современныю вопросы жизни, съ религіозной точки зрѣнія,—и освѣщать религіознымъ взглядомъ замѣчательныя современныя явленія.

---

*) Бесѣды преосв. Іоанна. 1876 г., 83 стр.

Протоіерей Родіонъ Путятинъ.

Протоіерей Родіонъ Тимофѣевичъ Путятинъ родился въ 1807 году въ селѣ Путятинѣ Сапожковскаго уѣзда Рязанской губерніи. Отецъ его былъ священникомъ въ этомъ селѣ. Образованіе получилъ въ Рязанской Семинаріи, а затѣмъ въ Московской духовной Академіи, гдѣ въ 1834 году окончилъ курсъ со степенью магистра. Уже во время обученія въ Семинаріи и Академіи у него проявлялась любовь къ самостоятельному, оригинальному мышленію и онъ сѣтовалъ на то, что въ его время мало или совсѣмъ не пріучали учащихся свободно и самостоятельно мыслить и выражать свои мысли: такъ въ своемъ „дневникѣ“ [1]) о семинарскомъ образованіи своего времени онъ пишетъ: „Насъ не только не учили мыслить, но напротивъ отучали, не давали, запрещали мысль. Не смѣй своего сужденія имѣть: вотъ главное правило, котораго мы въ Семинаріи должны были держаться“. Объ академическомъ: „Насъ не пріучали мыслить, а учили сочинять, составлять изъ чужихъ мыслей цѣлое что-нибудь. Какъ, обыкновенно, мы писали? Тутъ почитаешь, въ другомъ мѣстѣ, въ третьемъ; подумаешь, пособразишь немного, а иногда и много, долго, и думая, не о томъ заботишься, чтобы дѣло сказать, правду, а о томъ, чтобы правильно сказать, т. е. по правиламъ риторики сказать. Пріучая насъ сочинять, отучали мыслить. Не то, что мы боимся высказывать свои мысли, а мы не умѣемъ ихъ высказать, выразить, и не только мыслей своихъ не умѣемъ высказать, но и мыслить по своему, такъ сказать, не умѣемъ, не привыкли“. Во время пребыванія въ Академіи у Путятина уже отчасти сложилась та гомилетическая теорія, которой онъ впослѣдствіи слѣдовалъ во все время своего пастырскаго служенія. „Когда я былъ, учился въ Академіи,— пишетъ онъ въ своемъ „дневникѣ“ [2]), и тогда еще я замышлялъ держаться, главнымъ образомъ, историческихъ фактовъ, примѣровъ, опытовъ. При окончаніи курса, поступая на должность, я не оставлялъ своей мысли. Помню, какъ

---

[1]) „Церковныя Вѣдомости“ 1904 годъ, № 28-й, 1040 стр.
[2]) „Церковн. Вѣдомости“. 1904 года, № 28, 1040 стр.

читалъ я Прологи, Четіи - Минеи, отмѣчалъ въ нихъ, выписывалъ изъ нихъ интересное. И на должности то же занимало меня преимущественно. Покупалъ книги такія, въ которыхъ описываютъ опыты, примѣры благочестія. Наконецъ, я положилъ написать краткія поученія объ истинахъ вѣры и дѣятельности изъ этихъ историческихъ опытовъ". По окончаніи курса въ Академіи, Путятинъ былъ назначенъ профессоромъ словесности въ Ярославскую духовную Семинарію, а чрезъ годъ, въ 1835 году, былъ рукоположенъ во священника къ Ярославской Тихоновской церкви, съ оставленіемъ въ должности профессора Семинаріи. Отъ Тихоновской церкви онъ былъ впослѣдствіи перемѣщенъ въ священника Каѳедральнаго Собора, а затѣмъ къ церкви Сошествія Св. Духа. Въ 1845 году онъ былъ назначенъ настоятелемъ Рыбинскаго Собора и получилъ санъ протоіерея. Здѣсь онъ особенно прославился своими „краткими поученіями". Въ 1863 году, во время посѣщенія г. Рыбинска покойнымъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ Николаемъ Александровичемъ, Путятинъ произнесъ въ его присутствіи поученіе, за которое получилъ благодарность отъ Цесаревича. Въ Рыбинскѣ Путятинъ и скончался 4 Ноября 1869 года, на 62 году своей жизни.

Изданіе поученій Путятина началось съ 1842 года. Первоначально онѣ печатались въ видѣ отдѣльныхъ „выпусковъ" (22 выпуска), и затѣмъ въ видѣ „полныхъ собраній краткихъ поученій, съ прибавленіемъ поученій для народа". Послѣднее полное собраніе поученій прот. Путятина издано въ 1872 году. Въ этомъ изданіи всѣ поученія раздѣлены на 11 отдѣловъ, соотвѣтственно съ ихъ содержаніемъ. Въ 1 отдѣлѣ содержатся поученія на праздники Господскіе; во 2—на воскресные дни; въ 3—на Богородичные праздники; въ 4—на дни святыхъ; въ 5—на Св. Четыредесятницу; въ 6—на разныя мѣста Свящ. Писанія и о богослуженіи; въ 7—на освященіе храмовъ; въ 8—на разные случаи; въ 9—на дни царскіе; въ 10—надгробныя; въ 11—поученія катихизическія.

Взглядъ прот. Путятина на дѣло проповѣданія, его усердіе въ приготовленіи къ проповѣданію и мы-

сли о пріемахъ составленія проповѣдей [1]). На служеніе пастыря, какъ духовнаго учителя и воспитателя своихъ дѣтей духовныхъ, протоіерей Путятинъ смотрѣлъ необыкновенно высоко: „Богъ сроднилъ меня съ вами (прихожанами) говоритъ онъ, — „во всемъ мірѣ теперь нѣтъ людей, которые бы по духу были такъ близки ко мнѣ, какъ близки вы: вы теперь для моего духа все—и предметъ заботъ, и источникъ утѣшеній; вашимъ спасеніемъ я спасаюсь, ваша погибель и мнѣ грозитъ гибелью. Моему сану надлежитъ слово Божіе проповѣдати не точію языкомъ, но пишущею рукою, то мое дѣло, то мое званіе, то моя должность". Нѣтъ такого маленькаго событія, на которое не обратилъ бы вниманія о. Родіонъ. Онъ сѣялъ сѣмя слова Божія вездѣ и всегда,—и въ храмѣ, и на стогнахъ, и въ домахъ, и при Божественной литургіи, и при бракѣ, и при погребеніи. Въ тѣ дни, когда онъ служилъ самъ, онъ почти всегда произносилъ поученіе. „Надобно непрестанно говорить", — писалъ онъ, „непрестанно говорить въ церкви проповѣди, всякій праздникъ. Давно я чувствовалъ, сознавалъ эту необходимость. Теперь еще больше нахожу это необходимымъ. Люди нынѣшніе забылись, не помнятъ своихъ существенныхъ обязанностей. Надобно непремѣнно говорить, говорить. Не знаю, какъ сказать, какъ это необходимо, нужно, полезно. И говорить надобно какъ можно чаще, всегда, при всякомъ случаѣ, по крайней мѣрѣ, при всѣхъ большихъ собраніяхъ". Когда о. Родіону почему-либо не удавалось говорить поученіе въ церкви, то онъ искренно объ этомъ скорбѣлъ; по крайней мѣрѣ въ тотъ періодъ своей жизни, когда онъ обладалъ достаточнымъ запасомъ физическихъ силъ и болѣзнь не сломила его здоровья, онъ сожалѣлъ и скорбѣлъ, если въ праздникъ шелъ въ церковь безъ поученія. Въ своемъ дневникѣ въ 1861 году онъ писалъ: „было время, когда я скорбѣлъ, если въ праздникъ иду, бывало, къ обѣднѣ безъ поученія. Нынѣ нѣтъ. Отчего? Отъ слабости силъ, частію же потому, что не считаютъ нужнымъ эти поученія наши". Когда ему почему-либо не приходилось долго писать поученія, то это его безпокоило.

[1]) „Изъ дневника протоіерея о. Родіона Путятина". „Церк. Вѣд." 1904г., 28-й №.

Въ дневникѣ своемъ онъ отмѣчаетъ: „нынѣ съ безпокойствомъ думаю о томъ, что я давно не пишу. А какъ давно? мѣсяца полтора, чуть не два. Правда, я думалъ, затѣвалъ, но этимъ все и оканчивалось“. Онъ постоянно думалъ о планахъ для поученій, постоянно строилъ планы для новыхъ проповѣдей. Въ своемъ дневникѣ онъ почти ежедневно даетъ отчетъ о томъ, что онъ сдѣлалъ, что написалъ, о чемъ думалъ. „Все планы строю“, писалъ онъ, „а построить еще ничего не построилъ. Время все уходитъ въ черченіи то того, то другого плана, а на постройку ничего не остается. Хоть что-нибудь маленькое да цѣлое. Думалъ сейчасъ о проповѣди. Все не клеится у меня. Отчего? Оттого, что берусь за многое и за разное... Мнѣ хочется сдѣлать больше съ небольшими трудами. Да, такъ. И потому не знаю, что мнѣ дѣлать. Большое маленькими силами не дѣлается. И вотъ я досадую, скорблю, что силы у меня мало. Я готовъ, радъ сдѣлать и маленькое, только хорошенькое; но и это не дается“. Или вотъ еще примѣръ того, какими планами задавался о. Родіонъ. „Нынѣшній день“, пишетъ онъ 10 октября 1859 года, „я брался говорить о многомъ: дневное Евангеліе готовился изъяснить, или что нибудь изъ него; „Отче нашъ“ хотѣлъ начать изъяснять; о необходимости для каждаго христіанина имѣть у себя дома Евангеліе и другія Божественныя книги; о необходимости для каждаго изъ насъ трудиться, дѣлать что-нибудь такое, что могло бы приносить пользу намъ и другимъ“. Иногда планы о. Родіона были очень обширны. Онъ задавался цѣлію написать изъясненіе символа вѣры, молитвы Господней, изъяснить литургію, богослуженіе, написать общедоступно систему христіанскаго ученія. „Чего, чего я въ свой вѣкъ не затѣвалъ“, писалъ онъ,—„символъ вѣры хотѣлъ объяснить, потомъ литургію, прочія службы и уже написалъ проповѣди двѣ-три, послѣ хотѣлъ писать бесѣды на разныя манеры. Въ Рыбинскѣ было много покушеній. Кажется все перепробовалъ. Чѣмъ же все это кончится? Ужели ничѣмъ? Нѣтъ, во что бы то ни стало буду заниматься тѣмъ, для чего переплетены начатки христіанскаго ученія“. Нелегко давались о. протоіерею поученія, которыми всѣ такъ увлекались и увлекаются. При писаніи поученій ему приходилось много мучиться и страдать.

„И самое краткое поученіе“, говоритъ онъ, „не малаго труда мнѣ стоитъ; вчера я часа три, четыре все рождалъ и десять строкъ, не больше, написать. Да, я всю ночь мучился, не спалъ, по милости приготовленія поученія и доходилъ вчера ночью до совершеннаго изнеможенія. Дорого бы я далъ, если бы кто меня избавилъ отъ моего труда... Тяжелое дѣло, скорбное дѣло сочинительство. Сколько однихъ тревогъ, сомнѣній, недоумѣній, опасеній! Вотъ искушеніе: 1-й часъ за полночь, а я не сплю и никакъ уснуть не могу. Думалъ о поученіи къ завтраму: ничего не могъ придумать. Отчего эти поученія не даются намъ такъ, безъ труда? Мало того, что трудъ для нихъ необходимъ, нѣтъ, надобно... ужъ не знаю, какъ сказать, что надобно: измучиться, изъ силъ выбиться, послѣ большихъ усилій, послѣ долгаго напряженія, и все-таки этого мало. Не напрасно говорятъ, что для всякаго писателя вдохновеніе необходимо: т. е. необходимо, чтобы свыше что-нибудь пришло къ тебѣ, чтобы что-нибудь натолкнуло тебя на мысль. Что меня заставляетъ заниматься или, вѣрнѣе сказать, мучиться надъ поученіями?.. А я въ собственномъ смыслѣ мучусь или мучился надъ нѣкоторыми“. Въ тѣхъ случаяхъ, когда поученіе почему-либо не давалось о. Родіону, онъ обращался съ молитвою къ Богу. Вотъ какъ онъ молился послѣ неудачной попытки написать поученіе: „все не то, все не такъ. Такъ что же, такъ какъ же? Господи! Вразуми меня, вразуми меня, что я долженъ говорить. Мнѣ хочется говорить, мнѣ больно, что не умѣю, не могу говорить, какъ мнѣ хочется. Ты, Господи, Самъ скажи мнѣ, что и какъ я долженъ говорить“. Вотъ еще: „пошли, Господи, мнѣ мысль какую-нибудь святую, которою бы освятилась и оживилась холодная моя душа, и которую я могъ бы завтра передать другимъ, подобнымъ мнѣ“. „Для поученія“, пишетъ онъ въ другомъ случаѣ,— „довольно одной минуты, или даже секунды довольно. Но этой секунды приходится долго ждать, иногда нѣсколько часовъ, цѣлыя сутки и дни. Иногда такъ ждешь, ждешь этой секунды, да и бросишь все и ничего не сдѣлаешь“. Послѣ продолжительныхъ заботъ о проповѣди, иногда его осѣняло наконецъ, давно ожидаемое имъ вдохновеніе. „Вчера очень довольно писалъ“, говоритъ онъ, „и нынѣ послѣ утрени

писалъ, наконецъ, бросилъ все. Такъ и рѣшилъ было ничего не говорить. Вдругъ пришла одна мысль, давно бывшая въ головѣ, опредѣленная, хоть и весьма не важная, самая простая, обыкновенная; я за перо, и поученіе черезъ часъ готово. Странно, многимъ очень оно понравилось. А все-то оно не болѣе четвертинки листа". „Нынѣ я говорилъ поученіе", пишетъ о. Родіонъ, „въ которомъ касался современныхъ военныхъ дѣлъ. Поученіе не было задумано вчера, а было написано утромъ, съ одного маху; не успѣлъ даже прочитать написанное". Прежде чѣмъ отдать въ печать поученіе, онъ тщательно исправлялъ его; если же оно оказывалось очень неудачнымъ, то уничтожалъ его. „Просматривалъ", пишетъ онъ, „старый хламъ свой. Нѣкоторыя, — впрочемъ одно только, — до того приторно, что тотчасъ разодралъ. Препорядочно мучусь я за поученіями. Доселѣ исправилъ ихъ немного. Четыре почти совершенно вновь передѣлалъ. Впрочемъ, придется, кажется, всякое — вновь почти. Должно быть, съ перваго числа я началъ ихъ поправлять. Слѣдовательно, нынѣ три недѣли... Доселѣ занимался разсматриваніемъ своихъ катихизическихъ бесѣдъ — съ тѣмъ, чтобы послать ихъ въ епархіальныя вѣдомости. Нѣтъ, не стоятъ того. И потому досаду одну на себя принесло мнѣ это разсматриваніе. Нѣтъ, не годятся. Почему нѣтъ въ нихъ, почти нѣтъ, ни одного живого слова? Только живое слово живо и дѣйственно. Одно живое слово лучше тысячи. Да, досаду навели на меня эти бесѣды. Я продолжаю себя разбирать, разлагать, и хочу все или всѣ оставить, потому что въ нихъ во всѣхъ дѣла мало сказано, а не дѣла, не къ дѣлу очень много; много для одной круглоты рѣчи, для складу, для того только, чтобы читать или слушать было пріятно... Нѣтъ, видно, я не въ духѣ, оттого и свое мнѣ ничто не нравится". И не одинъ годъ такъ трудился выдающійся проповѣдникъ. Послѣдніе два года Родіонъ Путятинъ не могъ неопустительно посѣщать богослуженіе. Но дома у себя онъ, хотя и больной, продолжалъ трудиться надъ своими поученіями. За нѣсколько дней до смерти его видѣли работающимъ за письменнымъ столомъ *).

*) Церк. вѣд. 1904 г. № 28, стр. 104—105.

Свойства проповѣдей протоіерея Р. Путятина.

Среди многочисленныхъ русскихъ проповѣдническихъ произведеній наибольшею распространенностію и популярностію, особенно между нашими сельскими пастырями, пользуются „краткія поученія протоіерея Родіона Путятина". Въ каждой почти церковной библіотекѣ, у каждаго пастыря, ревностнаго къ дѣлу проповѣди,—можно найти эти поученія. Объ ихъ распространенности свидѣтельствуетъ также и количество изданій, какое они имѣли. Въ 1872 году было сдѣлано 17-е ихъ изданіе: таковое количество изданій рѣдко выпадаетъ на долю проповѣдническихъ произведеній. Почему же поученія прот. Путятина пріобрѣли такую симпатію и общеизвѣстность между нашими пастырями, въ особенности сельскими? Какія свойства и особенности его проповѣдничества?

Поученія прот. Путятина главнымъ образомъ предназначаются для народа т. е. для простого населенія, для необразованной части нашего общества, для тѣхъ людей, кои вѣруютъ въ простотѣ сердца, и, не имѣя научнаго развитія, не обладая богатствомъ знаній, жаждутъ духовнаго просвѣщенія и въ поученіяхъ пастыря ищутъ наставленія, вразумленія, охотно слушаютъ и простымъ, здравымъ смысломъ, да добрымъ сердцемъ воспринимаютъ и усвояютъ истины, возвѣщаемыя съ церковной каѳедры. Для таковыхъ людей не столько требуется въ проповѣди раскрытіе основаній вѣры, сколько краткое, простое, практическое изъясненіе истинъ христіанскихъ, изложенное живою, свободною рѣчью. Таковымъ главнымъ требованіямъ отъ народной проповѣди и удовлетворяютъ поученія протоіерея Р. Путятина. Въ этой примѣнимости ихъ къ простому русскому народу, составляющей ихъ отличительный характеръ,—и заключается причина ихъ благотворнаго воздѣйствія и того сочувствія, какимъ онѣ пользуются среди пастырей — проповѣдниковъ.

1) Всѣ поученія о. Путятина за немногими исключеніями, отличаются краткостію и эпитетъ „краткія" по отношенію къ его поученіямъ приложимъ, какъ нельзя болѣе. Но онѣ кратки не по внѣшнему только изложенію, но и по содержанію: въ нихъ нѣтъ обилія мыслей, нѣтъ глубо-

каго, всесторонняго раскрытія предмета, такъ что онѣ въ этомъ отношеніи уступаютъ многимъ поученіямъ и неперво-степенныхъ нашихъ проповѣдниковъ. Тѣмъ не менѣе—по своей краткости въ изъясненіи и изложеніи одной какой либо мысли, составляющей тему или предметъ ихъ содержанія, поученія о. Путятина являются наиболѣе примѣнимыми къ степени развитія нашего простого народа: простому, не привыкшему мыслить объ отвлеченныхъ предметахъ, уму трудно усвоять тѣ проповѣди, въ которыхъ предметъ раскрывается со многихъ сторонъ, съ возможною полностію и обстоятельностію, въ которыхъ вниманію слушающаго предлагается какъ бы цѣлый рядъ истинъ, нерѣдко новыхъ и для него неизвѣстныхъ. Вотъ почему о. Путятинъ, опытный и предусмотрительный народный проповѣдникъ, никогда не злоупотребляетъ вниманіемъ своихъ простыхъ слушателей, не вдается въ излишнія подробныя разсужденія, не говоритъ болѣе того, что слушатели могутъ понять безъ большихъ для себя усилій и, обращая свою рѣчь къ народу,—предлагаетъ всегда „краткія поученія“, —гдѣ нѣтъ утомляющаго разнообразія и обилія мыслей, гдѣ вниманіе слушателя можетъ сосредоточиться на одной, много на двухъ—трехъ опредѣленныхъ мысляхъ.

2) При изъясненіи и раскрытіи своихъ мыслей, о. Путятинъ также предусмотрительно сообразуется съ пониманіемъ своихъ слушателей и говоритъ всегда такъ, что самый простой, неразвитый умъ легко можетъ усвоить несложное содержаніе его поученія; не вдаваясь въ глубокое всестороннее разсматриваніе предмета, онъ употребляетъ другой способъ изъясненія истины: отвлеченную истину онъ обыкновенно облекаетъ въ наглядные образы и поясняетъ ее примѣрами изъ Свящ. Исторіи, житій святыхъ и т. п., такъ что почти каждое изъ его поученій содержитъ въ себѣ какой-либо историческій разсказъ, или указаніе на жизнь и подвиги святыхъ. А нерѣдко и самое поученіе онъ прямо начинаетъ изложеніемъ историческаго событія,—или житія святаго, и затѣмъ ясно и наглядно высказываетъ тотъ нравственный урокъ, какой можно извлечь изъ разсказанныхъ имъ священныхъ повѣствованій.

3) При краткости и простотѣ, поученія о. Путятина отличаются практическимъ направленіемъ:

За изъясненіемъ истины—въ нихъ всегда слѣдуютъ указанія на такое или иное примѣненіе ея къ дѣйствительной жизни. Между поученіями о. Путятина весьма мало такихъ, гдѣ-бы изъяснялись истины догматическаго характера, (за исключеніемъ поученій „катихизическихъ), но и въ этихъ поученіяхъ къ изъясненію догматическихъ истинъ присоединяется всегда нравственное, практическое приложеніе. Содержаніемъ же большей части поученій о. Путятина служатъ по преимуществу истины, касающіяся отношенія христіанъ къ церкви и ея различнымъ. установленіямъ,—вопросы, касающіеся жизни семейной, гражданской, вообще всѣ тѣ нравственныя истины, которыя могутъ имѣть такое или другое примѣненіе къ жизни. По таковому своему практическому направленію поученія о. Путятина имѣютъ самое близкое приложеніе къ тѣмъ именно слушателямъ, къ которымъ обращаетъ свою рѣчь проповѣдникъ; въ нихъ содержатся тѣ нравственные уроки, которые именно имъ нужны и которые они могутъ исполнить, и справедливое, проникнутое духомъ любви и благожеланія. обличеніе въ тѣхъ заблужденіяхъ, кои имъ именно присущи, и утѣшеніе въ ихъ дѣйствительныхъ печаляхъ и напастяхъ ихъ обыденной жизни.

4) Поученія о. Путятина написаны самымъ простымъ, общепонятнымъ языкомъ. Въ нихъ нѣтъ изысканности выраженій, фигуральности оборотовъ рѣчи, стройности или систематичности изложенія—словомъ всего того, что составляетъ принадлежность ораторскаго искусства. Эти поученія составлены не по правиламъ какой либо системы, но въ нихъ слышится живое слово, во всей его непосредственности, со всѣми достоинствами и недостатками устной разговорной рѣчи: въ нихъ можно встрѣтить не вполнѣ правильные обороты рѣчи, частыя повторенія, отступленія отъ главной темы, словомъ все то, что бываетъ въ устной, живой, не книжной рѣчи, но вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь высказывается живое неподдѣльное чувство, въ каждомъ поученіи просвѣчиваетъ сила и искренность убѣжденія. Но вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникъ свободенъ отъ недостатковъ народной рѣчи, никогда не говоритъ такъ называемымъ „вульгарнымъ язы-

комъ", но всѣ его поученія тѣмъ особенно и цѣнны, что при своей необыкновенной простотѣ они вполнѣ выдерживаютъ достоинство священно-церковной поучительной рѣчи,— въ простыхъ задушевныхъ словахъ въ нихъ всегда высказывается высокая, нравственная истина. Что можетъ быть проще напр., такого обращенія къ слушателю: „а когда тебѣ сдѣлается слишкомъ тяжело, отъ чего бы то ни было,— ты къ Богу поскорѣе,—Богу, Отцу твоему, скажи: мнѣ слишкомъ тяжело, Господи!" Такія воззванія и обращенія къ слушателямъ составляютъ очень обыкновенный пріемъ въ поученіяхъ о. Путятина, и нельзя не сознаться, что подобные обороты рѣчи могутъ производить сильное впечатлѣніе, если только они естественны, если въ нихъ незамѣтна искусственность, натянутость. *)

Вообще можно сказать, что поученія о. Путятина совмѣщаютъ въ себѣ всѣ существенныя условія т. н. „народной проповѣди", хотя, впрочемъ, въ нѣкоторыхъ изъ нихъ при стремленіи къ краткости и простотѣ проповѣдникъ не избѣжалъ малосодержательности, вялости и растянутости въ изложеніи. Будучи какъ нельзя болѣе пригодными для нашего простого народа, поученія о. Путятина не теряютъ чрезъ это своего значенія и для образованнаго класса слушателей. Есть между поученіями о. Путятина, правда весьма немногія, — касающіяся сомнѣній, недоумѣній въ истинахъ вѣры — (напр. въ истинѣ бытія Божія, въ божественномъ происхожденіи Священнаго Писанія), въ которыхъ проповѣдникъ имѣлъ въ виду образованныхъ, знакомыхъ съ современными научными теоріями и воззрѣніями, слушателей. Но и всѣ его поученія,—съ присущими имъ глубиною чувства, искренностію и силою убѣжденія, духомъ пастырской любви и ревности — и изящною простотою, безъ сомнѣнія, имѣли благотворное воздѣйствіе и на интеллигентныхъ слушателей, доказательствомъ чему служитъ то обаяніе, какое производили поученія о. Путятина на все городское населеніе (гор. Ярославля, и особенно Рыбинска, гдѣ о. Путятинъ былъ протоіереемъ), въ средѣ котораго былъ, безъ сомнѣнія, и образованный классъ слушателей.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ привести краткій,

*) Воскресное чтеніе. 1869 г. Книга 1-я стр. 316.

но мѣткій отзывъ о поученіяхъ о. Путятина одного изъ ихъ обозрѣвателей [1]): „Въ чемъ секретъ?“ (распространенности поученій о. Путятина и всеобщей любви къ нимъ), спрашиваетъ онъ,—и отвѣчаетъ: „Въ томъ, что проповѣдникъ былъ истиннымъ пастыремъ, что каждое слово его было самимъ имъ прочувствовано, что онъ имѣлъ „помазаніе“, что не забывалъ умнаго правила... береги время и терпѣніе своихъ слушателей. Разсказываютъ, что кто-то изъ высокостоящихъ лицъ, посѣтивъ покойнаго Филарета, Митрополита Московскаго, и замѣтивъ у него на столѣ поученія Путятина, сказалъ: „легенькія проповѣдки, Ваше Высокопреосвященство!“ „Да, легенькія, отвѣчалъ ему великій витія, да писать-то ихъ трудно“... Невозможно себѣ представить ничего проще поученій о. Родіона. Онъ не натуживается въ измышленіи темы, не подбирается къ ней стороной и околодками, не играетъ фразами, не щеголяетъ неожиданными оборотами; а каждое событіе церковное, или евангельское сказаніе, или притча сами подаютъ ему мысль, но уже онъ непремѣнно проведетъ ее отъ ума прямо въ сердце своихъ слушателей, да тамъ ее и положитъ. И пойдетъ человѣкъ изъ храма Божія съ чистымъ зерномъ слова евангельскаго,... и чуетъ, какъ изъ этого зерна поднимается ростокъ, согрѣваемый теплотою его собственнаго сердца“.

Дай Богъ, чтобы нива нашей родной русской церкви, какъ можно болѣе, произращала таковыхъ полезныхъ дѣятелей, — пастырей-проповѣдниковъ, которые бы, будучи сами одушевлены силою искренняго убѣжденія и Христовой любви, — и обладая богатствомъ духовнаго просвѣщенія и знаній,—щедрою рукою разсѣявали сѣмена вѣры по всему обширному пространству земли русской,—благотворнымъ свѣтомъ вѣчной, незыблемой Христовой истины просвѣщали невѣдущихъ, покоряли ей умы и сердца заблуждающихся, сомнѣвающихся и невѣрующихъ, дабы, подъ кровомъ Матери нашей св. православной Церкви, наше дорогое отечество шло твердою стезею по пути духовно-нравственнаго обновленія, усовершенія и преспѣянія въ христіанской жизни!

[1]) Домашняя бесѣда. 1872 г. Вып. 27, 860 стр.

RAZUMIKHIN
Istoriia russkoi
propoviedi

